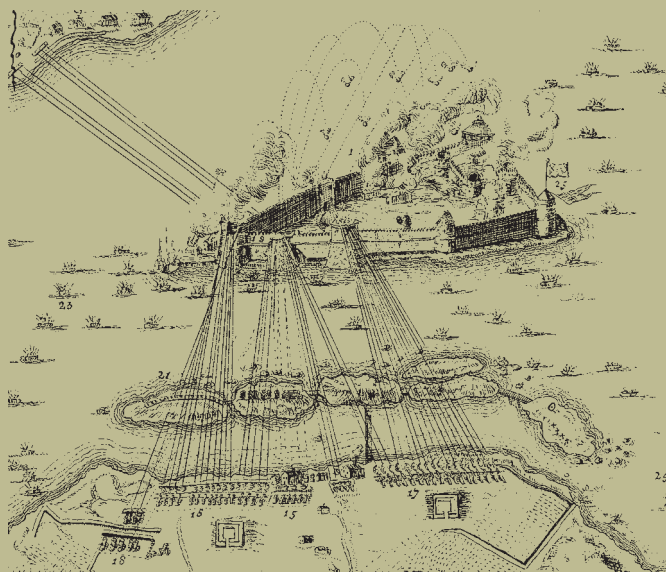

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ДВЕНАДЦАТЫЙ

*К 80-летию создания музея
в Шлиссельбургской крепости Орешек*

Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

**ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Выпуск 12

**Шлиссельбургская крепость Орешек:
исследования и материалы**

Санкт-Петербург
2006

T78

ББК 63.3(2-2СПб)
ISBN 5-902671-45-9

Сборник статей подготовлен издательским отделом ГМИ СПб

Редакционная коллегия: *Ю. Б. Демиденко, А. В. Жервэ, Г. П. Игнатьева*
Научный редактор: *Ю. Б. Демиденко*
Куратор проекта: *А. В. Жервэ*
Составитель: *Г. П. Игнатьева*

Альманах «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга», вып. 12 приурочен к 80-летию создания музея в Шлиссельбургской крепости Орешек. Музей был открыт как филиал Государственного музея Октябрьской революции в 1928 г. Ныне — филиал ГМИ СПб. В сборнике собраны статьи, написанные в разные годы в основном сотрудниками ГМИ СПб. Ряд документов и различных материалов публикуются впервые. По некоторым проблемам предлагаются обобщающие статьи, созданные на основе известных, но разрозненных материалов.

Сборник рассчитан на историков, краеведов, студентов гуманитарных вузов и всех, кто проявляет интерес к русской истории.

От составителя

В истории Шлиссельбургской крепости Орешек 2006–2008 годы отмечены важными памятными датами. Прошло 685 лет со времени основания новгородцами в 1323 году первой деревянной крепости на острове у истока Невы из Ладожского озера. 12 августа того же года был подписан мирный договор между Великим Новгородом и Швецией. Это событие увековечил памятный знак, установленный при участии Генерального консульства Швеции в Петербурге и Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В 1906 году после освобождения народолюбцев, которые провели в заключении по 18–20 лет, крепость впервые была открыта для посетителей, но только на несколько месяцев. Сотни экскурсантов стремились увидеть таинственный Шлиссельбург, где страдали жертвы произвола и беззакония властей. В 2008 году музей в крепости, открытый в 1928 году, отметит свое 80-летие.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) немногочисленный гарнизон 500 дней стойко защищал крепость. 8 сентября 1941 года началась оборона Орешка. После прорыва блокады Ленинграда бойцы, выполнив поставленную командованием задачу, 18 января 1943 года покинули крепость. В 2008 году Орешек отметит 65-летие этого события.

Предлагаемый сборник статей посвящен этим знаменательным датам. Авторы работ — музейные сотрудники, историки, архитектор, археолог. В статьях использованы литературные и архивные источники, натурные обследования и результаты археологических раскопок.

Целый ряд документов: письмо шведского короля Юхана III воеводе и боярам Орешка, письма В. О. Лихтенштадта и Н. А. Морозова — публикуются впервые. Некоторые статьи стали обобщением известных материалов, опубликованных в разных изданиях. Таким образом удалось составить более полную картину о пребывании узников разного времени в тюрьме Шлиссельбургской крепости. Многие темы, такие как побеги из тюрьмы, узницы XVIII — начала XIX века и др., в существующей литературе почти не рассматривались. Впервые публикуется каталог книг из библиотеки каторжной тюрьмы Шлиссель-

бурга, который предваряется рассказом об истории формирования этой библиотеки. В фондах ГМИ СПб хранятся 155 книг, на некоторых имеются пометы и автографы узников. Несомненный интерес представляет статья об уникальном экспонате из фондов Музея — латунной доске с именами воинов, павших во время штурма крепости Нотебург в 1702 году.

В 2000 году в городе Калуга тиражом всего 300 экземпляров была напечатана книга «Шлиссельбуржец Владимир Левтонов», написанная дочерью бывшего узника. Книга представляет несомненную ценность: в ней ведется рассказ не только о судьбе одного из последних заключенных революционеров В. Н. Левтонова, но и опубликованы его воспоминания «Последний Шлиссельбург (1907–1917)», в которых отразилась жизнь и борьба узников в самом конце существования этой страшной тюрьмы. Мы сочли возможным опубликовать фрагменты из вышеназванной книги в изложении автора О. В. Левтоновой.

Некоторые статьи предназначались для самостоятельных изданий. Это очерки, посвященные людям, известным в истории России высокой нравственностью, беззаветным служением долгу, борьбой за социальную справедливость. Разнообразные материалы, надеемся, найдут своего читателя и вызовут интерес к событиям давних лет.

В. И. Кильдюшевский

Крепость Орешек — начало истории

Поселение в истоке Невы, сменившее за время своего существования четыре названия — Орешек, Нотебург, Шлиссельбург, Петрокрепость, насчитывает почти семь веков своей истории. Пограничный форпост и город-крепость, остров-страж и царский застенек, непобедимый бастион на левом фланге Ленинградского фронта во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, крепость-музей в наши дни. Воссоздать начальную историю крепости позволяют данные, полученные в результате археологических работ.

Археологические исследования на территории крепости Орешек проводились в 1968–1975 годах силами отряда по изучению крепостей Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) под руководством А. Н. Кирпичникова при финансировании и всесторонней поддержке Музея истории Ленинграда (ГМИЛ, ныне ГМИ СПб). Работа проходила в тесном контакте с архитекторами-реставраторами во главе с В. М. Савковым. За восемь лет на территории крепости в разных местах были заложены шурфы и раскопы общей площадью около 3000 кв. м. Археологические и архивные изыскания позволили воссоздать историю крепости с первой трети XIV по XVIII век.

Исследования проходили в два этапа: в 1968–1970 годах и 1971–1975 годах (ил. 1). В 1968–1970 годах работами руководил А. Н. Кирпичников¹.

На первом этапе исследовалась топография острова, стратегия культурных напластований, проводились архитектурно-археологические и архивные исследования. В результате раскопок сделан ряд важных открытий, самое неожиданное из которых — обнаружение каменной новгородской крепости 1352 года, шестой цельнокаменной русской крепости на северо-западе Руси.

¹ А. Н. Кирпичников — д. и. н., профессор, зав. сектором славяно-финской археологии ИИМК РАН, в те годы старший научный сотрудник ЛОИА АН СССР.

Результаты исследований были опубликованы в нескольких монографиях А. Н. Кирпичникова и целом ряде статей². Таким образом, первый этап исследований крепости Орешек выявил топографию, планировку и основные этапы строительства крепостных сооружений на острове.

На втором этапе (1971–1975 годы) работы проводились под руководством автора данной статьи. Основной задачей этого этапа было более детальное изучение отдельных участков территории острова, и, прежде всего, крепости 1352 года (ил. 1).

Юго-восточная, самая высокая часть острова была в XVIII–XIX веках в значительной мере застроена. До 50% территории крепости 1352 года занято остатками фундаментов или существующими зданиями, что создало дополнительные трудности для проведения работ. В 1971–1975 годах раскопано свыше 900 кв. м, то есть 1/10 часть территории крепости XIV века — ее западная часть.

В VIII–IX веках по Неве и Ладожскому озеру проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки», главным пунктом которого был город Ладога. Торговое и стратегическое значение бассейна Невы рано определило для русских ценность этой территории, на которую претендовали и скандинавы. Ведь речь шла о свободном доступе к морским путям и собственной торговле со странами Западной и Северной Европы. В XII–XIII веках бассейн Невы, Карелия входили в зону влияния Новгородской республики. На этой территории проживали племена корел, води, ижоры, которые платили дань Новгороду.

С середины XIII века начинается длительная борьба Швеции и Новгорода за Карелию и невские берега. Невская битва 1240 года, основание Выборгского замка в 1293 году, попытка строительства крепости Ландскрона при впадении р. Охты в Неву в 1300 году — все это связано со стремлением шведов взять под

² Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1972; Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Л., 1980; Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984; Кирпичников А. Н. Результаты раскопок древнего Орешка. АО–1968–1970. М., 1969–1971; Иогансен М. В., Кирпичников А. Н. Петровский Шлиссельбург // Русское искусство первой четверти XVIII в. М., 1974; Кильдюшевский В. И. Постройки XV в. из раскопок Орешка // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 84–89.

свой контроль торговые пути по р. Вуоксе и Неве и отрезать Новгород от выхода в Балтийское море³.

В течение первой четверти XIV века новгородцы предпринимают целый ряд активных операций по закреплению своего влияния на Карельскую землю⁴. В тридцатилетней борьбе Новгорода и Швеции ни одна из сторон не смогла добиться перевеса. Нестабильная обстановка мешала торговле ганзейских и готландских купцов с Новгородом и наносила им большой урон⁵.

События конца XIII — начала XIV века: активность шведов в их наступлении на Карелию, основание Выборга, попытка поставить под свой контроль Невский путь показали Новгороду, что без наличия военной силы и опорных пунктов удержать Карелию и Неву не удастся.

В 1323 году на Ореховом острове, у истока Невы из Ладожского озера, новгородцы поставили деревянную крепость, где и был заключен мирный договор со шведами⁶, который почти на три столетия закрепил за Новгородом Восточную Карелию и бассейн Невы. Вновь построенная крепость служила своеобразным гарантом этого договора и охраняла торговый путь по Неве.

В 1348 году шведы организуют новый поход на Новгород, во время которого после недолгой осады «крамолою взят город Орехов». Наместник князя Наримонта и горожане были отпущены за выкуп. Был пленен посольский корпус, участвовавший в переговорах со шведами. В крепости остался шведский гарнизон из 800 человек. Новгородцы, узнав о падении крепости, прислали сюда свои войска. Осада продолжалась более семи месяцев, только зимой 1349 года, когда замерзли Нева и Ладога, новгородцы штурмом взяли крепость⁷.

Во время штурма деревянная крепость сгорела. Следы этих событий четко читаются в земле — сгоревшие постройки го-

³ Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии кон. XIII — нач. XIV в. Петрозаводск, 1987. С. 44–79.

⁴ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 114–117.

⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. С. 24–35.

⁶ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 339.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 220.

ризонта первой половины XIV века, обилие предметов вооружения⁸. Вероятно, к этим событиям относятся и обнаруженные в 1973 году в 8 метрах к югу от Воротной башни крепости 6 захоронений в гробах, сколоченных из досок. Два захоронения — парные. Всего было захоронено 8 человек. Погребенные — рослые мужчины от 30 до 40 лет, лишь в одном случае — юноша 17–18 лет. На черепе у него обнаружен шрам от рублевой раны⁹. Все погребенные лежали головой на запад с некоторым отклонением к югу.

Неглубокие могильные ямы, вырубленные в настиле мостовой 1329 года, перекрыты небольшим слоем и настилом мостовой середины XIV века. Это позволяет предположить, что это останки шведских воинов, погибших во время зимней осады 1348–1349 годов¹⁰ (ил. 3).

В 1352 году «новгородцы заложили город камен»¹¹. В строительстве крепости принимал участие архиепископ Василий.

Размеры новой крепости были 90×100 м, она сложена из валунов с примесью плитняка на известковом растворе, и, скорее всего, ее стены были выстроены по трассе деревянной крепости 1323 года. Толщина стен более 3 м, высота сохранившейся части доходила местами до 2–2,5 м. Она заняла самую высокую, юго-восточную часть острова и была отрезана от основной его площади ровом или протокой шириной 3–5 м, облицованной в 1435 году трехстенными срубам. Не исключено, что крепость имела ров или протоку и в северной части. В 1971 году в раскопе 10 на территории цитадели на глубине 4 м в слое щепы и речного песка были обнаружены остатки деревянной конструкции, большая часть которой ушла в северную стенку раскопа. Спилы, взятые с нее, датируются серединой XV века. Вероятно, это были остатки облицовки рва или протоки. Эта часть острова

⁸ Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 63–79.

⁹ Антропологический анализ был проведен н. с. Института антропологии АН СССР Б. В. Фирштейн.

¹⁰ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка. АО—1973. М., 1974. С. 11–12; Он же. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1973 г. Л., 1974. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп 1. 1973. Д. 60. С. 29–30.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 96.

была ниже на 3 м той части, которую занимала крепость XIV века¹² (ил. 2).

Новая крепость имела башни, одна из которых (Воротная) была обнаружена во время раскопок 1969 года¹³.

Несмотря на сильную поврежденность слоя, насыщенность его деревянными конструкциями, удалось вычленить три строительных горизонта — первой половины XIV века, второй половины XIV века и XV века, датированных на основе результатов дендрохронологического анализа и стратиграфии.

Строительный горизонт первой половины XIV века (ил. 6)

Глубина залегания — от 1 м в южной части раскопа до 2,5 м в северной. Это самый древний строительный горизонт на острове, он относится ко времени строительства в 1323 году деревянной крепости, которую «поставил» на Ореховом острове внук Александра Невского — великий московский князь Юрий Данилович. Несмотря на большую площадь раскопа, заложенного вдоль западного прясла крепости 1352 года, никаких следов деревянной крепости не обнаружено. Судя по результатам раскопок 1970 года у восточного прясла крепости 1352 года, там она также отсутствует. Вероятнее всего, она целиком или в основной своей части попала под стены крепости 1352 года и по своей планировке и размерам сходна с ней. Это подтверждает и сравнительно однородная планировка всех трех строительных горизонтов.

Поражает исключительно плотная застройка территории. От Воротной башни крепости 1352 года (вероятно, там же находились и ворота первоначальной крепости) с севера на юг через весь раскоп шла мостовая шириной 3,8–4 м, прослеженная на 44 м. В юго-восточном углу раскопа почти под прямым углом мостовую пересекает второй настил, проходящий с запада на восток и образующий с первым перекресток. Ширина настила 3–3,5 м, длина 18 м. Настилы, как правило, двойные, что свидетельствует о том, что за период жизни этого строительного горизонта они подвергались ремонту и поддерживались, вероятно, в относительном порядке.

¹² Кильдюшевский В. И. Отчет о раскопках древнего Орешка в 1971 г. Л., 1972. С. 20. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1971. Д. 58.

¹³ Кирпичников А. Н. Древний Орешек... С. 18–25. Рис. 5.

Настилы мостовых разделяли целый ряд комплексов или усадеб. По переписной книге Водской пятины 1500 года в крепости указано 28 дворов. Примерно такое же количество (судя по плотной застройке) было, вероятно, в Орешке в первой половине XIV века. На раскопе были зафиксированы остатки 17 срубов, которые можно отнести по крайней мере к 5 комплексам. В каждый из комплексов входит не менее 3–5 жилых и хозяйственных построек. Размеры срубов, как правило, не превышали 16–20 кв. м. И лишь два из них имели площадь около 40 кв. м.

Большая часть построек была сооружена в 20–30-е годы XIV века и погибла в пожаре во время военных событий 1348 года.

Об этом свидетельствует и большое количество предметов вооружения, найденных в этом горизонте: обломки мечей, копыя, топоры, фрагменты доспехов, наконечники арбалетных стрел¹⁴.

Строительный горизонт второй половины XIV века (ил. 6)

После строительства каменной крепости происходит незначительная перепланировка участка. Мостовая, ведущая из ворот, смещается на 2–3 метра к западу, исчезает или перемещается переулок, обнаруженный в южной части раскопа 9 в предшествующем горизонте.

Остатки сгоревших построек первой половины XIV века были перекрыты прослойкой нивелировочного песка толщиной 5–10 см. Новые жилища ставились, как правило, на месте сгоревших, хотя иногда они незначительно смещались в ту или иную сторону. Изменилась в ряде случаев и планировочная структура комплексов. Всего было обнаружено 15 срубов. Судя по дендродатам, они были возведены в 1356–1359 годах¹⁵.

Сохранение планировочной структуры крепости 1323 года свидетельствует о том, что новая крепость была возведена на месте старой и что жители, изгнанные из крепости шведами в 1348 году, возводили дома на своих старых участках. Сыграл свою роль, вероятно, и тот фактор, что крепость стояла на самой высокой части острова (не менее 4 м над уровнем Невы), что уменьшало риск подтопления во время наводнения.

¹⁴ Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек... С. 63–79.

¹⁵ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 109.

Строительный горизонт конца XIV — XV века (ил. 7)

В 1386 году «погоре все внутри во Орешке и сам город попортился»¹⁶. Следы этого пожара четко читаются в земле по остаткам сгоревших построек. После пожара новгородцы присылают Василия Кузьмина для ремонта крепости. Сгоревшие постройки были разобраны и перекрыты нивелировочной прослойкой песка. На их месте возводятся новые срубы. Основной осью планировки остается мостовая, идущая от Воротной башни. Она была спрямлена и шла почти параллельно западному пряслу стены. В южной части раскопа была расчищена вторая мостовая, расположенная перпендикулярно к центральной. Жители сохраняют свои дворовые места, но внутри участков происходит значительная перепланировка. Уменьшается количество срубов, их всего 11. Судя по отдельным бревнам с датами конца XIV века, обнаруженным за пределами крепости, начинается освоение и остальной части острова — территории будущего посада.

В 1410 году западная часть острова была окружена каменной посадской стеной¹⁷. Остатки ее обнаружены в 1975 году в юго-западном углу крепости XVI века. Стена была сложена из валунов на известняковом растворе с большим содержанием песка. Ширина ее 3,3–3,5 м, высота сохранившейся кладки 1,9–2,0 м. Фундамент сложен насухо из валунов и впущен в материк на 0,6–0,7 м. Стена была прослежена отдельными зондажами на протяжении 50 м¹⁸ (ил. 4). После ее строительства начинается застройка остальной части острова.

Как показали раскопки, первые дома на посаде появились в 1420–1430-х годах, после того как в 1410 году он был обнесен каменной стеной, хотя отдельные постройки существовали и в конце XIV века. На площади 500 кв. м были обнаружены, расчищены и зафиксированы три строительных яруса: первой половины XV века, второй половины XV века, XVI века. В каждом из них найдены остатки усадеб средневековых жителей Орешка, с жилыми и хозяйственными постройками, вы-

¹⁶ Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 344.

¹⁷ Летопись Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стлб. 159.

¹⁸ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка. АО—1975. М., 1976. С. 17.

мостками, настилами мостовых. При их расчистке обнаружено большое количество бытовых вещей, в том числе целый ряд уникальных экспонатов.

Нижний горизонт посада возникает в 1410–1438 годах. Остатки его были обнаружены на раскопах 1, 1б, 1в в 1968–1970 годах¹⁹. К концу этого периода, в 1435 году, ров, отделявший с запада посад от крепости, был облицован бревенчатыми срубами. Вероятно, такими же срубами была облицована и протока, проходившая в 20 м к северу от стен новгородской крепости. Остатки такого сруба были обнаружены в 1971 году на территории цитадели в раскопе 10²⁰.

Верхний горизонт новгородского посада датируется по дендродатам 1449–1476 годами. Постройки состояли из жилого дома, хозяйственной клети и сеней, объединенных в один комплекс, дворовых вымосток и отдельно стоящих хозяйственных сооружений. Обнаружены и остатки частоколов, ограждающих усадьбы. Застройка посада была подробно исследована А. Н. Кирпичниковым в его монографии²¹.

К концу XV века Орешек — мощный военный форпост на западных рубежах Новгородской республики, центр мирного судоходства по Неве, база военного флота, важный торговый и административный центр, через который осуществлялись торговые связи Новгорода с Западом²². Это подтверждают и находки во время раскопок в крепости свинцовых вислых печатей, заготовок к ним, а также торговых пломб²³.

К этому времени по обоим берегам Невы напротив крепости вырастают посады — на Корельской и Лопской стороне, население которых превосходило численность жителей острова.

Хотя во время обследования территории г. Петрокрепость на огородах была найдена в основном керамика XVI века, при наблюдении за водопроводной траншеей в районе пристани был

¹⁹ Кильдюшевский В. И. Постройки XV в. из раскопок Орешка... С. 84–89.

²⁰ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка. АО–1971. М., 1972. С. 46–47.

²¹ Кирпичников А. Н. Древний Орешек.

²² Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. ИЗ. 1949. Т. 28. С. 128.

²³ Кильдюшевский В. И. Средневековые печати и торговые пломбы из раскопок крепости Орешек. КСИА. 1986. Вып. 138. С. 110–114.

обнаружен мощный (до 1 м) слой со щепой и навозом, остатками деревянных конструкций и керамикой XV века. Это дает основание предполагать наличие застройки на Лопской стороне в XV веке.

В 1478 году Орешек, как и вся Новгородская земля, вошел в состав единого Московского государства.

Начинается новый этап расцвета этого города-крепости. По переписной окладной книге Вотской пятины 1500 года²⁴ в крепости насчитывалось 28 дворов, на Никольском острове — 5, на Лопской стороне — 99, на Корельской стороне — 70; всего было 202 двора и 251 владелец этих дворов. Учитывая женщин и детей, в городе и на посадах проживало не менее 1000 человек.

В конце XV — начале XVI века, когда Московское государство начинало укреплять свои северо-западные рубежи, многие новгородские крепости были перестроены в соответствии с новыми фортификационными требованиями. В их числе была и крепость на Ореховом острове.

Строители новой крепости пошли на беспрецедентный шаг. Они полностью сломали на один уровень крепость новгородского времени, которая занимала самую высокую часть острова. Вся территория, площадью 3 га, была обнесена сплошным каменным кольцом высотой 12–15 м и шириной у основания стены до 5 м. По периметру были поставлены 7 башен. Внутри крепости в северо-восточном углу была построена цитадель с тремя башнями, окруженная широким водяным рвом. В ров со стороны Невы и Ладожского озера вели перекрытые железными подъемными решетками водяные ворота. Ров служил внутренней гаванью для военных и торговых судов, которые в случае опасности могли укрыться за стенами крепости. Стенки рва, проходившего вдоль западного прясла крепости новгородского времени, облицевали плитняком, через него были перекинуты мосты.

Как показали раскопки в цитадели, крепость была построена при Василии III в первой четверти XVI века, по последнему слову европейской фортификации и была приспособлена к обороне с помощью огнестрельного оружия. Стены ее стояли прямо по кромке береговой линии и, по свидетельству очевидцев,

²⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года. Временник МОИДР. 1851. Кн. 11. С. 111–115.

выступали прямо из воды. Иностранцы отмечали мощь и неприступность этой крепости²⁵.

Эта характеристика подтвердилась во второй половине XVI века. Дважды, в 1555 и 1581 годах, шведы безуспешно осаждали эту крепость и вынуждены были отступить с большим уроном²⁶.

После строительства крепости была проведена ее полная перепланировка. Поверхность была сnivelирована. В низких местах проведены мощные до 2–3 м подсыпки грунта, о чем свидетельствуют результаты раскопок в цитадели (раскопы 2, 10). Почти все сооружения новгородской поры были снесены, на их месте проложены новые дороги, и возникли жилые кварталы. Во время исследований 1968–1970 годов в раскопах 1, 1б, 1в, 5 были обнаружены остатки плохо сохранившихся построек, распланированных по одной системе, настил мостовой, которая перекладывалась не менее 4 раз. В постройках и слое XVI века было собрано большое количество бытовых предметов. Они дают яркое представление о быте, занятиях, досуге жителей крепости XVI века и являются архелогической иллюстрацией письменных источников. Подробно эти материалы были рассмотрены А. Н. Кирпичниковым в его монографии²⁷.

В течение XVI века Орешек оставался важным центром международной торговли. Он находился на перекрестке водных и сухопутных путей, связывавших Россию с Балтийским морем. По писцовой книге 1568 года в самой крепости находилось 5 дворов гражданской и военной администрации, большинство горожан (186 дворов и 290 дворовладельцев) жило на Корельской и Лопской сторонах и занималось огородничеством, рыболовством и другими промыслами²⁸.

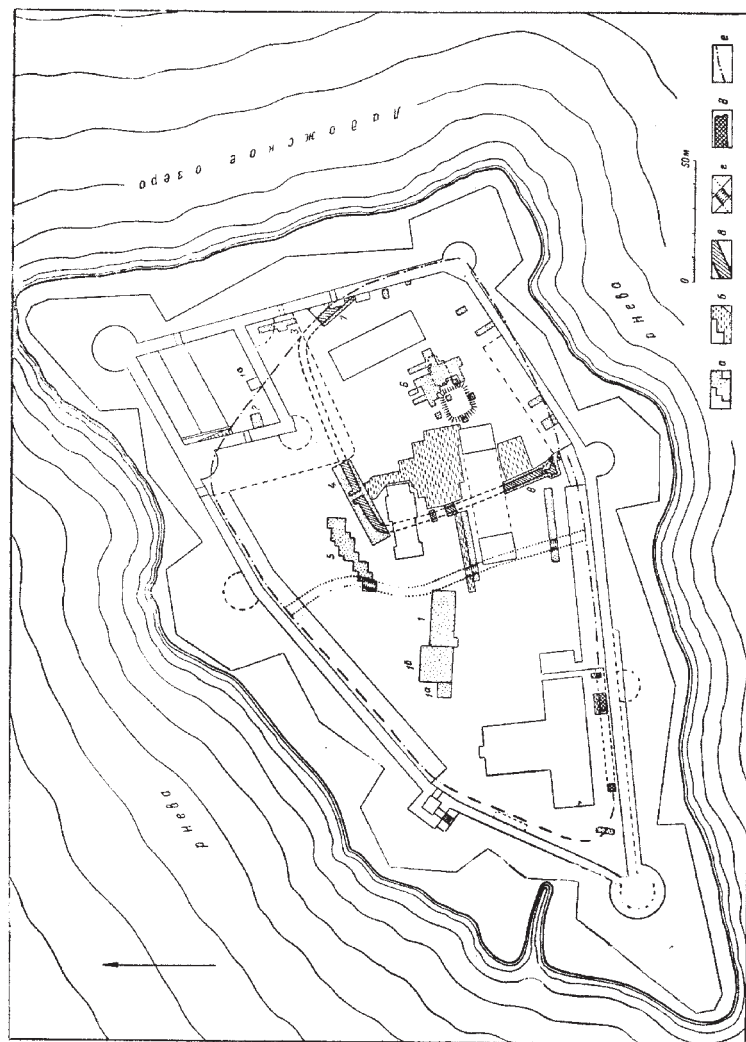
В 1611 году шведы захватили большую часть Ижорской земли с крепостями Ивангород, Ям, Корела, Ладога. Предпринятая шведами во главе с Яковом Делагарди в феврале 1611 года попытка штурмом взять Орешек окончилась неудачей. В сентябре начинается длительная осада крепости. В мае 1612 года, когда из-за голода и болезней большая часть защитников погибла, крепость капитулировала.

²⁵ *Шербачев Ю. Н.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 236–237.

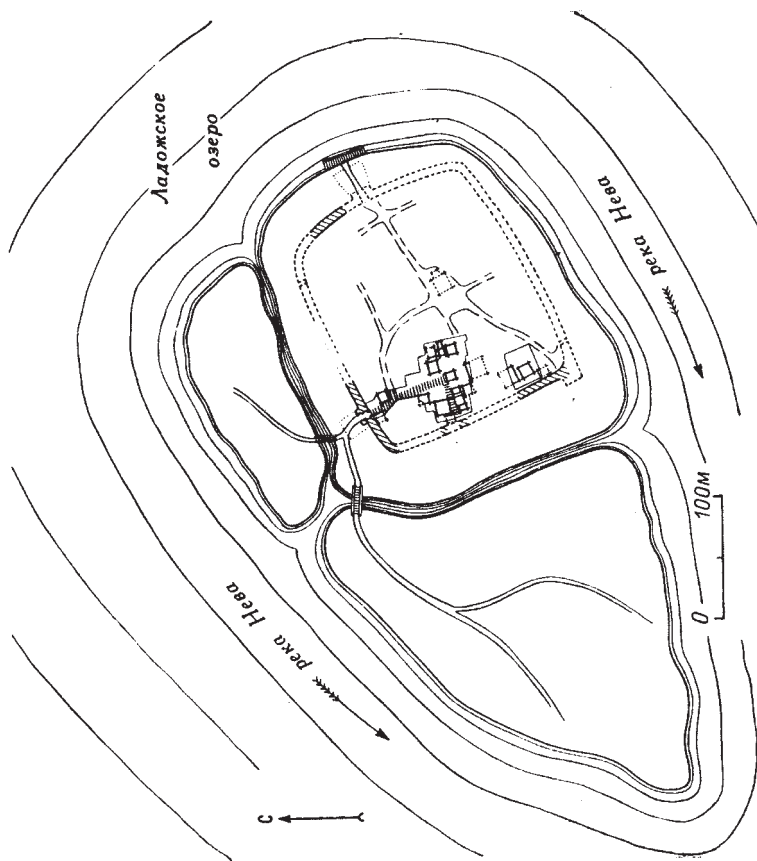
²⁶ *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек... С. 69–72.

²⁷ Там же. С. 87–99. Рис. 19, 20.

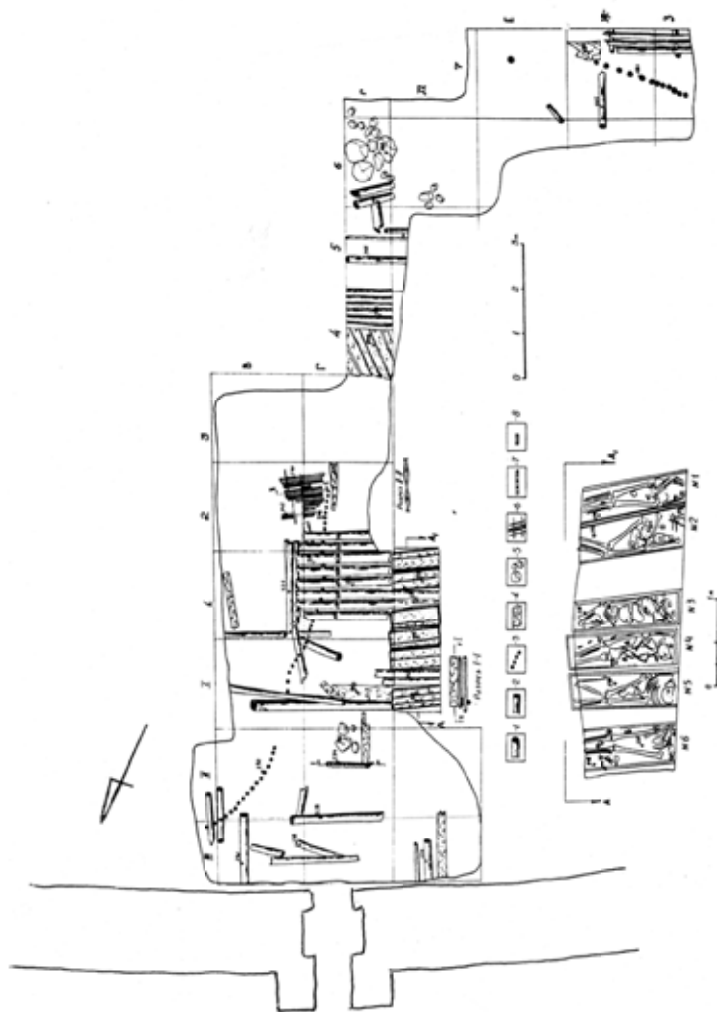
²⁸ Там же. С. 76–83.

Илл. 1. План крепости Орешек с топографией раскопов 1968–1975 гг. (по А. Н. Кирпичникову)
 а – раскопки 1968–1970 гг. (1–8); б – раскопки 1971–1975 гг.; в – стена 1352 г.; г – канал-ров;
 д – стена 1410 г.; е – предполагаемая трасса стен 1352 и 1410 гг.

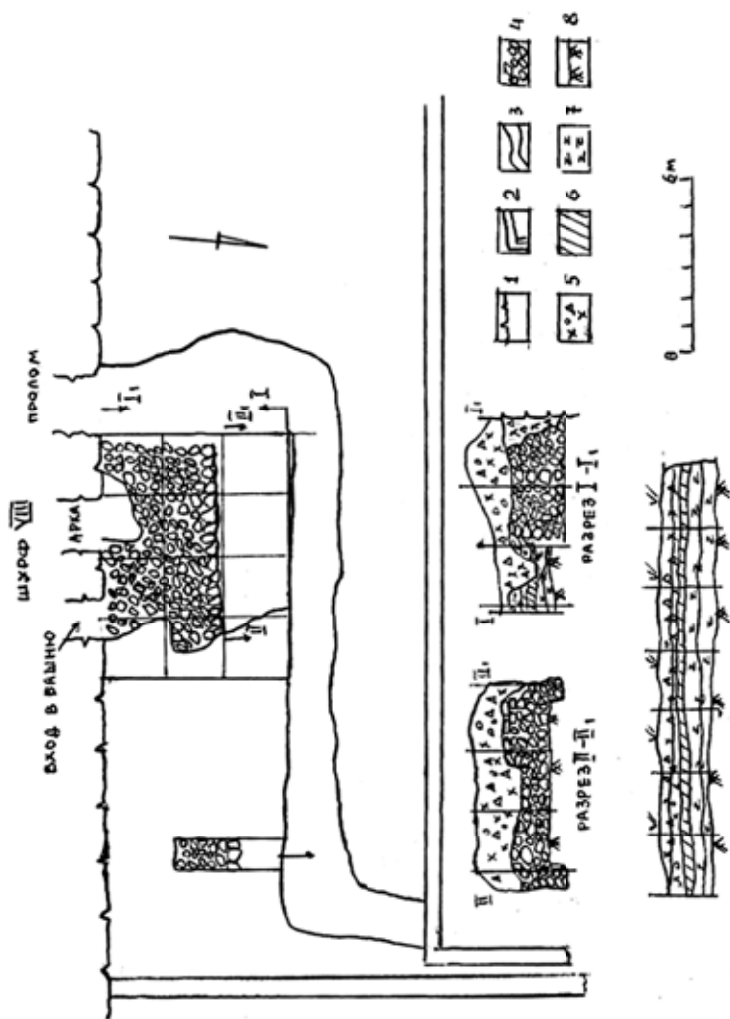

Ил. 2. Орехов 1352 г. План-реконструкция. Показана одновременная стенам раскопанная часть застройки. Чертеж Е. Г. Араповой, В. И. Кильдюшевского и А. Н. Кирпичникова (по А. Н. Кирпичникову).

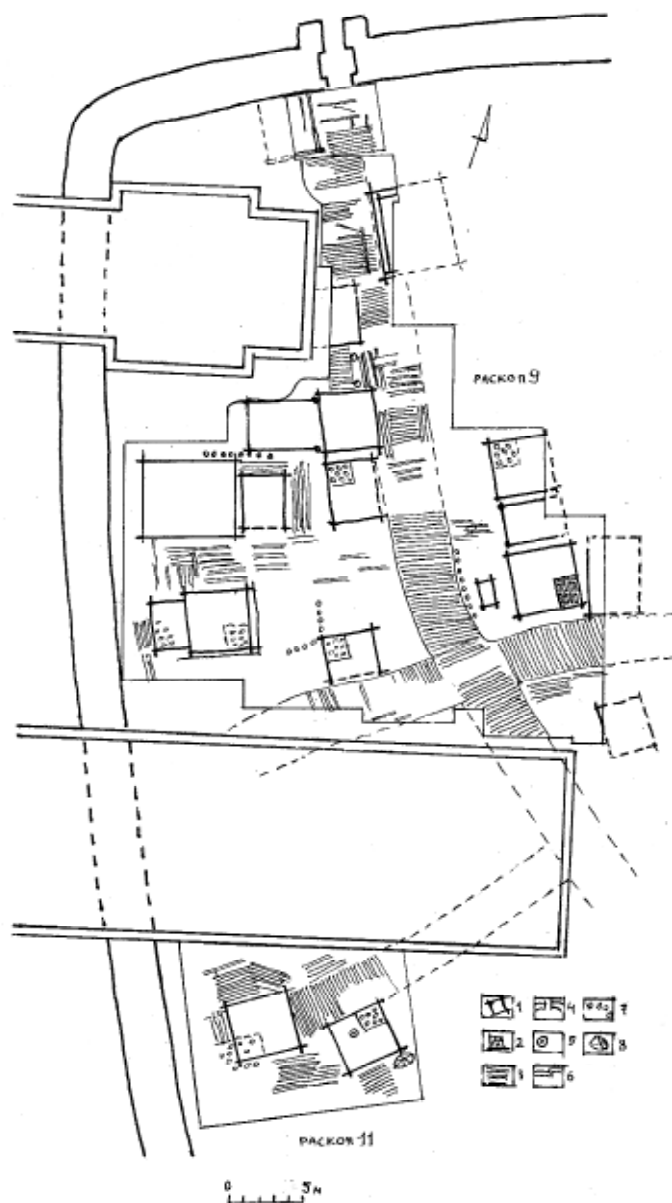

Ил. 3. Погребения 1348 г. в северо-западной части крепости 1352 г.

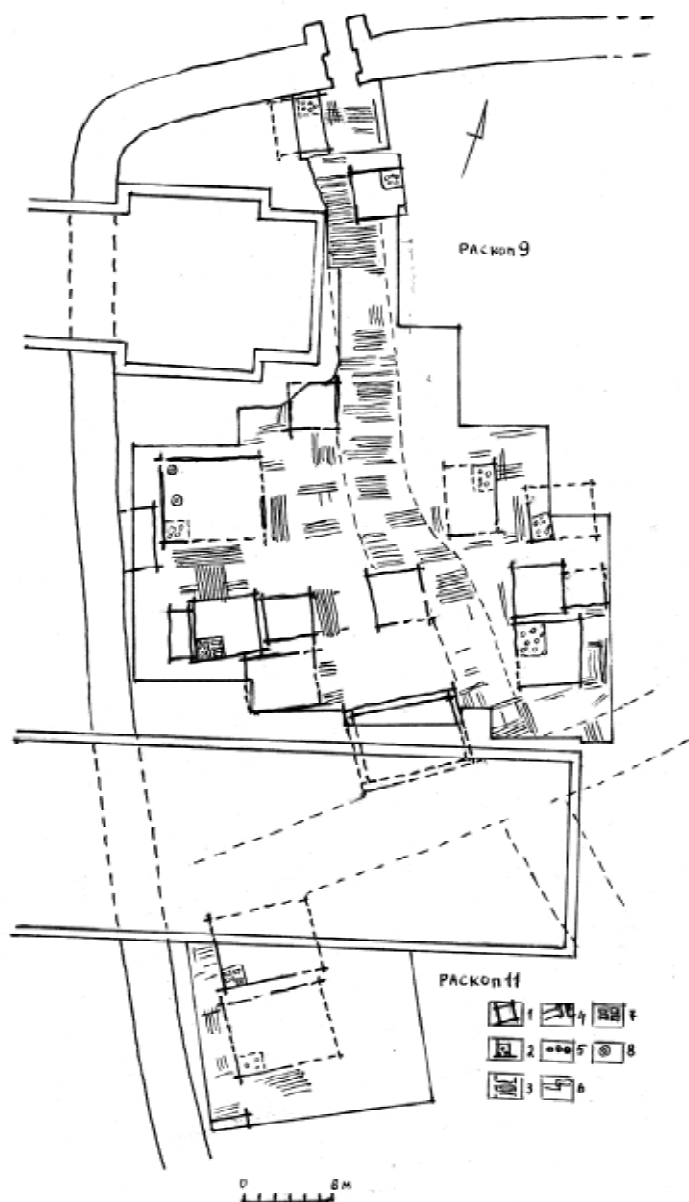
1 — бревно, 2 — плахи, 3 — частокол, 4 — доски, 5 — камни, 6 — упавший плетень, 7-8 — торцы досок

Ил. 4. Шурф VII. Посадская стена 1410 г. в юго-западном углу крепости XVI в.
 1 — стена XVI в., 2 — стена 4-го корпуса, 3 — траншея, 4 — стена 1410 г., 5 — слой строительного мусора,
 6 — слой XV в. со щепой и навозом, 8 — материк

Ил. 5. План строительного горизонта первой половины XIV в.
 1 — срубы, 2 — остатки печей, 3 — настилы мостовых и дворовых вымосток, 4 — стена крепости 1352 г.,
 5 — жернов, 6 — поздние фундаменты, 7 — частокотлы, 8 — камень

Ил. 6. План строительного горизонта второй половины XIV в.
 1 — срубы, 2 — остатки печей, 3 — настилы мостовых и дворовых вымосток, 4 — стена крепости 1352 г.,
 5 — частокотлы, 6 — поздние фундаменты, 7 — остатки печей с кирпичным подом, 8 — жернов

Ил. 7. План строительного горизонта конца XIV — XV в.

1 — срубы, 2 — остатки печей, 3 — настилы мостовых и дворовых вымосток, 4 — стена крепости 1352 г., 5 — частоколы, 6 — поздние фундаменты, 7 — остатки печей с кирпичным подом, 8 — жернов

По Столбовскому миру 1617 года Орешек, как и большая часть Ижорской земли, перешел под власть шведов и был переименован в Нотебург. После строительства в устье Невы в 1611 году Ниеншанца под контроль шведов переходит вся торговля России по Неве со странами Западной Европы.

За 90 лет, в течение которых шведы владели Орешком, большая часть русских покинула город. В середине XVII века в городе оставалось лишь 22 русских дворовладельца²⁹. В самой крепости находился гарнизон из 150–200 шведов.

За время своего пребывания в крепости шведы проводили лишь небольшие ремонтные работы: починка ветхих мест в стенах, очистка рвов, заполненных мусором и нечистотами. Наиболее значительные работы — перестройка Черной (Королевской) башни, которая продолжалась в течение 10 лет.

Каждый швед имел свой отдельный дом с пристройкой. На планах конца XVII — начала XVIII века таких домов насчитывалось не менее 50. Кроме того, имелись и бараки для солдат³⁰.

Во время раскопок слоя XVII века обнаружено не было, встречались лишь отдельные вещи, относящиеся к этому периоду: монеты, изразцы, курительные трубки, фрагменты обуви. Скорее всего, слой был в значительной мере уничтожен при строительных работах XVIII–XIX веков. Лишь во время раскопок 1973 года в северной части раскопа 11 были обнаружены остатки фундамента постройки, относящейся, вероятно, к концу XVII века. Ее большая часть оказалась за пределами раскопа, длина расчищенной части 8 м, ширина — 1,8 м. Ширина фундамента 0,5 м, он сложен из кирпичей 25×12×6,5 см на известковом растворе.

Фундаментная подушка — обломки известняковых плит и кирпича на растворе. В некоторых местах кладка сохранилась на высоту двух рядов. Здание было разделено перегородкой на две части. Пол — известняковые плиты на песчаной подушке (ил. 8).

В постройке обнаружены фрагменты поливных сосудов, обломки стеклянного бокала с гравировкой, фрагменты курительных трубок, при расчистке пола найдена бронзовая печатка с изображением герба: на прямоугольном щитке внизу изображен

²⁹ *Шаскольский И. И.* Материалы по истории Ижорской земли и Карельского уезда XVII в. в Государственном архиве Финляндии // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1980. Т. 11. С. 124.

³⁰ *Кирпичников А. Н.* Древний Орешек... С. 100–110. Рис. 33.

бегущий олень, сверху — корона (ил. 9). Оттуда же происходят рукоять ножа, инкрустированная цветной эмалью, медная шведская монета, костяная пуговица.

Совсем неожиданная находка была сделана при разборке камней у юго-западного угла постройки — обломок каменного шлифованного топора, относящегося к эпохе раннего металла (?).

Судя по плану Нотебурга 1697 года, полученному А. Н. Кирпичниковым из Шведского военного архива, на этом месте располагался дом фельдшера или один из солдатских домов.

Осенью 1702 года русская армия под руководством фельдмаршала Б. П. Шереметева и Петра I появляется в районе Нотебурга. Крепость была полностью блокирована. По берегам р. Невы строятся батареи, а с 1 октября 52 пушки и мортиры начинают непрерывный обстрел крепости, по которой было выпущено более 15 тысяч ядер и бомб. Многочисленные осколки ядер и мортирных бомб были найдены во время раскопок. Среди них было обнаружено и несколько неразорвавшихся мортирных бомб, одна из которых, диаметров 30 см и весом 3 пуда, была обнаружена в 1975 году при зачистке материка (ил. 10).

В крепости начался пожар, в котором погибли почти все деревянные постройки. В стенах и башнях были пробиты три широкие бреши. 11 октября 1702 года русские войска начинают штурм крепости, который длился 13 часов. 12 октября шведы сдались и по условиям капитуляции покинули крепость. Во время штурма погибло свыше 600 русских солдат и офицеров. По приказу Петра I все участники штурма были награждены специальными медалями³¹.

С первых же дней после возвращения Орешка России там начинаются работы по восстановлению и модернизации крепости. Указом Петра I она была переименована в Шлиссельбург. К концу Северной войны Шлиссельбург — сильная крепость, сочетавшая мощь старых и новых укреплений.

В результате раскопок 1971–1975 годов перед нами предстал небольшой пограничный город-крепость Новгородской земли XIV–XV веков, с богатой военной и политической историей. Влажный культурный слой со щепой и навозом сохранил для нас остатки жилых и хозяйственных построек, мостовые, а также изделия из дерева, кожи, бересты, коры.

³¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 100–110.

Предметы XIV–XV веков из органических материалов, составлявшие значительную часть материальной культуры Средневековья этого периода, практически не сохраняются в большинстве древнерусских городов. Плохо представлены они и в самом Новгороде.

Среди находок в Орешке — обломки деревянной посуды, детали мебели, чекмари, вальки, лопаты. Наиболее полно представлены в коллекции предметы, связанные с рыболовством: поплавки из дерева, коры и бересты; разного типа грузила от сетей, изготовленные из глины, камня, часть из них оплетена берестой. На некоторых берестяных поплавках были вырезаны различные знаки или отдельные буквы — знаки собственности на сети и рыболовные тони. Найдены также рыболовные крючки, остроги³² (ил. 11).

В слое второй половины XIV века найден обломок железного кованого предмета с втулкой и загнутыми вверх концами, которые имеют сильную окалину (ил. 12). Судя по этнографическим данным — это светец для ночного лова рыбы с помощью остроги. На концы светца надевались свитки бересты или пакли, втулка надевалась на шест, расположенный на краю лодки. С его помощью ночью в реке искали крупную рыбу, которую и убивали острой. Судя по количеству острог, найденных во всех горизонтах культурного слоя, этот способ пользовался популярностью у жителей крепости.

Кроме предметов рыболовства в Орешке найдены весла (одно из них целое), детали лодок: шпангоуты, уключины, лодочные сиденья, нагели, лопатки, обернутые войлоком для смоления днищ лодок. Почти все они найдены в слоях XV века на посадe³³.

Вещи, собранные во время раскопок, дают яркое представление о быте, вкусах и занятиях жителей. Наряду с рыболовством жители занимались обработкой железа (среди находок — крицы, шлаки, обрубки железных пластинок, зубила), обработкой цветных металлов (обнаружены обломки тиглей, выплески бронзы, обрезки медных пластин, медная проволока, обломки напильника). Большое количество фрагментов кожаной обуви (около 1000), деревянная обувная колодка, сапожные ножи, шилья,

³² Кильдюшевский В. И. Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка. КСИА. М., 1979. Вып. 135. С. 105–108.

³³ Кирпичников А. Н. Древний Орешек... С. 42.

обрезки кожи свидетельствуют о наличии среди жителей крепости сапожников. По мнению А. В. Курбатова, для обуви характерен небрежный «домашний» стиль раскроя и пошива, ранние приемы моделирования. Обувные конструкции делятся на три основных вида: сапоги, башмаки, поршни. Найдены также кожаные ножны, чехол для топора, кошель. Судя по этим данным, сапожники обслуживали потребности местных жителей³⁴.

Аграрный характер жизни средневекового Орешка, который, на основании анализа письменных источников³⁵, подчеркивал А. Н. Кирпичников, подтверждается и находками сельскохозяйственных орудий: кос, серпов, жерновов, остатков зерна. В раскопе 9, при расчистке настила мостовой первой половины XIV века, в слое щепы были найдены две косы и два серпа, лежащие вместе (ил. 13).

Из других находок инструментария отметим топоры, долота, циркульный резец, булавки от прялок, заготовки каменных пряслиц, обрезки и заготовки из рога и кости. Анализируя эти находки, можно прийти к выводу о домашнем характере ремесла. Жители города занимались изготовлением вещей, необходимых им в быту. Следов крупного ремесленного производства в Орешке не обнаружено.

Мир вещей, собранных во время раскопок, характерен для средневековых городов Новгородской земли. Здесь обнаружены многочисленные категории бытового инвентаря, аналогии которому можно обнаружить в средневековых слоях Новгорода, Пскова и других городов³⁶. Типологически и хронологически они близки к новгородским, хотя по отдельным категориям наблюдается более продолжительное время бытования некоторых вещей³⁷.

В Орешке собрана большая коллекция навесных и врезных замков, ключи разных типов, кресала, ножи, топоры, разнообразные оковки, кольца цепей и другие изделия из железа (ил. 14). Из кости и рога изготавливались костяные гребни разных ти-

³⁴ Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Кожаные изделия средневекового Орешка // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 270–280.

³⁵ Кирпичников А. Н. Древний Орешек... С. 78–90.

³⁶ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы Новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 5–56.

³⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156–177.

пов, рукояти ножей и различные навершия, часто украшенные орнаментом, костяные проколки и кочедыки для плетения, другие изделия (ил. 15). Из камня делали пряслица (шифер и песчаник)³⁸, точильные камни, рыболовные грузила, жернова (ил. 11: 3–4; ил. 14: 21).

Более бедно представлены в Орешке находки украшений. Чаше всего встречаются бусы, изготовленные из глухого, непрозрачного стекла, черного, реже желтого, голубого и зеленого цветов, шаровидной или бочонкообразной формы, с рельефной или гладкой спирально-волнистой инкрустацией, диаметром 10–14 мм. Обнаружены также и однотонные более мелкие бусы, приближающиеся по своим размерам к крупному бисеру. В Новгороде подобные бусы датируются XIII–XIV веками³⁹ (ил. 16).

Найдены в Орешке в слоях XIV века и цилиндрические кашинные бусы голубого цвета. По мнению Ю. М. Лесмана, они появляются на Руси со второй половины XIII века под влиянием импульсов с Поволжья (ил. 16: 13, 14, 21).

Единичные бусы из сердолика, горного хрусталя, янтаря встречаются в слоях XIV–XV веков. Найден и обломок стеклянного перстня светло-зеленого цвета, диаметром 15–16 мм (ил. 17: 8).

Кроме бус в слое XIV века обнаружены четыре стеклянных и одна янтарная вставки от перстней (ил. 16: 24–26, 28). Среди стеклянных вставок три круглые, диаметром 10–11 мм, а одна квадратная, граненая. Янтарная вставка имеет овальную форму (ил. 16: 27). Перстни со вставками были распространены в Новгороде с середины XII до конца XIV века⁴⁰. В Орешке в слое XV века найден лишь один перстень с гнездом для вставки. Кроме него в коллекции представлено еще 9 перстней разных типов: два рубчатых литых, два — пластинчатых, среди которых есть узкосерединный, с заходящими концами (ил. 17: 10–16), пять широко-серединных, на одном из которых находится солярный знак в круглом щитке (ил. 17: 12). В Новгороде, в ювелирной мастерской конца XIV века было найдено 10 таких перстней⁴¹. У другого перстня, найденного в слое XV века, круглый щиток разде-

³⁸ Отметим, что большая часть пряслиц изготовлена из глины.

³⁹ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА. Вып. 55. М., С. 176–177. табл. II, 13–16.

⁴⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 139–142.

⁴¹ Там же. С. 155.

лен на четыре части и украшен завитками (ил. 17: 17). Перстень отлит из оловянистого сплава и датируется в Новгороде второй половиной XII — началом XIV века. Наиболее интересен бронзовый перстень, найденный в слое первой половины XIV века. Он имеет четырехчастную розетку с точкой посередине. Вероятно, гнезда розетки были заполнены эмалью зеленого цвета. Края перстня не были согнуты (ил. 17: 16). Не исключено, что перстень мог быть изготовлен на месте. В Новгороде подобный тип бытовал с конца XIII века до 40–60-х годов XIV века⁴². Четвертый перстень, обнаруженный в слое первой половины XIV века, имеет овальный шиток и изготовлен из бронзы (ил. 17: 14). В слое XVI века найден обломок перстня с печаткой, изготовленный из серебра (ил. 17: 13).

Остальные находки украшений в Орешке представлены единичными экземплярами. Так, в слое второй половины XIV века найдены три браслета: витой с петлевидными концами и фрагменты двух пластинчатых, изготовленных из тонкой бронзовой пластины шириной 10–14 мм. Один из них украшен по краям точечным орнаментом и имеет расширение в средней части. Второй — детский, изготовлен из обломка взрослого гладкого браслета, с закругленным концом (ил. 19: 1–2, 4).

Кроме браслетов в слое XIV века обнаружены обломки четырех подковообразных фибул и несколько игл от них. Среди находок есть спиралеконечная фибула, плоского сечения, диаметром 3–4 см. Остальные фибулы с гвоздевидными концами и округлым сечением дуги, украшенной насечками (ил. 19: 12, 17, 20). В Новгороде такие фибулы бытуют с XI по конец XIV века⁴³. Головки одной из фибул украшены крестом. В слое XVI века найден обломок головки одежной булавки (?) с 5 отверстиями для колечек (ил. 19: 16). Мода на одежные булавки приходит в Новгород в X–XI веках из Прибалтики. В конце XII века новгородцы вырабатывают свои, местные типы этих украшений. Они изготавливались из бронзы методом литья. Булавка из Орешка изготовлена из железа и отличается по своей форме от новгородских. Скорее всего, это местное подражание новгородским

⁴² Там же. С. 132–133. Рис. 49, 19.

⁴³ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода... С. 86–88. Рис. 31, 7, 10.

изделиям. Неотъемлемой принадлежностью мужского костюма были пояса, украшенные пряжками-накладками. Мода на них пришла на Русь с Востока.

В Орешке в слое XIV века обнаружено три литые бронзовые пряжки и одна железная, покрытая оловом (ил. 19: 8–11). Кроме пряжек, к поясному набору относятся три бронзовые накладки, две из которых полукруглой формы, с плохо сохранившимся изображением зверя, а одна — миндалевидной формы, с изображением воина со щитом (?) и мечом (ил. 19: 3, 5). Все они прикреплялись к ремню при помощи заклепок. Еще одна накладка, состоящая из трех литых шариков, имитирующих вставки, найдена в слое XV века (ил. 19: 7).

Выделяется также группа украшений карельского типа: фибулы, браслеты, цепочкодержатели, игольники, подвески и т. д., всего около 20 находок. Обнаружение подобных вещей позволяет поставить вопрос об этнической неоднородности населения острова. Город был основан на территории Ижорской земли, издавна заселенной финскими племенами — водью, ижорой, корелами. Несомненно, в числе первых жителей Орешка были представители местных племен. Подобная практика использовалась Новгородом для укрепления пограничных городских ополчений.

Среди карельских вещей отметим равноплечную и три овально-выпуклые фибулы, два цепочкодержателя, бронзовую рукоять ножа с плетеным орнаментом, различные подвески, в том числе зооморфную фигурку коня, два игольника, копоушки, различные цепочки (ил. 20). Все они находят прямые аналогии в карельских и ижорских древностях⁴⁴ и найдены в основном в слое XIV века, в нижних отложениях культурного слоя. К XV веку, в результате культурной ассимиляции местного населения в городских центрах, потомки карел теряют свою самобытную материальную культуру. Большую роль в этом сыграла христианизация местного населения.

Из предметов христианского культа отметим три обломка небольших (2–3 см) янтарных крестиков (ил. 17: 2, 3, 7). Такой же целый крестик найден на посадке в слое первой половины XV века (ил. 17: 1).

⁴⁴ Кочуркина С. И. Древняя Корела. Л., 1982; Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981.

При расчистке настила мостовой второй половины XIV века найден небольшой бронзовый крест с трехлепестковыми кривовидными концами и ромбиком в сердокрестии. Еще один обломок верхней части креста найден при расчистке фундамента XVII века на раскопе 11. По своему типу он близок к предыдущему (ил. 17: 4–5). В Новгороде такие кресты датируются началом XIV — XV веком. Вероятно, к крестикам надо отнести отливку крестовидной формы, обнаруженную в слое XV века (ил. 17: 6). Из случайных находок с территории крепости происходит крест 4×5 см с округлыми концами. В центре расположена сцена Распятия, по краям — изображения святых (ил. 18: 1).

В слое XV века при расчистке постройки найдена литая медная иконка с изображением святого Власия, обрамленная рельефной рамкой. Один край иконки обломан. Судя по толщине отливки, она была врезана в деревянное основание (ил. 18: 2). В слое второй половины XIV века обнаружена костяная ложка для причастия. На ней вырезан четырехконечный крест, а рукоять украшена великолепно выполненным плетеным орнаментом (ил. 15: 10).

Археологические находки, обнаруженные во время раскопок, свидетельствуют о занятиях жителей крепости, их эстетических вкусах, торговых и культурных связях. Так, находка двух весовых гирек в слое первой половины XIV века говорит о каких-то торговых операциях. Великолепные образцы резьбы по кости дают две костяные накладки с изображением зверя. Они выполнены объемно-рельефной резьбой с прорезью (ил. 21: 3–4). Подобные костяные пластинки-накладки для одежды и сумок встречены в слоях XIII–XIV веков в Новгороде⁴⁵. Найдены и простые бытовые вещи — рукояти, гребни, также часто украшенные орнаментом.

О досуге населения свидетельствуют находки костяной шахматной фигурки, игровых костей, выточенных на токарном станке (ил. 15: 12, 16, 18). В слое XV века неоднократно находили астрагалы с высверленными дырочками (от одной до пяти — ил. 15: 17). Они использовались для игры в «бабки» — излюбленной игры детей вплоть до XX века (комплект такой игры был обнаружен автором в одной из построек XVI века в Пскове).

⁴⁵ Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 81–85. Рис. 155–160.

К детским игрушкам можно отнести несколько миниатюрных глиняных сосудиков. Они имитируют формы бытовой глиняной посуды XIV–XV веков. Часть из них изготовлена гончарами, а некоторые явно сделаны самими детьми (ил. 22). Наряду с детской посудой при раскопках посада были найдены игрушечный кистень, обломок деревянной стрелы. Набор детских игрушек имитировал мир взрослых вещей, готовя детей к вступлению во взрослую жизнь.

Самым массовым видом находок в Орешке является керамика — обломки кухонной и столовой посуды. За время раскопок собрано более 60 тыс. фрагментов, склеены и реставрированы десятки сосудов, создана керамическая шкала развития посуды от первой половины XIV до начала XVII века.

В коллекции представлены сосуды для приготовления и хранения пищи — горшки, кувшины, корчаги; столовая посуда — миски, плошки, черпачки (ил. 23, 24). В слое XIV века найден фрагмент стенки сосуда (миски?) с рельефным изображением двух человеческих фигур — уникальный случай для новгородского керамического производства этой эпохи (ил. 21: 2). Не исключено, что этот сосуд был изготовлен под влиянием столовой посуды из металла, часто украшенной различными изображениями.

Кроме местной посуды в Орешке собрана небольшая коллекция «рейнской керамики», изготовленной из «каменной массы» (steinzeug). Подобная посуда производилась в Германии, в разных прирейнских центрах, и широко распространялась по всей Европе с XIII по XIX век⁴⁶.

В слоях XIV–XV веков встречены сосуды с серо-желтой и коричневой соляной глазурью, изготовленной в Зигбурге. Так, на настиле мостовой середины XIV века был найден развал небольшого кувшина-кружки, изготовление которых началось в Зигбурге в начале XIV века (ил. 21: 1). В слоях XVII века (шведский период) найдены фрагменты сосудов (кружек и кувшинов), изготовленных в Вествальде и Фрехене. Подобные находки известны в Новгороде из раскопок на Готском дворе⁴⁷ и в Пскове⁴⁸ —

⁴⁶ *David Caimster. German Stoneware 1200–1900. London, 1997.*

⁴⁷ *Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 211–214. Рис. 10–12.*

⁴⁸ *Кильдюшевский В. И. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 27–28. Табл. 5.*

городах, которые были тесно связаны торговыми отношениями с Западной Европой.

Свидетельством торговых связей жителей крепости, помимо двух свинцовых торговых пломб, является также находка фрагментов западноевропейского бронзового сосуда, диаметром 17 см, с треугольной ручкой и ножками. Не исключено, что он был привезен в крепость в качестве сырья для переплавки.

Археологические раскопки выявили неизвестный доньше «подземный» Орешек. Вместе со скудными письменными источниками раскопки дали возможность воссоздать строительную и военную историю небольшой пограничной новгородской крепости с XIV по XVI век. Хорошая сохранность дерева и четкая стратиграфия позволили на основе дендрохронологии датировать многие находки в пределах 30–40 лет. Анализ этих находок помог восстановить быт и занятия жителей, их торговые связи. Коллекция находок стала основой археологических фондов Музея истории Санкт-Петербурга и позволяет создавать экспозиции и выставки, посвященные ранней истории невских берегов.

А. А. Селин

Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны¹

Хорошо известно, что в шведских архивах хранится большое число документов русского происхождения. Как правило, исследователи пишут либо о фонде Новгородской приказной избы, материалы которой в 1617 году вывез Якоб Делагарди, шведский генерал, в 1611–1617 годах возглавлявший администрацию Новгорода, либо о письмах русских военнопленных периода Великой Северной войны. В результате наших изысканий в Государственном архиве Швеции в 1999–2005 годах удалось выявить еще одну группу источников, в частности — несколько документов, составленных на русском языке в конце XVI века, когда после Плюсского перемирия 1583 года территория Корельского, Ямского, Копорского, Ивангородского и частично Гдовского уездов находилась под контролем шведской администрации. Эти материалы оказались в составе коллекции «Балтийские писцовые книги» (*Baltiska fogderakenskaper*) — части Каммар-Архива (*Kammararkivet*), чему посвящены несколько научных работ².

¹ Работа выполнена при поддержке Шведского Института. The work was supported by Swedish Institute.

² Селин А. А. Города и уезды Новгородской земли в начале XVIII в. Некоторые перспективы исследований русских материалов Riksarkivet // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры / Пятые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтениям. СПб., 2001. С. 145–150; Селин А. А. Балтийские писцовые книги — часть Каммар-архива в Государственном архиве Швеции. Baltic register books — a part of Kammar-archive in the State Archive of Sweden // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга. Saint-Petersburg and Ingermanland in Swedish Archives. Sweden in Saint-Petersburg Archives. St. Petersburg, 2005. С. 224–234.

В ходе исследований 2005–2006 годов еще в одной коллекции Государственного архива Швеции (Riksarkivet) были выявлены документы на русском языке, составленные на заключительном этапе Ливонской войны (1558–1583) при дворе шведского короля Юхана III (1537–1592). Это королевские послания к русским воеводам прибалтийских городов, а также Орешка, Пскова, Новгорода, Яма и Гдова. Письмо Юхана III в Орешек мы публикуем ниже.

Осенью 1582 года шведам не удалось взять ни Орешек, ни Ладогу, ни Новгород. Согласно Плюсскому перемирию самый западный край Новгородской земли был передан в 1583 году на несколько лет под временное управление шведской администрации³.

1582 сентября 5 — Письмо Юхана III ореховскому наместнику и воеводе и всем боярам с предложением перейти к нему на службу

Мы, Иван Третье⁴, Божиею милостью Свейский, Готцкий и Вендийский король и великий князь Финский земли, Корелский, Ижорский, | и Шолонский⁵ пятины в Руской земли и Вифлянский земли государь к боярину и наместнику и к воеводам⁶ и к всем приказным | людем и воинским и иным, по именам без вывета, живущим тепере в Орешке. Писали есми к вам прежде много, берегучи вас, что вам было размыслити вашу погубель и оставити тиранна, того великого князя русского и ранее подкоритися нам | и Свейскому венцу, и мы хотели вас всех пожаловати, а то вам не безвестно есть, которые ваши ранее приняли наше королевское слово и совет и подкорилися нам и

³ *Шаскольский И. П.* Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? // ИЗ. 1950. Т. 35. С. 294–303.

⁴ Иван Трете — дословный перевод на русский язык XVI в. имени шведского короля Юхана III.

⁵ Присвоение Юханом III титула государя Шелонской пятины, то есть территории к востоку от Чудского озера и к югу от р. Луга, впервые встреченное нами в данном документе, свидетельствует о далеко идущих амбициях шведского короля. Несколько десятилетиями позже, в годы Столбовских переговоров 1616–1617 гг., шведские послы претендовали на включение в королевский титул «государя» другой пятины — Водской, отделенной от Шелонской пятины рекой Лугой.

⁶ Кн. Василий Иванович Почуй Ростовский и новгородцы Иван Судоков и Василий Хвостов — Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 1. С. 345, 353.

добровольно отдали тех городов и замков, кои нынече под нашею властью | держатца, те все безпакостно, отъехали. Да и всем хотящим отъехать опять на Русь волно был отпуск. Но тех, | кои нам придались и нашему владению и крест нам целовали, их всех великим нашим бережением пожаловали, поместьями | и годовым оброком, денежным и суконным, что оны вперед ни-которое хотение имеют к своему пережнему государю великому | князю рускому ехать. Да и то вам ведемо есть, каково им сталося, кои противилися нам и на оборон поставилися, | оставячи нашу милостивую заповедь и не подкорилися нам, тем всем смерть была и погибель, иным от меча и иных | оружен, как в Ругодиве⁷ стало, а иным от глада, как в Пайде⁸ и в Падсе⁹ лучилося. И понеж мы ныне отпустили нашего | болшого воеводу, благородного князя Понтуша Делагардского¹⁰, волного господаря и князя до Ехолма, и государя Колского и | Сундбийского с нашею болшею ратью крепко и пристрашно посетити вашего государя великого князя Руского и его земель | и его подовластных людей. И мы ещо хотим вам всем ореховским придумати и попомаятовати, что вы на сердце положили и разъсудили его великое тиранство, городость и нехрестыятельных и безбожных дел, кои он на многие лета | сотворил есть. И напоследок и сына своего не пощадил, но его сам убил и извел¹¹. А будет вы хотите вашу последнюю погибель утити, ино вам подкоритися нам и нашему владению и отдати нам город Орешок в наших руках оставячи | того тиранна вашего государя великого князя руского и исповедати нас за вашего прямого государя короля и владителя. | И то вам однолично известно доспеет, что мы не велили нашим воинским людем из Новгородского Царьства и (из) в

⁷ Ругодив — русское название г. Нарва, Эстония. 4 сентября 1581 г. Понтус Делагарди штурмом овладел городом.

⁸ Пайда — Вейсенштейн, ныне г. Пайде, Эстония.

⁹ Падса — замок Падис, современный г. Палдиски, Латвия. После падения замка в декабре 1580 г. все уцелевшие защитники были перебиты.

¹⁰ Понтуш Делагардский — Понтус де ла Гарди, лангедокский дворянин, шведский фельдмаршал (1520–1585). Он был женат на побочной дочери короля Юхана III Софии Гулленхелм.

¹¹ Речь идет о сыне Ивана IV Грозного кн. Иване (1554–1581), убитом отцом. Как известно, информация об этом несчастье крайне противоречива; выясняется же, что в Упсале знали об этом уже в начале сентября 1582 г.

Псковский | земли выитити преж Ореховского взятия, чтобы наша власть тамо была как в Кореле и во иных городех около близко | стоящих и иных. Хотя какво вам над тем ни буди прилучитца, и на то вы крепко надеетесь. Но аще будет | так, что вы ныне, коли время есть, хотите принять нашу милостивую заповедь и добровольно нам отдать город | Орешок, и мы в сей наши грамоти крепостью всем вам комуждо ра(з)лично посулим и прикажем, сколке в вас хотят | опять на Русь ехать, и то вам всем волно есть без всякой пакости до живот(а) и имения отъехать. Да те иные, | которые хотят нам бити челом и в наши службе и под нашим защищением быти и исповедати нас за вашего прямого | государя и короля, вас всех хотим пожаловати всякого по своему чину и рукоделию болши старого поместьями и годовым жалованием, как вам у вашего пережного государя и великого князя было. Таково же велим вам держати ваше | богомолство, епископы, попы, чернцы и черницы, церькви и монастыри по-старому без всякой гибели и пакости, | и никому власть имати велим и изобидити вас, ни до живот(а) и имения, ни жен, ни детей или что имеете. А будет | кто осмелитца чеву противу сю нашу заповедь творити, тому быти под нашею великою казнью и в опале и | в гневе. И как мы велили накрепко нашему большому воеводи¹² над ними делати, кои противятца нашей милостивые | заповеди, так мы и велили ему с всеми теми милостливо жити, кои нам поклонятца и покорятца. Да сверх того, что наш большой воевода станет с вами говорити о деле или словом нашим королевским чеву посулит и прикажет или грамо|тами своими за печатью своею, тому все крепко, твердо и нерушительно быти. Того ради писали к вам и к иным | таии грамоти за своею королевскою большою печатью. Писана в очины наши в Упландском княженстве в королев|ском граде нашем Упсале¹³ в месяца сентебрия в 5 день лета 1582го, в королевском владении нашем в 14 году

Öppna brev från Johan III. 1570–1582 // Handlingar rörande ryska kriget 1570–1595 // Riksarkivet, Stockholm. Militaria M 1276: 1, л. 11. 31,3 × 40,8

С лицевой стороны большой красновосковой печатью прикреплён шведский оригинал грамоты.

На обороте нумерация: № 2

¹² Имеется в виду шведский фельдмаршал Понтус дэ ла Гарди.

¹³ Упсала — город в Швеции, до 1523 г. — столица государства.

Ю. Р. Дьякова

История церковного строительства в XIV–XIX веках в Шлиссельбургской крепости

Крепость Орешек возникла как форпост Новгорода в 1323 году и была первоначально деревянной. Жилые постройки были обнесены частоколом и укреплены земляным валом. В летописных источниках нет упоминаний о какой-либо культовой постройке на острове в это время, но она, скорее всего, была.

В 1348 году во время сражения со шведами все деревянные сооружения сгорели. По приказу новгородского владыки архиепископа Василия в 1352 году на острове были возведены новые укрепления. Они занимали юго-восточную часть острова площадью в 800 кв. метров. Вдоль западной и северной стен крепости проходил канал, вода в который поступала из Ладожского озера. Его другой конец соединялся с левым рукавом Невы. Орешек новгородской поры был не только крепостью, в западной части острова постепенно формировался торговый центр, там селились купцы, судовладельцы, рыбаки. Возможно, что внутри крепостных стен при архиепископе Василии была построена и освящена церковь Преображение Спасово¹. В конце XV — начале XVI века старую новгородскую крепость разрушили, а на ее месте возвели новую в соответствии с требованиями времени. По данным писцовых книг Водской пятины Великого Новгорода, в 1500 году Орешек стал центром большого уезда, включавшего бассейн реки Невы и часть Карельского перешейка. Сам город делился тогда на несколько частей: крепость, Никольский остров (по названию находившегося там монастыря), Корельскую сторону на северном берегу Невы, Лопскую — на южном. В писцовой книге отмечено, что в крепости насчитывалось 28 дворов, многие из которых пус-

¹ Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях. СПб., 1897. Т. III. С. 90. Неизвестно, был этот храм каменным или деревянным.

товали²: мирное население покидало крепость в связи со шведской угрозой. В Орешке осталось всего 20 дворов, владельцами которых был 251 человек. Там находились гарнизон, гражданская администрация и духовенство. «Город Орешек, а в нем церковь, а дворов в городе: двор наместника, двор городских приказчиков, два двора городских охотников, да двор монастырский»³. Возможно, речь идет о церкви Спаса, построенной архиепископом Василием в юго-восточном углу крепости. Упоминается она и в писцовой книге 1568 года: «<...> находившаяся в городе церковь Преображение Спасово была каменной»⁴. Храм был одноглавым, его маковка и барабан видны на гравюре, опубликованной в книге А. Олеария⁵.

В XVII веке, когда Орешек на 90 лет стал шведским владением и был переименован в Нотебург, здание церкви было превращено в кирху. После победы русских войск в начале XVIII века оно было перестроено. В нем была освящена церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. Церковь не могла вместить громадный гарнизон крепости: известно, что солдатские казармы возводились для размещения 4500 человек. Тогда к каменным стенам бывшей кирхи пристроили деревянный храм, а в кирхе устроили алтарь. Согласно преданию, Петр Великий сказал: «Пусть взятие Нотебурга будет предтечей моих побед над шведами»⁶.

В 1738 году шлиссельбургский священник доносил, что «к соборной церкви старое еще шведское строение, которое приобщено к каменной церкви стенами и кровлею весьма обветшало... Также де и на каменной церкви, глава токмо досками обита, а не железом и не опаяна и весьма ветха ж»⁷.

В 1757 году церковь осмотрел «архитектурный помощник» Сергей Густышев, который сообщал, что деревянную часть церкви «за крайнюю ветхостию исправить никак невозможно... пол как в каменной, так и в деревянной опустился и огнил и потолок

² Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980. С. 74.

³ Ильинский А. Г. Городское поселение Новгородской области в XVI в. СПб., 1897. С. 135.

⁴ Кирпичников А. Н. Древний Орешек. С. 88.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 12.

⁶ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1908. С. 55.

⁷ ГАРФ. Ф. 467. Оп. 4. Ед. хр. 973. Л. 7.

и кровля совсем ветха и к починке ненадежна»⁸. Во время осмотра разрушавшейся церкви Иоанна Предтечи Густышев сделал ее план и фасад⁹. Храм был одноглавый, бесстолпный, с одной апсидой, его размеры по осям были 12,8 x 7,0 метров. Барабан в XVIII веке был не световым, а глухим. Остатки постройки были обнаружены в ходе археологических раскопок в 1970 году.

Чинить церковь так и не собрались, и к 1764 году деревянное строение почти все развалилось. Очевидно, к 1770 году его сломали, так как в 1776–1779 годах архитектор А. Вист воздвиг в Шлиссельбурге новый храм Иоанна Предтечи. Строение имело «длины по капитальной линии и с колокольнею 12 сажень, шириною по середине и со стенами 4 сажени 2 S аршина об одной большой главе и колокольне покрыта глава белою жестию <...> стены складены из женого кирпича <...> пол на мостен и крыльца устроены и снутри <...> украшены разными выступами и карнизом, иконостас столярной работы <...> выкрашенной зеленою краскою и местами позолотою»¹⁰. Соборный храм был освящен 21 июня 1779 года митрополитом Гавриилом, архиепископом Новгородским и Санкт-Петербургским. Спустя 16 лет храм потребовал значительных исправлений, которые и были произведены. Но в 1804 году с разрешения митрополита Амвросия богослужения в храме были приостановлены из-за опасных трещин в стенах и своде.

Службы совершались в церкви, возобновленной в 1802 году по случаю столетнего юбилея взятия крепости в одном из помещений казарм и освященной в честь апостола Филиппа, память которого празднуется 11 октября — в день взятия крепости. Эта церковь существовала как домовая.

23 июля 1822 года последовало Высочайшее разрешение сломать старую крепостную церковь Иоанна Предтечи и возвести новую по плану, составленному архитектором А. Е. Штаубертом. Церковь заложили 1 августа 1824 года, а освятили 22 июня 1831. Это было каменное здание с двухъярусной колокольней с семью колоколами, самый большой из которых весил 100 пудов. Каждый день в 12 часов по обычаю, заведенному Петром I, в память взятия Нотебурга в 1702 году, бывал перезвон во все колокола. Главы храма были покрыты белым железом, кресты

⁸ Там же. Л. 55.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. чертежей. Ед. хр. 762. Л. 1.

¹⁰ РГВИА. Ф. 5. Оп. 4/76. Ед. хр. 417. Л. 2.

позолочены. При входе в собор стояли две чугунные пушки. Особенную красоту интерьеру придавал купол с оранжевыми круглыми окнами, сквозь которые свет проникал в храм золотистыми лучами. Среди основной утвари, имевшейся в храме, особенно ценными были образ святого Иоанна Предтечи, на престольный крест, пожертвованный Петром I, Евангелие, напечатанное в Москве в 1676 году, серебряные сосуды и старинные колокола¹¹. Главной достопримечательностью храма была чудотворная икона Казанской Божьей Матери в серебряной ризе, украшенной жемчугом¹². Икона хранилась в крепости со времен Ивана IV Грозного. Она современница одноименной российской святыни, бывшей несколько веков одной из главных почитаемых икон страны. По преданию, в 1612 году, в последние дни осады Орешка, когда стало ясно, что крепость не удержать, руководители обороны приняли решение спрятать икону Казанской Божьей Матери, которой очень дорожили жители. Работы велись тайно. Икону замуровали в стене церкви так искусно, что шведы, переоборудовав православную церковь под кирху, за 90 лет ее не обнаружили. В 1702 году, после завоевания Нотебурга русскими войсками и его переименования в Шлиссельбург («ключ-город»), часовому, которого поставили в кирхе, ночью «почудился необыкновенный свет, исходящий из стены»¹³. Доложили офицеру. По его приказу стену разобрали и достали икону.

По другой версии «само место в алтаре, где была замурована икона, было постоянно влажно. В одну из ночей часовой заметил необыкновенный свет, выходящий из стены <...> В стене вскоре образовалась трещина, в которую и узрели святую икону»¹⁴. Найденную икону поместили в собор, и вскоре праздник в ее честь стал популярен во всей округе, где шведы пытались искоренить православие. На праздник съезжались из Петербурга, Москвы, Твери, собирались жители окрестных селений (нынешних Кировского, Тосненского, Волховского и Всеволожского районов).

Накануне торжественного празднования дня иконы Казанской Божьей Матери образ выносили из крепостного собора во

¹¹ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 56.

¹² Там же. Размеры иконы: 1 арш. 7,5 верш. x 1 арш. 2 верш. (104x80 см).

¹³ Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 8. С. 268.

¹⁴ Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси... С. 56.

время крестного хода, направлявшегося через Неву в город Шлиссельбург, в часовню Благовещения. 8 июля совершалась литургия, затем крестный ход двигался с образом Казанской Божьей Матери к Ладожскому (Петровскому) каналу, где совершалось водосвятие. Праздник завершался панихидой, посвященной памяти Петра I и православных воинов, «на брани убиенных». В часовне Благовещенской церкви икона оставалась две недели, а затем возвращалась в крепостной храм.

Благовещенская часовня города Шлиссельбурга в 1847 году была перестроена по проекту архитектора Г. Ершова и «посвящена образу Казанской Божьей Матери»¹⁵. Это было «прекраснейшее здание коринфского ордера»¹⁶.

Праздники почитания иконы проходили ежегодно до февраля 1917 года. До этого времени был действующим и собор Иоанна Предтечи в Орешке.

После 1905 года узникам было разрешено присутствовать на службах. Это было связано с тем, что в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, кроме политических заключенных, стали отбывать наказание приговоренные уголовными судами.

После Февральской революции Шлиссельбургский ревком, освободив заключенных, постановил «государеву тюрьму» сжечь. Мартовский пожар 1917 года не затронул собор Иоанна Предтечи. В крепости сгорели лишь тюремные корпуса. В начале 1918 года крепость стала базой Ленинградского военного округа, в соборе находился оружейный склад. Здания крепости не ремонтировали из-за отсутствия средств.

Храм был закрыт, судьба всей церковной утвари неизвестна, но икона Казанской Божьей Матери уцелела и хранилась в Благовещенском соборе города Шлиссельбурга.

В 1930 году церкви в Шлиссельбурге закрыли. Колокольню Благовещенского собора превратили в парашютную вышку, с которой местная молодежь училась прыгать с парашютом до 1941 года.

Дальнейшая судьба иконы неизвестна. Поиск, проведенный нами, позволяет утверждать, что икона была сохранена местными жителями, а в 1941 году вывезена из оккупированного города в какую-то деревню, не занятую немцами, и там спрятана. Видимо, исполните-

¹⁵ Томилин А. С. Шлиссельбург. СПб., 1847. С. 116.

¹⁶ Всемирная иллюстрация. 1881. № 655. С. 84.

ли этой операции погибли или умерли, унеся с собой тайну иконы. Многие старейшие жители Шлиссельбурга слышали рассказ о чудотворной иконе от своих родителей¹⁷.

20 ноября 1925 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение взять крепость под государственную охрану и передать ее в ведение Наркомпроса. Артиллерийская батарея и оружейный склад остались на острове, освободив Иоанновский собор, в котором к 1928 году разместили выставку материалов по истории крепости и экспозицию, посвященную библиотеке Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

В 1939 году началась война с Финляндией. Музей в Шлиссельбургской крепости был закрыт, экспонаты вывезены в Ленинград и переданы на хранение в Государственный музей Октябрьской революции.

В годы Великой Отечественной войны древний Орешек снова приобрел военное значение — гарнизон советских войск героически защищал крепость. На колокольне Иоанновского собора защитники поднимали красный флаг. Впервые флаг был поднят 1 мая 1942 года. Немцы яростно обстреливали собор, и вскоре он был сильно разрушен. Однако колокольня осталась цела, и флаг на ней реял до самого окончания обороны — до 18 января 1943 года.

Разрушенную крепость стали восстанавливать в 1956 году. По плану реставрации, разработанному в 1972 году, Иоанновский собор, законсервированный в руинах, является частью мемориального комплекса, посвященного обороне крепости в годы Великой Отечественной войны. На стенах собора установлены латунные доски, надписи на которых рассказывают об обороне крепости и ее значении в битве за Ленинград.

¹⁷ Автором были опрошены Антонина Ивановна Алфимова, Анатолий Алексеевич Комаров, Екатерина Алексеевна Белоусова, Анна Осиповна Оконченкова, Ольга Ивановна Сергеева, Анна Андреевна Белоконь, Петр Николаевич Кораблев, Иван Павлович Ушанов, Александра Николаевна Крупникова и многие другие. Фаина Николаевна Миронова помнит, как до войны ее бабушка каждый год летом уезжала на несколько дней «поклониться Матушке Заступнице». Анна Макаровна Бурина в детстве слышала рассказ о том, что икону вывозили «от немцев зимой на саночках». Об этом же рассказывала Екатерине Владимировне Вохмяниной мать. Михаил Григорьевич Павленков, родившийся в 1924 году в городе Шлиссельбурге, возможно, видел чудотворную икону, когда она находилась в Благовещенском соборе, то есть до 1930 года. Более конкретных сведений о спасении иконы собрать не удалось, и местонахождение ее пока неизвестно.

А. Е. Гунич

К вопросу о рисунке флюгеров XVI века на шатрах Шлиссельбургской крепости Орешек

Расположенная в истоке Невы из Ладожского озера крепость Орешек имеет многовековую историю. Война 1941–1945 годов в значительной степени уничтожила следы тюремного периода ее существования. Ныне перед посетителем предстает крепость начала XVI века, обнесенная кольцом бастионов середины XVIII века. Соответственно построена и концепция реставрации Орешка, в которой предусматривается почти полное восстановление укреплений начала XVI века с воссозданием брустверов стен, верхних ярусов и шатров башен.

Десять лет назад башня Головина стала первой, получившей стрелковый бой, шатер и прапорец (флюгер), восстановленные в формах XVI века. Необходимо отметить, что характер исторических материалов, использованных для воссоздания отдельных элементов завершения башни, неравноценен. Если стены и бойницы стрелкового боя запечатлены на шведских и русских чертежах XVII–XVIII веков и тождественны с уцелевшими частями башен Копорской крепости, то первоначальный шатер башни Головина (Церковной) погиб еще в 1583 году: изображений его не имеется, и восстановление выполнено с привлечением аналогов.

О характере прапорцев, завершавших шатры крепости в 1634 году, позволяет судить гравюра из первого издания «Описания путешествия в Московию...» Адама Олеария¹ (ил. 1). Иллюстрации из книги Олеария отличаются большой достоверностью, что подтверждается другими источниками. Есть такие подтверждения и в отношении вида Нотебурга. Две башни крепости — нынешняя Головина и Погребная (Безымянная) — имеют шатры и флюгеры, отличные по характеру от

¹ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Вид и план Нотебурга, 1634. (Фрагмент) // Стариные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992.

ли этой операции погибли или умерли, унеся с собой тайну иконы. Многие старейшие жители Шлиссельбурга слышали рассказ о чудотворной иконе от своих родителей¹⁷.

20 ноября 1925 года Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение взять крепость под государственную охрану и передать ее в ведение Наркомпроса. Артиллерийская батарея и оружейный склад остались на острове, освободив Иоанновский собор, в котором к 1928 году разместили выставку материалов по истории крепости и экспозицию, посвященную библиотеке Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

В 1939 году началась война с Финляндией. Музей в Шлиссельбургской крепости был закрыт, экспонаты вывезены в Ленинград и переданы на хранение в Государственный музей Октябрьской революции.

В годы Великой Отечественной войны древний Орешек снова приобрел военное значение — гарнизон советских войск героически защищал крепость. На колокольне Иоанновского собора защитники поднимали красный флаг. Впервые флаг был поднят 1 мая 1942 года. Немцы яростно обстреливали собор, и вскоре он был сильно разрушен. Однако колокольня осталась цела, и флаг на ней реял до самого окончания обороны — до 18 января 1943 года.

Разрушенную крепость стали восстанавливать в 1956 году. По плану реставрации, разработанному в 1972 году, Иоанновский собор, законсервированный в руинах, является частью мемориального комплекса, посвященного обороне крепости в годы Великой Отечественной войны. На стенах собора установлены латунные доски, надписи на которых рассказывают об обороне крепости и ее значении в битве за Ленинград.

¹⁷ Автором были опрошены Антонина Ивановна Алфимова, Анатолий Алексеевич Комаров, Екатерина Алексеевна Белоусова, Анна Осиповна Оконченкова, Ольга Ивановна Сергеева, Анна Андреевна Белоконь, Петр Николаевич Кораблев, Иван Павлович Ушанов, Александра Николаевна Крупникова и многие другие. Фаина Николаевна Миронова помнит, как до войны ее бабушка каждый год летом уезжала на несколько дней «поклониться Матушке Заступнице». Анна Макаровна Бурина в детстве слышала рассказ о том, что икону вывозили «от немцев зимой на саночках». Об этом же рассказывала Екатерине Владимировне Вохмяниной мать. Михаил Григорьевич Павленков, родившийся в 1924 году в городе Шлиссельбурге, возможно, видел чудотворную икону, когда она находилась в Благовещенском соборе, то есть до 1930 года. Более конкретных сведений о спасении иконы собрать не удалось, и местонахождение ее пока неизвестно.

вестна серия чертежей из шведских собраний, где башня фигурирует под названием «Kauke»⁵, «Kakoselikin»⁶ («Kakosalike»)⁷ или «Kokoschlin» (план на немецком языке)⁸. Подобрать точный перевод этим словам в свое время не удалось. Название башни было истолковано как «Корельская», хотя она обращена вовсе не в сторону Корелы или карельского берега Невы. Представляется, было бы справедливее допустить, что шведы сохранили первоначальное название, приняв его за имя собственное или затруднившись в переводе. В связи с этим интересен отчетный чертеж шведского коменданта крепости с указанием причин ее сдачи (1702 г.). На чертеже имеется экспликация на двух языках. Здесь русское название башни «Кокосаля»⁹.

Издание Словаря русского языка XI–XVII веков¹⁰, предпринятое РАН в последние десятилетия, существенно расширило возможность реконструкции первоначальных названий башен.

Русские слова, созвучные шведским названиям Флажной башни, выстраиваются в следующий ряд:

1. «Kauke» — «Кокуй», или «Кукуй» — распространенное название для башен в северо-западных крепостях; причем происхождение такого названия неясно. М. К. Каргер считал его указанием на сторожевой характер башен и производил от голландского слова «смотри»¹¹. По смыслу и общему санскритскому корню можно допустить родство со словами «Соq» (фр.), «соск» (англ.), «сogut» (пол.), «кокот» (русс.) и «kukko» (карельск.) — петух. Надо полагать, именно из карельского языка название «кукуй» разошлось по новгородским землям. В Орешке рассматриваемая башня выделяется среди прочих не высотой, а крайним восточным положением, не является дозорной, но первой встречает восход солнца. Образ петуха в качестве стража и провозвестника света известен с древней-

⁵ Королевский военный архив Швеции. Планы городов и крепостей. Нотебург. № 4, 1680; № за 1681 г.

⁶ Там же. № 2, 1650.

⁷ ЦГВИА. Ф. 349. Оп. 44. Д. 37. «“Карта Нотебурга“ прежде чем была сдана врагу». 1702.

⁸ Там же. Д. 38. «План Нотебурга с перечнем».

⁹ Там же. Д. 97.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1997. (не окончен).

¹¹ Каргер М. К. Новгород. Л., 1980. С. 60.

ших времен. В европейскую литературную традицию он вошел с мифом об Алектрионе, а с появлением христианства стал символом грядущего Воскресения.

2. Kakoselikin, Kakosalike, Kakoschlin — последнее написание, будучи сделано русскими буквами, — Кокошлина — дословно означает «Куриная». Оно является, скорее всего, кличкой и могло возникнуть от вполне наглядной и доступной общему пониманию детали башни. Несомненно, что на роль такой детали как нельзя лучше подходил петух на вершине шатра — образ, распространенный в Европе со времен раннего Средневековья. Таким образом, представляется вполне возможным предположить наличие взаимосвязи между положением башен в крепости, их наименованиями и фигурами, венчавшими их шатры.

Основным фасадом крепости был северный. Вдоль него проходил невский фарватер, а на правом берегу Невы, напротив крепости, располагался наиболее населенный посад Орешка. Отсюда северная крепостная ограда представлялась развернутой в прямую линию с равномерно расставленными башнями. Главной среди них была Воротная башня. Ее высота в камне равнялась высоте башен цитадели (замка), прочие башни крепости были ниже. Кроме того, это была единственная башня, квадратная в плане, а ее шатер, судя по рисунку Олеария, имел усложненную форму с бочками или слуховыми окнами в нижней части. Главным воротам крепости издревле придавалось особое, почти священное значение. На Руси времен Ивана III над шатрами въездных башен начали появляться двуглавые орлы, как символ принадлежности Великому Государю Московскому. Вероятно, что такое украшение имелось и на воротной башне Орешка, а ее современное название «Государева» бытовало еще до шведского завоевания. Естественно, что ко времени посещения крепости Олеарием орла над башней уже не было. Все годы шведского владычества она скромно именовалась Воротной.

Справа от Государевой башни возвышалась башня Наместника (Fogt), ныне Меншикова, а на плане 1681 года — «Ног» — высокая, несмотря на скромные геометрические размеры. Русские документы начала XVIII века именуют ее «Княжой», что, в сущности, соответствует названию «Наместничья», поскольку имелось в виду «Наместническое княжение», т. е. представительство великого князя. Не случайно после 1702 года башня получила флю-

гер в виде короны, лежащей на подушке. Эта фигура означала в русской геральдике Нового времени служение великому князю.

Далее шла Крестовая башня (ныне Светличная), выстроенная некогда в комплексе с многоярусной жилой постройкой, напоминавшей западноевропейский донжон. Номинально здесь должен был находиться административно-военный центр крепости. На третьем этаже этого сооружения находилась зала, которой, по-видимому, отводилась роль «актовой». В XVI–XVII веках такие помещения именовались «Крестовыми палатами», что, вероятно, и дало название всей башне.

Завершали северный фронт крепости со стороны Ладожского озера — Черная башня (ныне Королевская), а со стороны Невы — Церковная (ныне Головина). Вблизи последней никогда не имелось никакой церкви, она занимала обособленное положение на стрелке острова, похожего, как отмечал Кирпичников, на корабль, входящий в Неву с востока на запад.

Церковная башня, казалось, стояла по главе этого движения, а названия башен, следовавших за ней, выстраивались в свиту по иерархии:

- Церковная,
- Государева,
- Княжая (Наместничья),
- Крестовая (т. е. административная, служилая),
- Черная.

Обратившись в поисках подходящих эмблем для прапорцев башен к эмблематике знамен русского войска, можно выделить следующий образный ряд.

Великокняжеские, а впоследствии и царские стяги со времен Дмитрия Донского и до конца XVI века несли на себе лик Спаса Нерукотворного; по всей видимости, именно для этой иконы предназначалась ниша над воротами Государевой башни, место же на шатре могла занять нововведенная светская эмблема — двуглавый орел, как более выигрышная и узнаваемая на большом расстоянии.

На печатях великокняжеских наместников обычно находилось изображение «московского всадника» — «копейщика». Едва ли не единственные достоверные изображения московского войска начала XVI века, посвященные битве под Оршей в 1514 году (картина в Национальном музее Варшавы /ил. 2/ и гравюра из «Kroniki Świata» М. Бельского /ил. 3/) показывают ту же эмблему на знаме-

ни большого полка (основных сил) русских под водительством князя Булгака-Голицы. Именно изображение всадника с копьем могло венчать шатер Наместничьей (Княжей) башни Орешка.

На тех же изображениях битвы под Оршей фланговые полки «правой и левой руки» выступают под знаменами с изображением архистратига Михаила. Очевидно, что такое изображение как нельзя более подходило для вершины Церковной башни.

Допуская, что название Крестовой башни могло иметь внешнее отражение в эмблематике ее прапорца, следует вспомнить, что в начале следующего, XVII столетия прямой крест несли на себе знамена стрелецких полков и рот, возможно, как напоминание о присяге, «крестном целовании», приносимом служилыми «по прибору» людьми (ил. 8, 9). В Крестовой же башне располагалась как Крестовая палата, где могли происходить подобные акты, так и кордегардия крепостного гарнизона. На гравюре А. Шхонебека, представляющей штурм Нотебурга в 1702 году, шатер Крестовой башни венчает флюгер с прямым равноконечным крестом (ил. 7). В отличие от шведского флага над Мельничной башней, флюгер не имеет откосов. Вполне вероятно, что при замене старого шатра на новый шведы воспользовались старым прапорцем или воспроизвели его рисунок, не усмотрев в нем ничего предосудительного.

Название Черной башни способно привести на память опричников — «*Domini canes*» — Ивана IV, в черных одеяниях и с собачьими головами у седел, однако башню построили лет за пятьдесят до их появления, поэтому даже ассоциативно не удастся представить эмблему на ее прапорце. Не исключено, что таковой не было вовсе. Крестовая и Черная башни одновременно принадлежали и к наружной ограде крепости, и к ее цитадели (замку).

В противоположном от Черной башни углу замка, почти в центре острова, располагалась единственная башня, не принадлежавшая к наружной ограде и поэтому, можно сказать, занимавшая «привилегированное» положение. Ее название на шведских планах «*Kalkt*»¹² — Меловая, т. е. по-русски, вероятно, «Белая».

Второе название башни на плане 1700 года — «*Katze*»¹³ — «Кошачья» является прозвищем. Пролить свет на происхождение

¹² Королевский военный архив Швеции. Планы городов и крепостей. Нотебург. № 5, 1696.

¹³ ЦГВИА. Ф. 349. Оп. 44. Д. 38.

ние такого названия может наименование соседней с ней, последней башни цитадели — «Korkt». Это могло бы означать «Пробковая», но ввиду явной бессмыслицы такого названия для Орешка резонно предположить, что здесь, как и в случае с Флажной (Кокошлиной) башней, было сохранено русское название в шведском написании. В XVI столетии словом «корк» или «карк» обозначался заморский зверь с одним рогом, употреблявшимся в медицинских целях. В реальности это, вероятно, был носорог или нарвал, а в средневековом сознании — единорог. В русской геральдике XVI века этот образ, символизирующий чистоту и преданность, был достаточно распространен. Ко времени Ивана IV он даже украсил щиток на груди Государственного орла, а на воротах Опричного дворца в Александровской слободе соседствовал со львом — «вотчинной» эмблемой правящей династии¹⁴. Похоже, что и в Орешке эти звери располагались на шатрах соседних башен, дав одной из них название Коркина, а другой — Кошачья.

Названия башен южного фронта крепости в большей мере определялись их топографическим положением. Первой с востока была уже упоминавшаяся Кокошлина башня, за ней следовала башня, обозначенная на шведских планах как «Пасторская». По-видимому, это был перевод русского наименования «Поповская», т. к. непосредственно напротив башни стоял Никольский мужской монастырь на одноименном острове. Возможно, что тема Св. Николая имела отражение и на прапорце башни.

Наконец, между Церковной и Поповской размещалась башня, обозначенная как Погребная (Подвальная). Скорее всего, башня получила свое название после проведенной в 1530–1540-х годах модернизации, когда снаружи ее усилили дополнительной прикладкой и, возможно, добавили линию внешних земляных укреплений, а изнутри насыпали земляные валы для доступа к перемещенным печурам фланкирующего боя. К сожалению, делать предположения о сюжете изображения на прапорце башни, исходя из ее названия, в данном случае невозможно.

Как следует из самого наименования предмета, прапорцы на башнях своим прототипом имели войсковые знамена.

И в западноевропейской, и в русской традиции в эпоху Средневековья знамена первоначально представляли собой хоругви

¹⁴ *Хорошкевич А. Л.* Символы русской государственности. М., 1993. С. 61.

с иконой или геральдическим изображением, заключенным в жесткую прямоугольную раму — каркас, к которой сбоку нашивались откосы — «хвосты», «хоботы» (от одного до трех). При наличии одного откоса в его верхнюю часть иногда заводили горизонтальный стержень каркаса. Такая форма знамен продержалась в Западной Европе вплоть до XVI века. Именно ей подражали флюгеры немецких городов, в чем нетрудно убедиться, рассматривая виды городов во «Всемирной хронике» Гартмана Шедела (Нюрнберг, 1493) (ил. 4). Постепенно знамена утрачивали жесткий каркас, но сохраняли свою форму: прямоугольник — «щиток» и откосы. Русские знамена на изображении битвы под Оршей 1514 года и Казанское знамя Ивана IV (1552 года) (ил. 5) представляют именно такой тип: с прямоугольным сюжетным «щитком» и одним откосом. В качестве «фоновой» материала для знамени использовалась дорогая привозная материя, на которую нашивались сюжетные изображения щитков. На откосы нашивались кресты и рождественские звезды. Указанные изображения знамен XVI столетия дают совершенно одинаковую картину.

В динамичном живописном изображении битвы под Оршей из Национального музея в Варшаве знамена представлены развевающимися на ветру. Здесь их верхний край кажется не горизонтальным, как в расстеленном или развешенном виде, а наклоненным к древку, отчего общий контур знамени приближается к треугольнику. Так же выглядят знамена на иллюстрациях русских летописей.

Фоновым цветом знамени Казанского похода и знамени с «копейщиком» был малиновый, а знамени с архистратигом Михаилом — белый. Сюжетные изображения на знаменах были полихромными.

Приняв за прототип для прапорца Церковной башни изображение знамени с архистратигом Михаилом 1514 года, отметим, что во времена первых попыток сближения с Западом при Иване III и позднее, на протяжении XVI столетия, стремились формировать отечественную геральдику путем прямого заимствования понравившихся европейских образцов. В частности, изображение разящего архистратига с мечом в правой и весами в левой руке напоминает аналогичный образ в гербе итальянской области Апулии. Наличие весов на прапорце ныне представляется деталью, подчеркивающей связь времен. Весы появились над башней еще раз уже без фигуры архангела и стали

не только символом небесного суда, но и календарным знаком возвращения крепости под Российскую корону 11 октября 1702 года.

Показательно, что Петр Великий, оценив эстетически выгодное положение башни на стрелке острова, задумал увенчать ее шатер государственным орлом. Об этом напоминает рисунок Ф. Васильева «Партикулярная верфь» (или «верей»? — А. Г.), представляющий вид Орешка от каменной косы правого берега Невы у Шлиссельбургской мели. Однако то ли ввиду легкой доступности башни для обстрела в случае осады, то ли в знак благодарности судьбе весы предпочли орлу в качестве фигуры флюгера. Они сохранялись на сменявших друг друга шатрах башни до середины XIX века.

Установленный в 1996 году прапорец представляет собой адаптацию сюжета и орнаментики знамени 1514 года к роли архитектурной детали. Контуру прапорца придана «перспективная» форма, соответствующая характеру изображения знамен в русских источниках. Выполнение сюжетной композиции в просечном железе потребовало увеличения ее масштаба по отношению к общему размеру знамени. Невозможно было ввести обычные для русских знамен текстовые пояснения к фигурам, поскольку они могут читаться только с одной стороны изображения. Единственной привнесенной деталью явилось добавление к звездам и крестам на откосе знамени солярных символов, весьма распространенных в изображении неба на иконах северного письма XVI–XVII веков (ил. 6).

Отдельно необходимо коснуться вопроса об окраске прапорца. Русские иконы дают изображения прапорцев над постройками одноцветными, в трех основных вариантах: зеленом, красном или желтом. Исходя из доступных на Руси тех времен ярких красителей, можно предположить, что для металлических деталей использовались либо ярь-медянка, либо свинцовый сурик, который, перерождаясь от солнечного света, давал наблюдаемую на иконах палитру цветов от пронзительно-красного до грязно-желтого. Из других цветовых вариантов можно допустить двуокись железа интенсивно-брусничного цвета и лужение, об использовании которого известно по документам XVII века.

Зеленый цвет в Орешке показался неприемлемым как в связи с сюжетами прапорцев, так и из-за неприятного контраста с шатрами, окрашенными двуокисью железа. Лужение также представлялось недостаточно выигрышным в художественном от-

ношении, и, кроме того, белый цвет знамен в сознании современного человека имеет иное значение, нежели в глазах человека XVI столетия.

Чтобы не вносить излишнюю дробность в завершение башни Головина, ее прапорец окрасили, как и шатер, двуокисью железа. Полученный результат можно считать удовлетворительным: темный силуэт прапорца позволяет прочесть прорезанные на нем изображения, невзирая на излишнюю тонкость рисунка. Во всяком случае, нет сомнения, что обретенный опыт пригодится для восстановления прапорцев над остальными башнями Орешка, когда они получат шатры.

Ю. Р. Дьякова, Т. Р. Виноградова

**Памятная доска с именами павших при штурме
Нотебурга 11 октября 1702 года**

В фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга хранится памятная доска с именами воинов, павших при штурме крепости Нотебург 11 октября 1702 года.

Доска представляет собой латунный лист размером 98,5 × 71,5 × 0,03 см, закрепленный в раме того же материала. Ширина рамы — 2,7 см. Она укреплена треугольными уголками. На лицевой стороне доски выгравированы имена и фамилии 235 человек. Доска разделена на две части. Слева — воины лейб-гвардии Преображенского полка, справа — лейб-гвардии Семеновского. Имена и фамилии офицеров написаны на отдельных строках с указанием чинов. Имена и фамилии рядовых солдат размещены в трех столбцах (для каждого полка). Текст доски приводим полностью в соответствии с оригиналом, но в современной орфографии. Кроме того, в публикации имена рядовых расположены в строчку с указанием номера столбца.

Список

Штаб и обер-офицерам и нижним чинам полков Лейб-Гвардии Преображенского и Семеновского, убитым при взятии приступом Шлиссельбургской крепости 11-го Октября 1702 года.

Лейб-Гвардии Преображенского полка

Майор

Давид Гаст

Капитаны

Князь Иван Львов Иван Рукин Андрей Вальбрехт

Поручики

Яков Борзов Дмитрий Немцев Василий Ивановский
Павел Беляев

Сержанты

Андрей Ребриков Алексей Ломакин Семен Котенев

Рядовые

1 (левый) столбец: Афанасий Лобоз / Яков Тиблев / Григорий Соколов / Семен Мищуров / Иван Чесноков / Клим Вершихин / Гавриил Башмаков / Иван Писарев / Никифор Ляблицов / Козьма Фомин / Илья Кондраков / Максим Демьянов / Петр Жеребцов / Андрей Посников / Фома Следков / Василий Воробьев / Петр Булкин / Петр Белош / Стефан Тяпкин / Алексей Дубровский / Федор Оставцов / Павел Копылов / Иван Фомин / Сергей Кондратьев / Лука Александров / Петр Аксентьев / Федор Ефимов / Фрол Чурин / Клим Коряков / Ерофей Пылаев / Яков Голев / Иван Сидоров / Никифор Колтовской / Прокофий Коротаев / Андрей Котенев /

2 (центральный) столбец: Савва Тихонов / Иван Злобин / Парфен Палкин / Ефим Черкашенинов / Прокофий Юрьев / Василий Чериков / Яков Бута / Григорий Пыхоцкий / Федор Булатов / Никита Ефимов / Иван Романов / Федор Путимцов / Иван Лебедев / Матфей Черкасов / Трофим Титов / Иван Чебалов / Тихон Лелнев / Яков Тихомиров / Иван Быков / Федор Коротаев / Яков Отавин / Сергей Лисицин / Иван Волк / Иван Ершов / Мирон Неустроев / Федор Беляев / Лаврентий Путилов / Семен Казаков / Федот Махов / Федор Казаков / Иван Мозалев / Петр Крюков / Антон Ремезов / Ефрем Быков / Иван Дроздов

3 (правый) столбец: Борис Домкин / Иван Ерофеев / Никифор Ланин / Агафон Уланов / Иван Жуков / Козьма Сайников / Григорий Боровиков / Вакул Заблочский / Козьма Носов / Мартын Дудырин / Иона Кабин / Иван Нагаев / Тимофей Жданов / Иван Иванов / Петр Шевелев / Иван Федотов / Данила Бовин / Дмитрий Соловьев / Нестор Титов / Тит Батуринов / Федор Бадоев / Козьма Соболев / Семен Сербин / Пантелей Матвеев / Михайло Медведев / Агафон Толанков / Анисим Посников / Михайло Попрыгаев / Андрей Кудряков / Григорий Зыков / Матвей Полчанинов / Козьма Кузовлев / Леонтий Стольянинов / **Барабанщик** / Никифор Панков

Лейб-Гвардии Семеновского полка

Майор

Конрат Мейер

Капитан

Егор Колбин

Поручики

Федор Лихарев Князь Алексей Шаховской /

Иван Дмитриев-Мамонов

Капрал

Гаврило Шипилов

Рядовые

1 (левый) столбец: Федор Струнин / Семен Горзов / Григорий Каменский / Егор Тушенев / Иван Павловский / Яков Кудрявцов / Иван Данилов / Алексей Ураков / Спиридон Беляев / Иван Багатырев / Григорий Кудрявой / Василий Мартянов / Иван Оборин / Андрей Кирилов / Никифор Коржавин / Сергей Нагаев / Федор Бычков / Зиновий Поршин / Григорий Овсянников / Иван Волох / Григорий Зорин / Максим Потопов / Данило Никифоров / Дмитрий Шаров / Ларион Деделин / Терентий Белоусов / Павел Чеботарев / Федор Захаров / Леонтий Воробьев / Иван Нижегородов / Анисим Чистяков / Тимофей Стушкин / Иван Баскаков / Тимофей Борзов / Иван Никитин / Иван Зерковников / Егор Харитонов / Борис Грызлов

2 (центральный) столбец: Михайло Осапов / Кондратий Лытков / Дмитрий Волох / Фрол Зайцев / Сидор Фролов / Федор Старичков / Данило Шатилов / Еремей Щеголев / Степан Шатаков / Ларнок Сухарев / Козьма Лукоренский / Афанасий Торовов / Кондратий Эрнев / Константин Глазунов / Яков Ушаков / Василий Попов / Иван Добровин / Степан Хабаров / Иван Заварзий / Козьма Федотов / Петр Братин / Тихон Казимиров / Иван Радилов / Кондратий Манзурьев / Афанасий Фармос / Осип Абрамьев / Федор Васильев / Ефим Глазунов / Аким Короткий / Михайло Кудринс / Василий Власов / Терентий Лобатков / Иван Быстров / Семен Побегалов / Евстафий Иванов / Сафрон Шемаев / Гордей Богданов / Степан Гребенкин / Кирил Соловьев

3 (правый) столбец: Козьма Медведев / Трофим Судоплатов / Григорий Котов / Андрей Коровин / Михайло Дьяков / Василий Мамонтов / Афанасий Подшивалов / Герасим Ротунов / Иван Сорokin / Анисим Зверев / Алексей Шабанов / Иван Волобоев / Самойло Звягин / Павел Иванов / Федор Замолнев / Михайло Шевелев / Иван Лутошный / Кирил Беликов / Игнатий Евсеев / Никифор Минин / Артамон Мордвинов / Василий Трубач / Матвей Соседов / Петр Бесчасной / Матвей Клужетов / Роман Маслов / Василий Лыков / Дмитрий Филатов / Сергей Барков / Гаврило Осипов / Иван Приезжий / Анисим Самороков / Даниил Леонтьев / Аким Гигмонов / Афанасий Иевлев / Андрей Лебедев / Дмитрий Любимов / Петр Зверев

Итак, на доске запечатлены имена 13 офицеров и 224 солдат и сержантов — участников сражения.

Осада и взятие Нотебурга в 1702 году стали первой победой России в Северной войне. Оправившись от поражения под Нарвой, русская армия перешла к активному наступлению. Штурм Нотебурга был ожесточенным. Никогда еще крепость не подвергалась такому сильному обстрелу. Победа досталась русским дорогой ценой: потери петровской армии составили 538 убитых и 925 раненых¹. Больше всего пострадала гвардия.

Павшие были захоронены, согласно письменным источникам, в двух местах. Одно из них находится на Преображенском кладбище около города Шлиссельбург. Это место раньше было занято церковью Преображения Господня. В ней «под иконою Спасителя <...> сделана надпись, в которой сказано: “Церковь Преображения Господня распространена и к ней пристроена новая каменная колокольня в память воинов, убитых при взятии Петром 1 в 1702 году Шлиссельбургской крепости, погребенных на месте построения святого храма”»².

Другим местом погребения русских воинов А. Томилин называл могилу в Шлиссельбургской крепости: «Позади собора находится курган. Он обнесен палисадом и обсажен кустарниками. На месте кургана была построена прежняя церковь Св. Иоанна. Старожилы утверждают, что здесь похоронено несколько русских воинов, убитых при осаде Шлиссельбурга в 1702 году»³.

По традиции считается, что это могила солдат только Семеновского и Преображенского полков. Так она рассматривается, например, в «Путеводителе» М. В. Новорусского⁴.

Место для захоронения было выбрано не случайно. До конца XVIII века здесь была церковь, запечатленная на планах крепо-

¹ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV. Ч. 2. Прил. IV. Приводятся и такие сведения о потерях: 564 убитых и 928 раненых. — См.: Кротков А. С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896. С. 164. Также: 614 убитых и 1288 раненых. — См.: Военно-походный журнал Б. П. Шереметева // Материалы военно-учетного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 123.

² Томилин А. Шлиссельбург. Историческое обозрение войн, в которых участвовала Шлиссельбургская крепость с подробным описанием осады при Петре Великом и современное положение гор. Шлиссельбурга. СПб., 1847. С. 136.

³ Там же. С. 102.

⁴ Новорусский М. В. Путеводитель по Шлиссельбургу. М.; Пг., 1923. С. 27.

сти. В начале XIX века вместо снесенной церкви стал обозначаться земляной бугор с колокольной на нем⁵. Колокольная была вскоре разрушена, а «земляной бугор» постепенно изменялся. На более ранних планах он имел неопределенную форму, затем приобрел очертания, характерные для него в конце XIX века. Впервые правильная форма «бугра» обозначена на плане 1827 года⁶. На плане 1839 года его назвали «земляной насыпью, обложенной дерном»⁷. Впервые на плане крепости 1842 года определили как братскую могилу и назвали «насыпью над прахом убиенных воинов»⁸. На другом плане этого же года — «могилой над убиенными воинами»⁹.

Окончательное оформление братская могила получила в конце XIX века, в период заключения в крепости народовольцев. В 1892 году она была обнесена деревянной оградой, сделанной несколькими народовольцами «из толстых, точеных березовых балясин»¹⁰.

Узник Новой тюрьмы М. В. Новорусский в 1906 году так описал захоронение: «Тут вправо мы увидим широкую плоскую насыпь, сплошь заросшую бузиной и другими растениями. Посредине ее высится большой позолоченный крест. Это и есть Братская могила, в которой погребены 243, кажется, человека семеновцев и преображенцев, павших при взятии крепости у шведов 11 октября 1702 году. Имена их сохранились и, вероятно, вспоминались в этот день за службой. Ежегодно 11-го октября на этой могиле совершалась панихида на глазах у нас, если мы могли и хотели выглянуть из окошка своей камеры. В 1902 году в день двухсотлетней годовщины, эта панихида была особенно торжественной. Ожидали даже великих князей <...> Незадолго до этого юбилея жандармы предложили нашему товарищу П. Л. Антонову, бывшему кузнецу, вырезать на меди все имена павших и похороненных в братской могиле. Он за небольшую плату взялся за эту работу <...> и исполнил ее в лучшем виде.

⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 44. Ед. хр. 171, 174, 186, 204. Генеральные планы Шлиссельбургской крепости. 1808, 1816, 1823, 1825 гг.

⁶ Там же. Ед. хр. 218.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Ед. хр. 261.

⁹ Там же. Ед. хр. 258.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 39.

После я слышал от местного священника, что этот лист был прибит на стене внутри церкви»¹¹.

Известно, что народовольцы, заключенные в Шлиссельбургскую крепость, работали в мастерских и исполняли заказы местной тюремной администрации, а также делали что-то для собственных нужд. В одной из мастерских и была сделана латунная доска. Подробные ежемесячные сведения коменданта крепости о выполненных каждым заключенным работах позволяют точно установить дату изготовления доски. В «Сведениях о работах, производимых заключенными Шлиссельбургской тюрьмы за март 1892 г.», подписанных начальником Шлиссельбургского жандармского управления подполковником Гангардтом и заведующим работами поручиком Будаковым, сказано: «Арестант № 31 вырезал на медной доске фамилии воинов, павших при взятии крепости Шлиссельбурга»¹². Из «Сведений о поведении узников»¹³, которые комендант крепости ежемесячно предоставлял начальнику Отдельного корпуса жандармов, известно, что № 31 — это Антонов Петр Леонтьевич. Сделанная им доска хранилась в крепостном соборе Иоанна Предтечи, а с 1928 года, когда в крепости был официально открыт музей, являлась частью музейной экспозиции. В 1939 году в связи с началом советско-финляндской войны она была вывезена в Ленинград и сдана на хранение в Музей Революции вместе с другими экспонатами.

Биографии воинов, имена которых выгравированы на памятной доске, представляют несомненный интерес для изучения этого музейного предмета. В исторической литературе биографических данных не обнаружено. Это подтверждает П. О. Бобровский: в архивах лейб-гвардии Преображенского полка сохранились дела лишь с 1711 года, «в них находим: послужные списки всех чинов, письма майоров и подполковников или чинов полкового штаба и письма к ним разных лиц, несколько следственных дел, сведения о денежном и вещевом довольствии, реверсы отпущенных в отпуск»¹⁴. В источниках попадаются только отрывочные сведения об участии полка в Северной войне, иногда они встречаются в письмах офицеров, сообщавших друг другу о рас-

¹¹ Новорусский М. В. Путеводитель по Шлиссельбургу. М.; Пг., 1923. С. 28.

¹² ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 99.

¹³ Там же.

¹⁴ Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Приложения к Т. II.

поражениях по передвижению и расквартированию. Имеются также сведения о личном составе полка в разные периоды, о потерях в сражениях убитыми и ранеными.

О зарождении гвардии рассказывал М. П. Азанчевский: из «Преображенских Потешных образован Преображенский полк и вместе с ним Семеновский»¹⁵, он же называл дату — 1683 год. Возможно, что люди, бывшие в полках со времени их образования, участвовали в штурме Нотебурга 1702 года и сделали к тому времени военную карьеру, т. к. «ни род, ни богатство не давали никому особых преимуществ, только личные достоинства возвышали подчиненных в глазах их царственного начальника, что и было главным и существенным основанием той нравственной силы, которая постоянно одушевляла войска, созданные великим Петром, и тем уже они стояли выше войск европейских»¹⁶. В связи с этим были изучены самые ранние списки личного состава полков в надежде отыскать в них именно тех, кто значится на латунной доске как погибший при штурме Нотебурга.

Почти во всех источниках упоминается поручик Преображенского полка Борзов, погибший в ночь на 27 сентября. «26 числа, в 12 часов ночи, 4 000 Преображенцев посланы были для осмотра местности вокруг Нотебурга <...> Встревоженные шведы открыли с крепости огонь, при чем был убит поручик Борзов»¹⁷. Вероятность его захоронения в братской могиле в Шлиссельбургской крепости невелика (до штурма еще 15 дней), но его имя, тем не менее, значится на латунной доске в списке погибших 11 октября.

А. Чичерин приводит «ведомость и список Преображенского полку начальным людям и урядникам»¹⁸, но этот документ не имеет ни подписи, ни даты. Он был составлен вскоре по возвращении Петра I из-за границы в 1697–1698 годах. Яков Борзой (вероятно, это один и тот же человек) фигурирует в нем в чине сержанта, видимо, к 1702 году он получил повышение и стал поручиком. Но когда именно это произошло, установить не

¹⁵ Азанчевский М. П. История Лейб-гвардии Преображенского полка. М., 1859. С. 6/н.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 43.

¹⁸ Чичерин А. История Лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883 гг. СПб., 1883. Т. IV. Приложения. С. 7–10.

представляется возможным. Также не удалось проследить точную дату его прибытия в полк, т. к. в «списке г.г. генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числящимся Лейб-гвардии в Преображенском полку»¹⁹ его имя не значится.

В этом списке под номером 311 назван Андрей Иванович Вальбрехт, зачисленный в полк в 1684 году в чине капитана. Здесь же под номером 790 — Василий Ивановский, в 1686 году вступивший в полк в чине прапорщика. В уже названной «Ведомости Преображенского полку начальным людям и урядникам»²⁰ фигурируют капитаны Андрей Вальбрехт, Иван Рукин и Давид Гаст, упомянуты Яков Борзов, как уже говорилось, в чине сержанта, а Василий Ивановский — в чине поручика.

Возможно, что Ведомость эта была составлена Петром I вскоре после возвращения из-за границы в 1697–1698 годах, и тогда вырисовывается продвижение по службе названных офицеров: Давид Гаст ко дню гибели под Нотебургом заслужил чин майора, Яков Борзов и Василий Ивановский стали поручиками.

С именами на латунной доске были сверены следующие списки²¹:

1. «Список служившим в Лейб-гвардии Преображенском полку с начала его основания».
2. «Список первым офицерам Преображенского полка» (1700).
3. «Список бомбардиров, состоявших в распоряжении де-Лавалья при осаде Азова» (сравнить данный список с фамилиями на доске не представляется возможным, т. к. нет имен гранатчиков, пушкарей и кузнецов, а лишь фамилии).
4. «Список стольникам, которым быть для научения морского дела, а с ними солдатам, их имени, и где быть <...> 1697 год, на первый раз 39 стольников для отправления в Италию и к каждому из них определены в помощь сержанты и солдаты Преображенского полка. В Англию и Амстердам послано 22 человека и столько же солдат».

Имена солдат и офицеров, выгравированные на доске, в перечисленных списках не значатся. Нет их и в «числе охотников от Лейб-гвардии Преображенского полка под начальством майора

¹⁹ Там же. Приложение.

²⁰ Там же. С. 7–10.

²¹ *Азанчевский М. П.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. С. 6\н.

Карпова»²², которых государь послал в качестве подкрепления, хотя они, «стесненные между подошвой стены и рекою, в течение нескольких часов выдерживали ужасный огонь гарнизона»²³. В числе охотников находились 20 офицеров, имена которых известны²⁴, и 138 безымянных капралов и солдат. В списках погибших этих офицеров нет, и судьба их неизвестна, хотя штурм был отбит «с большими потерями для русских»²⁵.

В числе погибших при штурме Нотебурга значится майор лейб-гвардии Семеновского полка Конрат (Кондратий Елизарович) Мейер. Он упоминается в «Выдержках из автобиографии князя Бориса Ивановича Куракина»²⁶. Но каких-либо биографических сведений об этом человеке не найдено.

Латунная доска — интереснейший документ русской истории. На ней сохраняются имена воинов, павших более трех столетий назад, участников первых побед Петра I в Северной войне.

²² Там же. С. 45.

²³ *Чичерин А.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. Т. I. С. 163.

²⁴ *Азанчевский М. П.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. С. 45.

²⁵ *Мунте Л.* История королевской фортификации. Стокгольм, 1909. (Перевод Халипова С. Г.). Т. III. С. 426.

²⁶ Архив князя Куракина. СПб., 1890. Т. I. С. 251–286.

В. С. Соломко

**Просветитель Н. И. Новиков — узник
Шлиссельбургской крепости Орешек¹**

В конце мая 1792 года узником Шлиссельбургской крепости стал Николай Иванович Новиков (1744–1818). Ему было 48 лет, и за плечами у него было более двух десятилетий активной просветительской и благотворительной деятельности, которая принесла ему широкую известность.

Еще в юности, будучи учеником гимназии при Московском университете, Новиков проникся любовью к книге и пришел к убеждению, что «чтение <...> есть великая польза роду человеческому». Печатный станок он считал величайшим изобретением.

Важную роль в формировании взглядов будущего издателя сыграла работа в Комиссии об уложении, созданной по распоряжению Екатерины II для выработки нового свода законов. Комиссия начала работу 30 июля 1767 года в Москве, а несколько позже продолжила ее в Петербурге. Почти с самого начала — с 17 августа — Новиков принимал в ней участие в качестве «держателя дневной записи», то есть секретаря. Эта деятельность позволила ему познакомиться с жизнью страны, надеждами и устремлениями людей, осознать остроту социальных противоречий, определить свое отношение к ним. Он смог убедиться в тяжелом положении крестьян, чьи наказания были полны жалоб на малоземелье, бремя податей и повинностей, на невозможность найти правду и добиться справедливости. Хотя помещи-

¹ Эта статья написана в 2002–2003 гг. старшим научным сотрудником ГМИ СПб Валентиной Степановной Соломко (1938–2005). Автор собрала материалы о содержании Н. И. Новикова в Шлиссельбургской крепости, рассмотрев предварительно его просветительскую и общественную деятельность, его активную позицию, которые и привели его к оппозиции правительству. Статья предназначена посетителям Шлиссельбургской крепости и относится к научно-популярной литературе.

чьи крестьяне и не имели своих представителей в Комиссии, раздавались голоса в их защиту, подвергались критике крепостнические порядки. Оглашение наказов депутатов выявило столь сложную картину российской жизни, столь острые противоречия в стране, что правительство сочло необходимым прекратить работу Комиссии. «Пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили», — заявила императрица в журнале «Всякая всячина». В январе 1769 года общее собрание было распущено. Однако работа в Комиссии, несомненно, произвела большое впечатление на Новикова, стала одним из стимулов в его дальнейшей деятельности. В последующие годы он выступил как издатель сатирических журналов «Трутень» (1769–1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773), «Кошелек» (1774). Сатирические произведения, публиковавшиеся в этих изданиях, были направлены прежде всего на обличение общественных пороков. Важное место в публикуемых материалах занимало сочувственное изображение крепостного крестьянина. Непосильный труд, беспросветная бедность, жестокое обращение с крестьянами и постоянное попрание человеческого достоинства крестьянина со стороны помещика — такой представляла жизнь русского народа на страницах журналов. «Бедность и рабство всюду встречались в образе крестьян», — писал Новиков и предупреждал, что непомерные тяготы неизбежно подтолкнут народ к протесту. В то же время просветитель Новиков постоянно подчеркивал роль крестьянства как сословия, важнейшего для государства.

На страницах журналов осуждались и другие общественные язвы: взяточничество, судебный и чиновничий произвол, карьеризм. Видя истоки общественных пороков в личных недостатках человека, Новиков высмеивал леность, праздность, невежество, жестокость, жадность. «Героями» его публикаций стали Безрассуд, Худовоспитанник, Волокита, Кривосуд. Новиковские журналы пользовались успехом. Этому способствовали и их литературные достоинства: разнообразие тем и жанров, живой язык, злободневность произведений; уважение вызывали смелость и независимость суждений авторов и издателя. Но особенно читателей привлекала острота содержания. Многие публикации явились откликами на проблемы, о которых говорили депутаты Комиссии на своих заседаниях. Если ее работу можно было прекратить и участников распустить, то с журналами и

читателями так поступить было невозможно. Издательская деятельность Новикова вызывала постоянное неудовольствие властей. Интерес читателей к журналу «Трутень» побудил Екатерину II распорядиться вести «за издаваемыми листами самое строгое наблюдение».

При этом следует иметь в виду, что Новиков отнюдь не был сторонником насильственных методов решения социальных проблем. В этом его еще более убедило восстание Пугачева, жестокость, с которой действовали и его участники, и те, кто с ними расправлялся. Новиков верил, что только нравственное воспитание и просвещение способны исправить зло. В поисках образца, который мог бы послужить моральным ориентиром, он обратился к истории, прежде всего отечественной. В 1773—1775 годах увидели свет 10 томов «Древней российской вивлиофики», «Повествование древностей российских» и другие издания. В них были опубликованы старые рукописи и документы, находившиеся в крупнейших хранилищах страны — библиотеках Эрмитажа, Коллегии иностранных дел, «Патриаршей ризницы», архива Киево-Печерской лавры и др. Новиков знакомил читателя и с всемирной историей. Он издавал как источники, так и исследования, среди них «Записки Юлия Цезаря», «Описание Китайской империи», «Размышление о греческой истории». Новиков знакомил общество с художественной литературой, публиковал «Илиаду» Гомера, произведения Корнеля, Расина, Руссо и др. Подбор книг не был случайным: в реальных фактах истории и жизни ее деятелей, в эпических и драматических произведениях читатель мог найти достойные для подражания образцы. Издатель и просветитель, Новиков старался пробудить в соотечественниках высокие идеалы служения родине, верности нравственному долгу, гуманизма и других общественных и человеческих добродетелей. В ряде исследований затрагивались вопросы государственного устройства, социальной справедливости. Новиковские издания были обращены к широкому кругу читателей, что не могло не волновать императрицу, и она пристально следила за деятельностью независимого издателя.

Новиков стремился найти единомышленников и объединить их усилия. В 1772 году он активно содействовал образованию «Общества, старающегося о напечатании книг». Это было первое российское издательское товарищество, которое обратилось не только к печатанию, но и распространению книг.

Поиски путей самоусовершенствования сблизили Новикова с масонами, их религиозно-этическое учение, развивавшее идеи братства, равенства людей, преодоления пороков и исправления нравов, было ему близко. В 1775 году он вступил в масонскую ложу. Нравственно-философские искания масонов нашли отражение в журнале «Утренний свет», издававшемся Новиковым (1777–1780). Это был первый в России журнал, посвященный в основном философским проблемам. Средства, полученные от продажи журнала, а также пожертвованные благотворителями, использовались для помощи нуждавшимся, а также на содержание двух училищ для сирот и детей неимущих родителей. Продолжением масонского «Утреннего света» стали журналы «Московское ежемесячное издание» (с 1781), «Вечерняя заря» (с 1782), «Покоящийся трудолюбец» (с 1784).

Еще более широко книгоиздательская и благотворительная деятельность Новикова развернулась в Москве, куда он переехал в 1779 году. Переезд был связан с арендой типографии Московского университета на 1779–1789 годы. В последующее время к этой типографии присоединились и другие; одна из них принадлежала самому Новикову, еще две — его близким друзьям и сотрудникам И. В. Лопухину и И. Г. Шварцу. В 1784 году была основана «Типографическая компания» (издательское товарищество на паях), которая тоже владела типографией. Новиков продолжил издание трудов западноевропейских философов и писателей. Выпускал он и произведения русских авторов — Я. Б. Княжнина, П. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, С. Е. Десницкого и др. Много внимания Новиков уделял учебникам, букварям, грамматикам, словарям. Видное место занимала среди издаваемых им книг и литература духовно-нравственного содержания. Издательская деятельность Новикова приобрела невиданный для того времени размах: им было выпущено 25–30% всех книг, вышедших в свет в 1779–1792 годах.

Продолжил Новиков и работу над периодикой. Арендовав университетскую типографию, он принял на себя и труды по выпуску газеты «Московские ведомости», печатавшейся в ней, а затем наладил и издание так называемых «прибавлений» к «Ведомостям» по литературе, химии, физике, сельскому хозяйству, а также книг для детского чтения.

Вести издательскую деятельность такого масштаба было возможно в значительной степени благодаря организаторскому та-

ланту Новикова. Он привел в образцовое состояние типографии, успешно работавшие и приносявшие доход, создал большой коллектив сотрудников — авторов и переводчиков. В их числе были А. Т. Болотов, Н. М. Карамзин, А. Н. Радищев, Д. И. Фонвизин. Как автор и переводчик выступал и сам Новиков. Он привлекал к работе и художников.

Новиков умел находить единомышленников и объединять их усилия на пользу делу просвещения. В 1782 году официально заявило о себе «Дружеское ученое общество» (фактически начавшее действовать раньше). Его целью было печатание учебных книг, содержание «Переводческой семинарии» при университете, выпускники которой затем активно участвовали в издательском деле Новикова.

Прилагая усилия к изданию разнообразной по содержанию печатной продукции, Новиков всячески содействовал ее распространению. При университете была книжная лавка, которая наряду с типографией перешла в ведение Новикова, занявшегося также и продажей книг. За годы, когда он жил в Москве, объем книжной торговли в ней многократно вырос. Не удовлетворяясь этим, он установил связь с книготорговцами многих городов России, где начали продавать новиковские издания. Цена на них устанавливалась невысокая. Новиков считал чтение одной из потребностей человека и стремился сделать книгу доступной. Этому, безусловно, способствовало устройство библиотеки при университетской книжной лавке. Кроме того, в университет, Академию наук, духовные училища новиковские издания отправлялись бесплатно.

Спустя несколько десятилетий историк В. О. Ключевский сказал о Новикове: он вышел «на службу отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конем и мечом». Результатом этой службы явились успехи просвещения в стране, подъем русской культуры, которыми отмечена вторая половина XVIII века.

Важное место в жизни Новикова занимала благотворительность. Она была направлена прежде всего на просветительские цели — создание училищ, выделение средств на обучение молодых людей в Московском университете и за границей. Но этим она не ограничивалась. В Москве была открыта большая аптека, где неимущие могли получать лекарства бесплатно. Когда в 1787 году Россию постиг неурожай, Новиков добился больших пожертвований со стороны богатых людей. На собранные сред-

ства было закуплено достаточное количество хлеба, чтобы поддержать крестьян и засеять поля весной. Новиков спас от голодной смерти многие тысячи людей. Этими действиями он вызвал подозрения и еще большую ненависть правительства, не спешившего позаботиться о голодавших.

Как в книгоиздательской и просветительской, так и в благотворительной деятельности Новиков опирался на помощь (в том числе и материальную) близких ему людей. Все они были масонами, и филантропия являлась для них естественным выражением их убеждений в силе христианской любви, всеобщего братства людей, способных найти решение самых сложных и острых проблем.

Труды Новикова снискали ему широкую известность, уважение и признательность. Они же давно вызывали пристальное внимание императрицы, ее подозрительность и недовольство, которые с годами усиливались и вылились в преследования, допросы, а затем арест с последующим заключением в Шлиссельбургскую крепость. Суровые кары постигли Новикова именно за его просветительскую и общественную деятельность, которая была слишком активной и масштабной и давно переросла допустимые с точки зрения власти рамки. Видимо, Екатерина II находила ее не менее опасной, чем революционные идеи Радищева, осужденного несколько ранее и сосланного в Сибирь.

Екатерина II искала повод для преследования издателя. По ее распоряжению устраивались своего рода ревизии московского книжного рынка на предмет выявления изданий, содержащих «колобродства» и «нелепые умствования». В 1785 году архиепископ Платон получил задание испытать Новикова в вере. Иерарх ответил: «Молю всещедрого Бога, чтобы <...> во всем мире были христиане таковые, каков Новиков». Хотя ничего серьезного против него найдено не было, Екатерина распорядилась не возобновлять аренду университетской типографии, срок которой истекал в 1789 году. Это чрезвычайно подорвало издательское дело. В 1790 году царица отправила графа А. А. Безбородко в Москву для ознакомления с деятельностью масонов. Он назвал их «скучными ханжами» и не обнаружил ничего опасного и незаконного. В конце концов, формальный повод для крутых мер был найден. Им стало появление книги религиозного содержания, выпущенной неизвестной типографией (такого рода литература с 1787 года могла печататься только в синодаль-

ной типографии). Новиков не имел отношения к выходу книги, но в его имении Авдотьино был произведен обыск, а сам он арестован и доставлен в Москву. Следствие вел Московский главнокомандующий А. А. Прозоровский. Он во что бы то ни стало стремился раскрыть заговор и доказать, что во главе его стоял Новиков. О книге, давшей предлог для обыска и ареста, больше не упоминалось. Здоровье Новикова серьезно пошатнулось значительно раньше этих событий. В Москву его привезли буквально еле живого. Во время допросов арестованный временами терял сознание, но следователь видел в этом притворство, и жесткое обращение с ним никак не изменилось. Однако, несмотря на болезнь и физическую слабость, Новиков держался стойко, и сломить его, запутать и запугать не удавалось. Прозоровский в донесениях Екатерине говорил о нем, как о человеке «натуры острой и догадливой», «характера смелого и дерзкого», «коварном и лукавом». И тогда решено было ужесточить следствие. Императрица распорядилась доставить арестованного в Шлиссельбургскую крепость, куда его везли кружным путем, тайно, принимая меры к тому, чтобы никто по дороге не мог его видеть. В крепости Новиков находился сначала на положении подследственного. Вновь последовали вопросы о политических целях масонов, о заговоре и о его участии в нем. Новиков отвергал какие бы то ни было «политические виды» своих товарищей по ложе, утверждал, что сам вступил в нее исключительно с целью двигаться «посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению». Это подтверждалось всей его деятельностью. Следствие ничего не могло предъявить суду против Новикова. И тогда он был без всяких доказательств объявлен «вредным государственным преступником», виновным в участии в тайных собраниях, переписке с западноевропейскими масонами, в попытке «уловить» в «секту» наследника престола Павла Петровича. Новикова обвиняли в «любоначалии и корыстолюбии», книги, изданные им, признали «отвращающими» от веры, церкви и правительственной власти. Обвиняемый был объявлен достойным «тягчайшей и нещадной» казни, которая милосердной монархиней заменялась 15-летним заключением в Шлиссельбургскую крепость.

Новиков попытался воззвать к тому самому милосердию, которое царица сама назвала присущим ей качеством. Он обращался к ней не только от своего имени, но и от имени своих

троих малолетних детей, единственной опорой которых он остался после смерти жены. «О великая Императрица! Пощади и прости! О премудрая Монархиня! Помилуй! О милосердная Матерь Отечества! Дозволь несчастному и полумертвому преступнику, прогневившему тебя неумышленно, но, дозвожь, когда угодно Господу прекратить дни мои, последний вздох испустить в объятиях детей моих! Услыши, Милосердная Матерь Отечества, младенцев, вопиющих тебе: помилуй! Мы лишились матери! Ежели ты не помилуешь нас, то лишимся и отца! ... Мы все четверо вопием к тебе: помилуй!» Но призыв остался без ответа. В жизни Новикова началась новая, самая трудная страница: просветитель и издатель, уважаемый, широко известный в стране человек стал безымянным узником. Сведения о его пребывании в крепости крайне скудны и при этом противоречивы. Известно, что вместе с ним в Шлиссельбург было доставлено еще два человека. Один из них — врач М. И. Багрянский. В 1790 году он вернулся из-за границы, где на средства Дружеского учебного общества получил профессию врача. По прибытии в Россию он нашел приют в доме Новикова. Их арестовали в 1792 году вместе, потому что, как считали одни, следователи надеялись получить от Багрянского какие-то сведения о Новикове; другие писали, что он добровольно последовал за своим старшим другом, тем более что тот был очень болен и нуждался в помощи врача. Вторым человеком, разделившим с Новиковым заключение, стал его слуга. В одном из немногих известных тюремных документов против вопроса, за что посажен в крепость, значится: «неизвестно». Возможно, состояние здоровья Новикова вынуждало оставить при нем слугу. Несомненно, совместное пребывание этих трех человек скрашивало их тюремное существование. Есть также сведения, что Новиков читал в крепости Священное писание и в совершенстве изучил его. На содержание всех троих узников полагался рубль в день. Может быть, в то время этих денег и было достаточно на скромное пропитание, но, судя по некоторым данным, деньги приходили нерегулярно и неполностью. Кроме того, заключенные претерпевали «крайнюю... нужду и бедность» в одежде, белье и обуви. Комендант крепости в 1792 году обращался к генерал-прокурору с просьбой о снисхождении к Новикову. Просил он и о Багрянском, в частности, о прогулках для него. Возможно, комендант не упоминал о прогулках для Новикова из-за состояния его здоровья: он тяжело болел и, может быть, просто не мог

покинуть камеру. Багрянский, будучи врачом, практически ничем не мог помочь другу — требовались лекарства, а их не было.

Спустя два года генерал-прокурор отправил в крепость чиновника с поручением охарактеризовать положение узников. Посланец повидал всех, познакомился с условиями их содержания и отметил в отчете, что одежда заключенных совершенно обветшала и они страдают от холода. Денег, поступавших на их нужды, едва хватало на пропитание. О Новикове он также писал, что тот тяжело болен и фактически лишен помощи. Только тогда запросили коменданта, какие именно вещи и лекарства нужны. Генерал-прокурору доставили рецепт, выписанный Багрянским, и он распорядился приготовить лекарство и отправить его в Шлиссельбург. Это облегчило страдания узника. Императрица приказала увеличить сумму, предназначенную на содержание Новикова и его двух товарищей, с одного до двух рублей в сутки. Это произошло перед самой смертью Екатерины II. В течение времени, прошедшего с момента, когда Новикова отправили из Москвы в Шлиссельбург, до освобождения, о нем ничего не было известно; человек, чье имя было знакомо всей грамотной России, буквально исчез. Отсутствие достоверных сведений порождало всевозможные слухи как о причинах его исчезновения, так и его судьбе. Говорили, что он умер, что сошел с ума. Вступивший на престол Павел I приказал освободить Новикова. Он немедленно отправился в родное Авдотьино, куда прибыл, по словам его ближайшего друга и сподвижника С. И. Гамалеи, «дряхл, согбен, в разорванном тулупе». В Авдотьино прошли последние годы жизни просветителя, а их было немало: он умер в 1818 году.

Существуют утверждения, что несправедливое осуждение и последовавшее за ним заключение сломили Новикова, заставили отказаться от общественной деятельности. С этим невозможно согласиться. Немногочисленные имеющиеся свидетельства доказывают, что он остался верен себе. Возвратиться к издательской работе он не мог отчасти из-за состояния здоровья, отчасти из-за разорения, ставшего следствием преследований. После ареста многие книги, напечатанные в его типографии, были уничтожены, сохранившиеся переданы в другие руки. Новикову остались только долги. Новый император, выпустив узника, не считал нужным исправить результаты несправедливости, допущенной по отношению к нему, и предоставил самому искать выход. И все-таки Новиков попытался возобновить издательское

дело, когда в 1805 году вновь встал вопрос об аренде университетской типографии. Однако попытка не удалась. Но Новиков не бездействовал: последние годы он вместе с Гамалеей посвятил работе над собранием масонских сочинений, видя свою цель в сохранении духовного наследия Ордена. Он остался верен гуманистическим идеалам и надежды на будущее связывал с нравственным совершенствованием человека. На этом пути он, насколько позволяли возможности, предпринимал и практические шаги. Так, вернувшись из крепости в свое имение, он заложил его и полученные деньги собирался потратить на хозяйственные нужды. Однако в этом году случился неурожай, и все средства ушли на помощь крестьянам. В 1812 году, когда началось отступление французской армии, Новиков, опасаясь расправы над теперь беспомощными, голодными и замерзающими неприятельскими солдатами, обещал вознаграждение за каждого доставленного ему француза. У него пленные находили кров и пищу, а раненые — еще и лечение. Сострадание и милосердие были для Новикова не абстрактными добродетелями, а нормой повседневной жизни.

Литература

1. Боголюбов Б. Н. И. Новиков и его время. М., 1916.
2. Вернадский Г. Николай Иванович Новиков. Пг., 1918.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1960. Т. 1.
4. Дебров Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.
5. Западов В. А. Новиков. М., 1968.
6. Ключевский В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. Сб. 2.
7. Лихоткин Г. А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972.
8. Масонство и русская культура. М., 1998.
9. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII в. М.; Л., 1951.
10. Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
11. Незеленов А. Новиков в Шлиссельбургской крепости // Исторический вестник. 1882. Декабрь. С. 481—500.
12. Некрасов С. М. Апостол добра: повествование о Н. И. Новикове. М., 1994.

В. С. Соломко

**Герман Александрович Лопатин (1845–1918).
18 лет в Шлиссельбургской крепости¹**

23 июня 1887 года Г. А. Лопатин был доставлен в Шлиссельбургскую крепость и помещен в камеру Новой тюрьмы. На долгих 18 лет он потерял свое имя и стал заключенным № 27. К моменту прибытия в крепость ему было 42 года, и в прошлом осталась напряженная жизнь, деятельная, богатая впечатлениями, встречами, опасностями, приключениями, обусловленными, прежде всего, его общественными позициями.

Юность Лопатина пришлась на 1860-е годы. Это было время реформ, однако, как известно, они проводились «сверху» и любая инициатива «снизу» не только не поддерживалась, но и рассматривалась как признак неблагонадежности, как крамола, которая должна быть пресечена. Лопатин, будучи студентом, постоянно вращался в кругу людей, критически относившихся к окружающей действительности. Были в этой среде и те, кто придерживался революционных взглядов, предпринимал попытки создания нелегальных организаций. Лопатин знал о кружке Н. А. Ишутина, С. Г. Нечаева, Д. В. Каракозове и его планах цареубийства. Впоследствии Лопатин находился в дружеских отношениях с некоторыми из деятелей народнических организаций, порой оказывал им содействие. Однако вплоть до 1884 года Лопатин не входил ни в одну из политических организаций, объясняя это нежеланием связывать себя партийной дисциплиной. Однако причины были гораздо глубже. Он долго не принимал террора как метода борьбы. Еще в 1866 году его пытались

¹ О Г. А. Лопатине существует обширная литература. В этой популярной статье, предназначенной для посетителей Шлиссельбургской крепости, написанной старшим научным сотрудником ГМИ СПб Валентиной Степановной Соломко (1938–2005), собраны многочисленные свидетельства, связанные с пребыванием Г. А. Лопатина в одной из самых страшных тюрем России.

вовлечь в кружок Ишутина, но Лопатин отказался, так как не верил в то, что «насильственная смерть государя при отсутствии сильной революционной партии могла привести к чему-нибудь <...>, кроме усиления реакции». Молодой, еще не имевший никакого опыта политической деятельности, Лопатин верно понимал последствия, к которым неизбежно приведут террористические акции. В последующие годы он не изменил своих взглядов, и в 1878 году, оценивая обстановку в стране, утверждал, что «правительство и кружок так называемых “террористов” соперничают между собой в крутости действий». С самого начала своей деятельности Лопатин видел собственную задачу в просветительской и исследовательской работе. Одной из его первых самостоятельных акций явилась предпринятая совместно с Ю. В. Волховским в конце 1867 — начале 1868 года попытка создать так называемое «Рублевое общество» (по предполагаемому ежемесячному членскому взносу в размере одного рубля). Организаторы планировали направить одну часть членов общества в деревни учить крестьян грамоте, приобщать их к чтению легальных книг, разговаривать с ними о жизни, выяснять их настроение. Эти люди также должны были собрать подворные статистические сведения о крестьянских хозяйствах в тех местах, где будут вести преподавательскую работу. (Задача сбора подобных материалов уже была поставлена жизнью, и следует вспомнить, что несколько позже ее решение было возложено на земства.) Другая часть членов общества должна была озаботиться написанием и изданием книг для народа и сбором средств для оказания помощи нуждавшимся. Программа организации свидетельствовала о стремлении молодого Лопатина опираться в своей деятельности на знание экономических условий и общественных настроений в стране. (Не случайно позже отмечалось, что его теоретические рассуждения всегда были «богаты фактической подкладкой».) Правительство, подозрительно относясь к любым проявлениям общественной инициативы, тем более к идее создания каких бы то ни было организаций, не допустило реализации замысла Лопатина и Волховского.

Другая важная задача, по мысли Лопатина, состояла в развитии революционной теории, «научной социологической мысли» и пропаганде социалистических идей. Она не могла решаться легальными способами. Для ее реализации Лопатин организовал в 1870 году побег П. Л. Лаврова из ссылки и его отъезд за границу. Революционер, ученый-философ и социолог Лавров стал цен-

тральной фигурой русской эмиграции, а издаваемые им журнал и газета «Вперед» были призваны возродить традиции герценовского «Колокола». Лопатин отказался от участия в редактировании журнала, но сотрудничал в нем. Он написал несколько статей, посвященных совершенно неизвестным сторонам жизни в России (одна из них рассказывала о положении рабочих золотых приисков). Он привлек к сотрудничеству некоторых русских писателей, предоставивших редакции свои статьи и художественные произведения. Лопатин вывез за границу рукопись романа Н. Г. Чернышевского «Пролог», которую передал вместе с его же «Письмами без адреса» Лаврову, осуществившему их издание.

В 1873 году Лопатин предпринял попытку освободить из ссылки Чернышевского. Его отъезд за границу должен был обеспечить писателю-революционеру возможность работать. Как известно, эта попытка не увенчалась успехом.

Важное место в деятельности Лопатина занимала переводческая деятельность. В списке переведенных им трудов — важнейшие для своего времени исследования, как гуманитарные, так и естественно-исторические. Издание этих работ имело целью познакомить с ними русского читателя, способствовать дальнейшему развитию общественной мысли в стране.

Собственные размышления Лопатина над прочитанным, сопоставление увиденного дома и за границей привело его к убеждению, что перед Россией стоят задачи не социалистической революции (как считали его друзья и оппоненты из народнического лагеря), а буржуазно-демократической.

Хотя Лопатин не разделял взглядов народников и по идейным и нравственным мотивам не принимал террористических методов борьбы, он не мог не относиться с уважением и симпатией к людям, не способным смириться с положением в стране, шедшим на самые тяжелые жертвы — на каторгу, на эшафот во имя революционной идеи. В них он видел единственную силу, противостоявшую существующей системе. Как мог, старался помочь им в трудный момент. Так, в 1866 году после ареста Каракозова Лопатин предупредил связанных с ним людей о грозящей им опасности, что позволило им уничтожить или надежно спрятать компрометирующие материалы. Когда начались обыски и аресты, люди были подготовлены, и это, безусловно, облегчило участь тех, кто стал подследственным.

Много позже, в 1884 году, когда «Народная воля» была разгромлена, Лопатин согласился войти во вновь созданный руко-

водящий орган, призванный восстановить организацию. Он считал, что другой силы, способной противостоять правительству, не существует. Он пришел также к убеждению, что в условиях реакции приходится прибегать и к террористическим методам борьбы.

Активная деятельность Лопатина, осуществлявшаяся на протяжении почти 20 лет, не осталась безнаказанной. Впервые Лопатин был арестован в 1866 году после выстрела Каракозова, когда в тюрьму попали многие, просто знакомые с террористом или с теми, кто с ним был связан. Два месяца провел он тогда в Петропавловской крепости и был освобожден за отсутствием каких бы то ни было улик против него. Второму аресту он подвергся в 1868 году по делу «Рублевого общества». На этот раз Лопатин провел в тюрьме восемь месяцев и, несмотря на легальный характер предполагаемой организации, был выслан в Ставрополь по месту жительства родителей. Арестом и пребыванием в Иркутском остроге окончилась попытка освобождения Чернышевского. После побега он жил главным образом за границей, но нелегально несколько раз приезжал в Россию. Во время одного из таких приездов Лопатин вновь был арестован и провел в тюрьме тринадцать месяцев. Последний арест был произведен 5 октября 1884 года, следствие длилось более двух с половиной лет. Суд состоялся в мае—июне 1887 года. Три недели Лопатин жил в ожидании смерти, замененной пожизненным заключением.

Почти за два десятилетия революционной деятельности Лопатин проявлял неизменное мужество, отвагу, находчивость, предусмотрительность. Жизненные пути свели его со многими выдающимися людьми. Он был знаком с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, К. Марксом, Ф. Энгельсом, И. С. Тургеневым, Г. И. Успенским, М. А. Бакуниним, был близким другом П. Л. Лаврова. Писатели отмечали в нем несомненное литературное дарование, деятели науки — задатки крупного ученого. Многие оставили о нем восторженные отзывы: «крупная интеллектуальная сила», «сказочный человек», «Илья Муромец русского революционного движения». Отмечалась его абсолютная порядочность, верность друзьям. «На обещание, им данное, могли всегда положиться даже враги его. <...> Дружеские сношения, личные привязанности были для него святыней». «Блестящий, страстный, в высшей степени общительный», он обладал огромным обаянием, «был душой всякого общества».

Этот человек, приговоренный к бессрочному заключению, стал узником одиночной камеры в Шлиссельбургской тюрьме.

Как пережил он эти годы? Собственных воспоминаний о них Лопатин не оставил и после освобождения скупое говорил об этом периоде своей жизни. Необходимо отметить, что в тюрьме он держался несколько особняком. Отчасти это, видимо, было вызвано разницей в возрасте: Лопатин был значительно старше остальных (кроме М. Ю. Ашенбреннера). Вероятно, этим можно объяснить то, что в воспоминаниях шлиссельбуржцев, всегда говоривших о нем с уважением, очень мало конкретного материала, который позволил бы представить жизнь Лопатина в тюрьме. Ее приходится реконструировать по крайне ограниченному количеству деталей.

Прежде всего необходимо помнить об общих условиях пребывания в «государевой тюрьме», где самым страшным была изоляция узников, отсутствие впечатлений. «Как ни силишься остановить свое воспоминание хоть на чем-нибудь <...> чувствуешь, что вспоминать и воспроизводить тебе нечего <...> Воображение рисует одну безрадостную, унылую, зимнюю равнину, где глубокий снег сгладил все очертания <...> Жизнь была как бы заморожена», — писал М. В. Новорусский. «Притока живых внешних впечатлений не существовало и материала для нормальной душевной жизни извне не поступало <...> мы жили в общей могиле», — вторил ему М. Ю. Ашенбреннер. В этой могиле, где заживо погребенные «еле тянули день за днем», оказался и Лопатин. Побег из Шлиссельбургской крепости был невозможен. Уповать на благоприятные изменения не приходилось — на узников этой тюрьмы не распространялись никакие амнистии, никакие облегчения.

Вполне понятно настроение, которым проникнуты стихи, написанные Лопатиным в первый же день пребывания в этой «общей могиле»:

Да будет проклят день, когда
Впервой узрел я эти своды
И распрощался навсегда
С последним проблеском свободы!
<...>
Да будет проклят день, когда
В терзаниях сердечной муки
Под гнетом горя и стыда
Бессильно опустил я руки!

Потекли тюремные дни и годы. Он называл их «непрожитыми».

...
Какой тоскливой чередой
За скучным днем ползет другой,
За годом новый год влачится,
Как кровь, что медленной струей
Весь день из раны роковой
Сквозь бинт без удержу сочится...

Так писал Лопатин в январе 1889 года. Жизнь он сравнивал с чадающей лампадой, с догорающей свечой. Как и многие его товарищи, он утверждал, что наибольшее благо для заключенного — это забвение: временное дает сон, вечное — смерть.

Хорош глубокий, тихий сон:
От черных дум, от мук душевных
На время ограждает он
Людей, на пытку осужденных.

Не слаще ль будет и того
Навеки смертным сном забыться?
А лучше было бы всего
Совсем на свет нам не родиться! —

писал заключенный в 1890 году. Но забвения, конечно, не было. Человек не может уйти от своих мыслей, от своего прошлого с его радостными и горькими страницами. У Лопатина были воспоминания, которые делали тюремную жизнь особенно мучительной. Его угнетало то, что при аресте он не смог уничтожить находившиеся при нем бумаги с именами и адресами товарищей, с которыми он должен был встретиться. Их ждал арест, следствие, суд. Боль причиняли и мысли о близких, о сыне, которого он видел последний раз пятилетним ребенком, о жене, разрыв с которой произошел за год до его последнего ареста. Ей посвящены полные горечи строки:

<...> Скажите ей, что всякого ей счастья
Желаю я на жизненном пути,
Но что такой любви и страстного участия
К ее судьбе ей больше не найти.

Долгие годы Лопатин был лишен какой бы то ни было связи с близкими. Только после пятнадцатилетнего пребывания в заточении ему была разрешена переписка с братом Всеволодом. Узников чрезвычайно раздражали постоянные напоминания об их полном бесправии, они очень страдали от отсутствия элементарных вещей — мыла, расчески. Лопатин, у которого была сильная близорукость, вынужден был объявить голодовку, чтобы ему дали очки. Не случайно в донесениях надзирателей нередко указывалось: «№ 27 пасмурен».

Жизнь в тюрьме была невыносима. Большинство заключенных постигла безвременная смерть, случались самоубийства, обычным явлением стали психические заболевания. Сложно понять, что давало силы выжить, а Лопатин был среди тех, кто выстоял. Несомненно, важнейшую роль в этом сыграл его волевой характер: сильный человек, он переносил свое заточение с твердостью, старался поддерживать физическую форму, делая гимнастику, обливался холодной водой. Он сумел сохранить себя как личность. В отношениях с тюремной администрацией был независим, и сила его духа была такова, что надзиратели и жандармы испытывали перед ним нечто вроде робости. Конечно, большое значение имела дружеская поддержка, которую заключенные оказывали друг другу. Свое первое стихотворение, цитированное выше, Лопатин простучал соседям и в тот же день услышал ответ В. Н. Фигнер, очень тронувший его. Вообще присутствие двух женщин — В. Н. Фигнер и Л. А. Волкенштейн, их стойкость, терпение очень помогали заключенным мужчинам, старавшимся сохранить бодрость духа и твердость характера. Сначала общение с узниками могло осуществляться только благодаря перестукиванию. Позже, когда условия содержания смягчились и узники получили возможность видаться, мужчины стремились повидать женщин и поговорить с ними. С благодарностью вспоминали они о неизменно теплом отношении Фигнер и Волкенштейн к своим товарищам. «Всякий знал, что найдет здесь привет, ласку, поощрение и шел с полной верой встретить здесь успокоение, поддержку, сердечное отношение», — писал М. Ф. Фроленко. Все были в них немного влюблены, каждый нес им первую зелень, лучшие ягоды, цветы; им посвящали стихи. Особенно активен был именно Лопатин. Первое время он едва ли не ежедневно выстукивал стихотворные послания то одной, то другой. Товарищи начали испытывать ревнивое беспокойство. Только просьба Фигнер остановила его; стихи

стали появляться лишь по каким-то поводам. Серьезные и шуточные, они всегда были полны уважения и дружеского участия. Испытывая естественную для каждого человека потребность в поддержке и понимании, Лопатин не терпел ничего, что могло походить на жалость. Когда княжна Дондукова-Корсакова добилась разрешения посетить шлиссельбургских узников, чтобы обратиться к ним со словами утешения, Лопатин отказался от встречи с ней. Позже, выйдя на свободу, он посетил ее и поблагодарил за доброту и участие.

Неоценимым благом для шлиссельбуржцев явилась не сразу предоставленная им возможность читать. Любую книгу получить было нельзя. Администрация считала, что произведения Ф. М. Достоевского окажут на читателя-заключенного неблагоприятное воздействие. Не допускались исследования, в названиях которых были слова «социальный», «социалистический». Выдавались только прошлогодние журналы, но и из них вырывались страницы, содержавшие хронику, чтобы скрыть события в стране и в мире. Со временем составила значительная библиотека. Узники вспоминали, с какой жадностью они набросились на чтение. Интересовались социологией, философией, историей. Большим вниманием пользовались работы Н. К. Михайловского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева. Из писателей особенно популярны были А. П. Чехов, В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, М. Горький. Чтение будило мысль, поддерживало веру в будущее. Можно не сомневаться, что Лопатин, человек чрезвычайно образованный, всегда следивший за развитием науки, также читал все, имевшееся в тюремной библиотеке. Известно, что он занялся изучением латинского и греческого языков. Физическим трудом Лопатин не увлекался и, когда появились мастерские, не работал в них.

Как ни старалась администрация держать заключенных в неведении относительно жизни в стране, какие-то сведения к ним все-таки просачивались. В 1902 году впервые за много лет в тюрьме появился новый узник — П. В. Карпович. Он рассказывал о легальных и нелегальных изданиях, о революционных съездах и их программах, говорил о приближении революции, которая приведет к разрушению русских Бастилий. «Он словно омолодил нас, заразил своей бодростью, энергией, неистощимой веселостью», — писал Ашенбреннер. Позже шлиссельбуржцы узнали о Русско-японской войне, начавшейся в 1904 году, о поражении России и сделали выводы о неизбежном социаль-

ном взрыве, который станет следствием этих событий. Так и случилось. Вспыхнувшая в стране революция 1905–1907 годов освободила заключенных, томившихся в Шлиссельбургской тюрьме многие годы. Пережить их смогли те, кто не терял надежды. Фроленко вспоминал, что, несмотря на постоянные напоминания о бессрочности заключения, о бесполезности мыслей о воле, он верил в освобождение: «Надежда великая вещь; она только одна и держит людей на земле». Несомненно, надежда поддерживала и Лопатина; не случайно жизненным девизом этого человека были слова: «Никогда не говори — все кончено».

Литература

1. Ашенбреннер М. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет. Былое, 1906. № 1, 2, 4.
2. Давыдов Ю. Юрисконсульт следственных комиссий. Человек и закон. 1978. № 6. С. 122–137; № 7. С. 124–136.
3. Лавров П. Г. А. Лопатин. Пг., 1919.
4. Лавров П. Л. Годы эмиграции. Архивные материалы: В 2 т. Dordrent-Boston, 1974. Т. 1.
5. Лопатин Г. А. Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. (Подготовил А. Л. Шилов). Пг., 1922.
6. Лопатина Е. Б., Давыдов Ю. Штрихи к портрету Г. А. Лопатина. Освободительное движение в России. Саратов, 1981. С. 61–70.
7. Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. III.
8. Неизвестные стихи Лопатина. Русская литература. 1978. № 2. С. 155–164.
9. Новорусский М. Записки шлиссельбуржца. М., 1933.
10. Панкратова В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. 1884–1898. Пг., 1922.
11. Попов И. И. Г. А. Лопатин. М., 1930.
12. Под сводами / Сб. повестей, стихотворений и воспоминаний, написанных заключенными в Шлиссельбургской крепости. М., 1909.
13. Попов М. Заметка о Лопатине. Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12).
14. Поэмы революционного народничества. Л., 1967.
15. Процесс 21-го. Женева, 1888.
16. Саморуков Н. Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина. Вопросы истории. 1951. № 3. С. 32–52.
17. Сералиева З. Х. Демократическая печать России 1905 г. о Г. А. Лопатине. Освободительное движение в России. Саратов, 1981. Вып. 10. С. 94–97.
18. Фроленко М. Записки семидесятника. М., 1927.

Ю. Р. Дьякова

Узник Шлиссельбурга Валериан Лукасинский

Валериан Лукасинский был заточен в Шлиссельбургскую крепость 24 декабря 1830 года. За время существования тюрьмы в Шлиссельбургской крепости не было ни одного узника, который мог бы сравниться с ним по продолжительности пребывания здесь: пробыв в заточении 37 долгих лет, Лукасинский умер 27 февраля 1868 года.

Биограф Лукасинского Шимон Аскенази сообщил, что он содержался совершенно отдельно от прочих заключенных — именно так выполнялось повеление Николая I содержать узника «самым тайным образом». Одиночная камера Секретного дома, куда никто не мог войти без сопровождения коменданта крепости и дежурного офицера, лишение права прогулок на многие годы, небольшое облегчение положения лишь за шесть лет до смерти и кончина в 82-летнем возрасте — таковы трагические этапы трагической судьбы.

Цели Лукасинского были огромны: он стремился к созданию широкого патриотического фронта, объединявшего и революционные и оппозиционные силы, т.е. всех недовольных политикой Александра I и наместника в Варшаве. Обширным замыслам Лукасинского не суждено было осуществиться. За организацию Патриотического польского общества он был арестован в 1822 году. Ему было тогда 36 лет. После двух лет следствия и предварительного заточения над ним и другими осужденными был исполнен приговор военного суда в присутствии войск и народа. Палач, сорвав погоны, знаки отличия, мундиры, сломал над головами осужденных сабли. Затем их одели в серые тюремные халаты, обрили головы и заковали в кандалы, заставив каждого везти ручные тачки вдоль войск, выставленных четырехугольником. Лукасинский вез тачку впереди всех.

Прямо с площади Лукасинского отвезли в крепость Замостье, где содержали в течение 7 лет. В 1825 году за попытку организации заговора в крепости с целью освобождения Лукасинс-

кий был приговорен к расстрелу, но наместник Варшавы великий князь Константин заменил смертную казнь каторгой, срок которой был удвоен, т. е. доведен до 14 лет.

Константин приказал без его личного распоряжения не освобождать Лукасинского даже после отбытия срока наказания. Именно в этом приказе Константина — разгадка трагической судьбы Лукасинского.

Перевод в крепость Гуру, затем в казармы Волынского полка русской армии, расквартированного в Варшаве, где Лукасинский в глубочайшей тайне содержался в одиночном заключении в небольшом полутемном помещении на втором этаже, с окном, почти целиком забитым досками, — следующие трагические обстоятельства жизни Лукасинского. В Варшаве в это время вспыхнуло восстание, которое успешно развивалось, и царские войска, отступая, вывезли опасного узника с собой. В 1830 году палата депутатов польского сейма обратилась к Николаю I с просьбой помиловать Лукасинского. Однако просьба осталась без ответа.

Последний раз Лукасинского видели во Владове. В жалкой сермяге, с бородой по пояс, он шел пешком, в кандалах, на веревке, захлестнутой за шею, под конным конвоем с обнаженными саблями. Его вели таким способом до Белостока, затем он был доставлен в Бобруйскую крепость. Отсюда, по велению Николая I, он был переведен в Шлиссельбургскую крепость.

Повеление императора содержать Лукасинского в Шлиссельбурге «самым тайным образом, так, чтобы кроме Вас (коменданта крепости. — Ю. Д.) никто не знал даже его имени и откуда привезен»¹ выполнялось в точности. Лукасинский был заключен в одиночную камеру Секретного дома, сторожившим его солдатам было строжайше запрещено вступать с ним в беседу. Тайна его заключения охранялась так строго, что спустя 20 лет никто не мог ответить на вопрос шефа жандармов А. Ф. Орлова, в чем именно состояло преступление старого поляка.

Одним из подтверждений, что узника содержали в секретности и изоляции, является указание М. А. Бакунина, заключенного в Шлиссельбургской крепости в 1854–1857 годах. Он увидел во время прогулки неизвестного ему сгорбленного старика, с длинной бородой, под охраной особого офицера, не позволяв-

¹ ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 1830. Дело об арестантах Лукасинском и Жубе.

шего приближаться к старцу. Он ходил медленным размеренным шагом. Бакунин узнал от другого офицера, расположенного к нему, фамилию узника: это был Лукасинский. Через несколько недель Лукасинский был выведен на прогулку под охраной того самого офицера, который назвал Бакунину фамилию заключенного, и Бакунин смог обменяться с ним несколькими фразами. Лукасинский задал три вопроса: «Который теперь год?», «Кто в Польше?» и «Что в Польше?». Это был 1854 год — 23-й год заключения Лукасинского. Он давно уже потерял счет годам. Получив ответ, старик пошел в другую сторону с опущенной головой. После этого Бакунин более не видел Лукасинского. Родственники его в 1858 и 1862 годах просили Александра II разрешить им свидание, но получили отказ.

В 1860-х годах в коридоре Секретного дома Лукасинского случайно встретил Бронислав Шварце, узник 1863–1870 годов. Об этом он рассказал в своих воспоминаниях: «Помню фигуру, проскользнувшую однажды в полутьме коридора и исчезнувшую навеки. Это был седовласый старец в сером арестантском халате. Я увидел его, когда меня вели в баню. Кто это был? По близорукости я не мог рассмотреть его лица, а солдат поспешил толкнуть меня в пустую камеру, чтобы не дать встретиться с товарищем по несчастью. Но, судя по надписям, сделанным карандашом на полях книг, это был поляк, сидевший, вероятно, с 1831 года»². Это был Лукасинский.

В положении Лукасинского за шесть лет до смерти наступило облегчение. Комендант Лепарский, ходатайствуя за Лукасинского, добился его перевода в нижний этаж «номерной» казармы 25 февраля 1862 года. Лепарский подчеркнул в своем ходатайстве 75-летний возраст Лукасинского, пребывание его в крепости более 31 года, дряхлость, слабость, потерю слуха, наличие каменной болезни³.

Перевод узника в новое помещение рассматривался как его освобождение, и его именовали иногда «бывшим арестантом». Лепарский принимал его у себя в доме. Он получил право передвижения по крепости в сопровождении караула. В камере он мог писать, читать, иногда даже и газеты. Но в его письмах и записках было заметно помрачение рассудка, и это неудиви-

² Шварце Б. Семь лет в Шлиссельбурге. СПб., 1906. С. 41.

³ ГАРФ. Там же. Л. 77.

тельно. «Единственный в своем роде психический процесс происходил в человеке, который как вставал из гроба после сорока лет, и на ум и сердце которого нахлынула слишком сильная волна фактов и впечатлений, глубоко потрясающих его мысль и чувство. Такая внезапная и обильная событиями и переживаниями волна, обрушившаяся на бедный, высохший, испепеленный от мучений мозг, заставила его, правда, непроизвольно, зажечься лихорадочной жизнью, но вместе с тем и проявить свои изъязны, тут и началось помешательство Лукасинского»⁴.

Лукасинский умер на восемьдесят втором году жизни. Тело его захоронили на территории крепости.

12 сентября 1998 года в Шлиссельбургской крепости в торжественной обстановке в присутствии генерального консула Республики Польши в Санкт-Петербурге господина Ежи Скотарека была освящена мемориальная доска полякам — узникам крепости, борцам за независимость Польши. Автор художественного проекта — архитектор Ярослав Скржипчик. Доска выполнена из черного гранита, на ней увековечены имена узников крепости Валериана Лукасинского, Бронислава Шварце, Людвиг Кобылянского, Людвиг Варынского, Людвиг Яновича, Юзефа Лукашевича, Казимежа Пужака, Винцента Ястржембского. Рядом с именами начертаны слова Валериана Лукасинского: «Перед престолом Всевышнего я молить буду не о каре, не о мести, а об исправлении для виновных, об утешении и облегчении для страждущих, о согласии, мире и благословении для обоих народов».

⁴ *Аскенази III*. Лукасинский. Варшава, 1908. С. 297.

Т. Г. Захарова

Шлиссельбуржец Н. А. Морозов

В поселке Борок Некоузского района (до 1929 года — Мологского уезда) Ярославской области, похожем на Академгородок, где живут биологи и геофизики, среди современных зданий стоит скромный деревянный домик с мезонином. На южном фасаде укреплен мемориальная доска: «Здесь родился, провел детские годы и после 30-летнего заключения в царских тюрьмах жил и работал почетный академик Николай Александрович Морозов 1854–1946, революционер и ученый».

С 1946 года в этом доме, бывшем флигеле усадьбы Борок, находится мемориальный дом-музей Н. А. Морозова, созданный согласно постановлению Совета Министров СССР.

О знаменитом шлиссельбуржце Николае Морозове часто говорят: «человек, проживший три жизни». Три столь разных периода — революционная юность, 30-летнее заключение (в основном, в Шлиссельбургской крепости) и последняя треть — служение отечественной науке.

Николай Морозов родился 25 июня (ст.ст.) 1854 года в семье мологского помещика, дворянина Петра Алексеевича Щепочкина, основавшего Новый Борок в середине XIX века, и его бывшей крепостной крестьянки из Новгородских земель Анны Васильевны Плаксиной, приписанной им к мещанскому сословию города Мологи под фамилией «Морозова». Кроме первенца Коли, в семье родилось еще восемь детей: сын Петр, пять дочерей: Екатерина, Аграфена, Варвара, Надежда, Вера, а двое умерли в младенчестве. Родители не были повенчаны, жили в любви и согласии. Все дети носили фамилию матери, а отчество — по крестному отцу, соседнему помещику Александру Радожицкому.

Николай Морозов воспитывался в дворянской усадьбе, а затем во 2-й Московской классической гимназии, куда поступил в 1869 году в 15-летнем возрасте. Ныне трудно найти юношу, который бы, подобно Николаю Морозову, тратил все свои карманные деньги на колбы, пробирки, а свободное время — на

дополнительные лекции по естествознанию и поиск в окрестностях геологических и палеонтологических предметов. Кроме того, он издавал рукописный журнал научного и философского содержания. Этот умный и подающий надежды юноша вступил на революционный путь. Он был не одинок в России: «Нас было не более 15 человек на всю Россию, и подбирали мы себя совсем не спрашивая, каких кто убеждений, а исключительно по нравственным качествам и по готовности жертвовать собой в борьбе против деспотизма... и социализм понимался исключительно в смысле идеалистическом...», — писал впоследствии Морозов¹.

Сам Морозов был осужден по «Процессу “20-ти”» в 1882 году на пожизненную каторгу, замененную одиночным заключением. Отец его угас, подавленный разлукой с сыном, государственным преступником, членом Исполкома партии «Народная воля». «Мы называли себя партией Народной воли в знак того, что непосредственная наша цель есть замена существующего самодержавного режима представительным, основанным на проявлении воли сознательного населения страны. Эта воля должна была решить потом все политические и социальные вопросы при свободном представительном правлении»².

Революционный романтизм молодого человека сошел на нет в Шлиссельбургской крепости. Морозов занялся тем, к чему был предназначен природой, — наукой, причем без книг, экспериментальной базы, общения с учеными.

Туманные проходят годы,
И вперемежку дышим мы
То затхлым воздухом свободы,
То вольным холодом тюрьмы

— это строки Г. Иванова, поэта русской эмиграции. А Морозов образно обозначил годы заточения: «Я сидел во Вселенной». Еще раньше, до заключения, он использовал каждую свободную минуту для пополнения своих знаний, сделав самообразование главным источником будущей энциклопедичности, а в Шлиссельбурге это спасло ему жизнь. Из письма Морозова родным: «Занятия для меня — вопрос жизни и смерти. Только в то время, когда я отдаюсь им целиком, дни проходят для меня

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. II. С. 502–503.

² Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. III. С. 524.

быстро и незаметно. Иначе часы тянутся, как недели, да и здоровье сейчас же становится хуже»³.

Он сумел преодолеть бесчисленные простуды, ревматизм и даже начинавшийся туберкулез, который он излечил вполне современным методом — задержкой дыхания (старался кашлять в подушку).

Узники, как когда-то декабристы, делились друг с другом знаниями на прогулках, во время работы в клетках-огородах. В переплетной мастерской, том за томом, переплетал Морозов свои записи — основу будущих книг «Периодические системы строения вещества. Теория возникновения современных химических элементов», «Функция. Наглядное изложение дифференциального и интегрального исчисления и некоторых его приложений к естествознанию и геометрии», «Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», «Векториальная алгебра», «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса», «На границе неведомого» и др.

Известно, что лишь через 16 лет — в 1897 году узникам разрешили переписку с родными: два письма в год. Свои письма⁴ родным Морозов опубликует в 1910 году в издательстве М. Аверьянова. Его «Письма из Шлиссельбургской крепости» — замечательный образец эпистолярного жанра. Он напечатал их по совету друзей, которые говорили ему, что письма эти интересны не только содержанием, но и местом, из которого они написаны. Кроме того, в них отражалось психическое настроение человека, считавшего себя навеки погребенным.

Музейным работникам, живущим в Борке, интересно знать, о чем же писали родные Морозову. Сестры — о своих семьях; самые короткие — от старшей сестры Кати (у нее 8 детей, и жила она в Ярославле) и от брата Петра (он целыми днями в поле, все хозяйство Борка на нем). Самые пространные — от средней сестры Веры, с теми милыми подробностями, которые и есть самые необходимые в письме для родного человека: о Мологе, о соловьях в борковских зарослях, о лягушачьих кон-

³ Морозов Н. А. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910. С. 60.

⁴ Приведенные в тексте письма Морозова и родных публикуются впервые.

цртах, о том, как она зимой читает допоздна почти ослепшей матери «Хижину дяди Тома» и «Князя Серебряного», как брат Петр поставил в домашнем театре «Грозу» А. Н. Островского и сам нарисовал «недурные» декорации.

Вот одно из первых писем сестры Веры (с незначительными сокращениями), отправленное в марте 1897 года, было получено 25 мая.

«Милый, дорогой мой Коля! Дня 3 назад мы получили твое письмо и были так рады иметь от тебя хотя весточку, что и сказать не могу. Сколько раз, мой дорогой, я ходила и спрашивалась о тебе в отделении Государственной полиции и получала сведения, что ты жив и здоров и больше ничего. В прошлом году я писала тебе. Ты пишешь, что мы все, кроме матери, забыли тебя, нет, дорогой брат, мы помним и любим тебя больше прежнего. Понятно, помню я тебя таким, каким ты приезжал к нам на каникулы, и большей частью я вижу тебя таким, но помню и так, как я видела тебя в Предварительном вместе с папашей. Много времени прошло с тех пор, много перемен и потерь, но что же делать, никто не в силах помешать этому. В прошлом году, когда я писала тебе, я прошла мимо твой вопрос о папаше, боясь огорчить тебя сильно. Но опять ты просишь сообщить о нем. И я должна, как мне ни тяжело, сказать тебе, что он умер в 1886 году 27 марта. Он много страдал. Был в постели около года без языка и движений. У него был нервный паралич. Сначала, когда он заболел в первый раз года за два до смерти, он поправился совсем, но все-таки доктора советовали ему поехать на воды. Но ты знаешь, что когда человек здоров, он не думает о том, что может захворать еще сильнее, так и папаша засел в своем доме в Пб, а потом приехал на Борок. В конце лета он почувствовал себя нехорошо: ходил как ослабленный, почти все лежал и не выказывал никакой энергии. Вообще папаша был неузнаваем, даже не интересовался своими редкостями. Пригласили докторов: Рудина (может, ты знаешь?) и Боткина. Они посоветовались и нашли, что у него разжижение спинного мозга или что-нибудь в этом роде. Когда папаше стало лучше и он согласился ехать в СПб (раньше он не хотел), я с ним поехала туда, стали приезжать доктора и профессора, но папаше все было хуже и хуже. Иной раз, сидя за столом и говоря что-нибудь, он вдруг замолчит и как будто испугается, но ничего не выскажет. Сначала мы не догадывались, в чем дело, но теперь я думаю, что у него отнимался язык на несколько

минут и опять ничего. В конце концов, он совсем перестал говорить и действовать своими членами. Умер он покойно, но не при мне. Я за два месяца перед этим уехала с мужем в Новочеркасск, куда он получил перевод из СПбского корпуса в кадетский. Приехала я уже потом в Мологу и пошла на могилу папашки. Он похоронен в Мологском монастыре, как он и просил в завещании, так и сделали и его из Пб привезли сюда. Дорогой, милый брат, мне тяжело огорчить тебя этой вестью, но я не знаю, как могу поступить я иначе. И пожалуй, если бы я опять умолчала об отце, то неизвестность была бы для тебя еще тяжелей. Перенеси же с твердостью эту потерю, и будем надеяться, что мы когда-нибудь увидимся с тобой. Мамаша и Петя живут теперь на Борке. Дом в Пб продан. Смерть папашки была тяжелой потерей для всех, но в материальном отношении не принесла перемен. Все осталось по-прежнему. Только, так как Петя не был совершеннолетним, сначала назначили опеку, и то по просьбе сестер отца, которым досталось родовое имение Борок. Остальное же все по духовной получила мамаша и мы. В Пб дом продан недавно, года 3 назад, и мамаша с Петей купили Борок. Мы ездим туда очень часто. Там все то же, что и было раньше, только сад разросся и стал еще гуще и больше, да берег внизу зарос березками. Постройки отремонтированы и оставлены теми же, как и были. Избушка твоя на островке жива и благодушествует, а березы, которые ты там сажал маленькими (я помню это хорошо), теперь выросли громадными, а паленика все-таки еще растет там. Я посылаю тебе снимок с островка, снятый этим летом моим мужем. Он даже раскрасил его немножко. Узнаешь ли свою избушку? Петя сделал плот, но ездит на нем очень редко. Помнишь, как ты ездил по пруду на необыкновенном судне, в бочке, кажется... Петя теперь напустил массу карасей в пруд и линей, и мой муж, приезжая на каникулы, любит посидеть целый вечер на пруду с удочкой, а я с удовольствием выпускаю пойманных рыбок из садка прямо в пруд. Понятно потихоньку от супруга. Мне просто жаль бедняжек. Это у меня осталось с детства. Я помню, что однажды, когда ты приезжал на каникулы... я с Варей выпустили у тебя из сачка бабочку и ты был очень недоволен нами. Помнишь ли ты это? А мне часто, часто вспоминается то время, когда ты был с нами и я помню это путешествие на Волгу, помню очень подробно. Много я вспоминаю о тебе, какой ты был добрый и милый брат. Петя другого характера: часто вспылит, хотя и несправедливо, но в нем есть и

хорошая черта, что он скоро одумается. Может быть он раздражителен потому, что года 4 или 5 назад потерял жену, которая умерла скоротечной чахоткой, а через год и сына. Теперь он снова женат и имеет мальчика Шуру, которому уже больше года. Он занимается хозяйством порядочно, но он сам хотел писать тебе... Мамаша все такая же добрая и сердечная, что и была. Часто, часто я говорю с ней о тебе, и она хотя не может говорить без слез, но ей это приятно и, как видно, легче бывает на душе. Она все ждет, что увидится с тобой когда-нибудь. Она просила меня написать тебе, что она горячо любит тебя, желает тебе здоровья и сил не отчаяться и ждать перемены к лучшему и крепко, крепко целует тебя. Глаза ее, хотя видят плохо, но она еще видит кое-как. А на Борке, где она знает каждый куст, она не ходит ощупью, а как зрячая и все домашнее хозяйство у нее на руках по-прежнему (Петя занимается только полевым хозяйством), но в чужом месте, вот где сказывается зрение мамыши. Хотя она не найдет на человека, но ни порогов ни лестницу она не видит и даже под руку идет ощупью и боясь споткнуться. Мы советуем ей снять катаракта и тогда бы она видела отлично, но она боится совсем ослепнуть и не доверяет докторам, так что мы никак не можем ее уговорить, хотя глазной доктор Рудин славится удачными операциями и жил здесь в Мологе... Когда я читала твое письмо, милый Коля, меня удивили твои научные знания и предмет. Но когда я прочитала, что ты пишешь книгу о строении вещества и так усиленно работаешь над нею, проводя даже бессонные ночи, меня это очень беспокоит. Это ведь страшно вредно для здоровья, а ты и сам пишешь, что здоровье твое не так крепко. Береги же его, дорогой, ведь когда знаешь, что ты здоров, то нам всем делается легче. А о бедной мамаше и говорить нечего, теперь будем ждать с нетерпением, когда позволят тебе написать нам еще. Пиши же о себе все подробно и будь уверен, что всякая строчка, полученная от тебя... какой радостью было для нас, что условие твоей жизни... к лучшему. Будем надеяться дорогой, что когда-нибудь увидимся. Желаю тебе здоровья, крепко, крепко целую и остаюсь любящая тебя всей душой Верочка»⁵.

Морозов был освобожден по общей амнистии 28 октября (ст.ст.) 1905 года. Так случилось, что коменданты Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей понадеялись друг на

⁵ Архив РАН (Москва). Ф. 543 (Морозова). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 14–16.

друга, и сестра Морозова при первом же свидании увезла ящик с 26 томами шлиссельбургских записей. Вечером 7 ноября (ст.ст.) тяжелые запоры камеры Петропавловской крепости загрохотали, дежурные принесли одежду, купленную сестрой, и Морозов через охранное отделение, выдавшее ему «однодневный вид на жительство», попал на улицу вечернего Петербурга. На следующий день все внимание интеллигентного общества обрушилось на него. Как это происходило, отражено в первых письмах на свободе другу В. Н. Фигнер:

«14 ноября 1905.

Дорогой мой друг, милая Верочка, когда собираешься писать тебе после долгой разлуки, то хочется сказать тебе целые горы всяких нежностей, мыслей и новостей. Но вот уже пятый день моей жизни в Петербурге меня рвут на клочья старые и новые знакомые, мать шлет ежедневные телеграммы, говорит: “жду тебя, приезжай скорее”, а охранное отделение делает мне задержки в выдаче правильного вида на жительство. Увезен я был, как и все товарищи, по тому же самому указу, освобождавшему от заключения всех, просидевших в тюрьме более 10 лет, и все мы восемь: Антонов, С. Иванов, Лукашевич, Лопатин, я, Новорусский и Тихов, назначены были на 4 года поселения, но вместо того было предложено Департаментом взять нас на поруки⁶. Однако сестра моя отказалась это сделать, так как в Департаменте министерства юстиции директор Щегловитов сказал ей, что, при ликвидации нашего дела министр юстиции сделал обо мне дополнительный доклад, по которому я получил полное помилование с восстановлением всех прав. Кроме, конечно, имущественных, и могу жить, где хочу. О причинах этого дополнительного доклада, исходящего от постороннего министерства, я до сих пор не знаю. Сестра приписывает его прошению моей матери, поданному весной и лежавшему до нашего увода из Шлиссельбурга без движения.

Министерство внутренних дел, кажется, очень недовольно им, так как задержало мой выпуск на несколько дней, а теперь охранное отделение предлагает мне вместо вида на жительство

⁶ Здесь в письме Морозова допущена ошибка: в 1905 г. были освобождены П. Л. Антонов, С. А. Иванов, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский, Н. А. Морозов, М. Р. Попов, М. Ф. Фроленко — Прим. сост.

простой пропуск в Мологу и Мологский уезд, который дают высылаемым на родину административно и с которым я не мог бы выехать обратно в Петербург или к тебе в гости. Поручил это дело присяж. повер. Грузенбергу (знаменитости) и завтра иду к нему обедать, чтоб узнать результаты...

Мои научные работы все вывезены и уже пошли на рассмотрение к Академикам. Буду заниматься главным образом науками, если полиция не будет мешать, заставляя жить в глуши, вне столиц, где неудобно заниматься науками. Все время стараюсь не допускать никаких оваций себе, хотя каждый день делаются маленькие попытки к этому со стороны молодежи. Но я отговариваю их с успехом, говоря, что это меня только сконфузит. Привез тебе в подарок твою собственную изящную шкатулочку, а в ней храню стихи. Целую, и обнимаю, и напишу из деревни все подробно.

Твой друг на жизнь и смерть Николай».

В следующем письме Вере Фигнер от 28 ноября 1905 Морозов написал:

«... За несколько дней моего пребывания в Петербурге в ожидании правильного вида на жительство, мне пришлось познакомиться в редакциях журналов и на званых обедах по крайней мере с двумястами различных лиц большей части из литературного мира, и все они, за исключением особенно выдающихся лиц, перемешались у меня в голове один сплошной винегрет. Иду, например, по Николаевской улице и вдруг слышу с другой стороны: “Здравствуйте, Николай Александрович!” — “Здравствуйте, здравствуйте”, отвечаю я перебегающему через улицу смуглому человеку в пенсне. “Рекомендую Вам такого-то!” (показывает на перебегающего вслед за ним другого незнакомого человека). Затем следуют вопросы о здоровье, о моих намерениях, когда еду в деревню и скоро ли вернусь, и, наконец, оба прощаются с тысячами пожеланий, а я остаюсь в полном недоразумении, кто это и кого мне представил... Не знаю, как распутаюсь в этой массе новых знакомых, когда возвращусь в Петербург...

Таковы, дорогая моя Верочка, были мой выход на волю и отъезд из Петербурга, причем я не рассказал тебе еще многого в том же самом роде. Бурцев, например, написал в “Нашей Жизни” такую мою биографию, что я в ней сам себя не узнал. Оказывается, что я был чуть ли не самым главным идейным (а отчасти и практическим) руководителем Народной Воли, отцом современных борцов против произвола, указавшим наиболее

действительные средства для борьбы с деспотизмом... Однако, ты Верочка, не бойся, что я слишком возгордился за эти двадцать дней моей жизни на свободе, и стал благодаря этому невыносим для окружающих. Никто еще не находил во мне ничего подобного. Притом же ты знаешь, что у меня очень ровный характер: как годы заточения не могли ни разу довести меня до отчаяния, так и дни торжеств не доведут до самовозвеличивания. Я давно знаю свою собственную мерку, свои хорошие свойства и недостатки, и никакие перемены во внешних отношениях не будут в состоянии значительно изменить мое прежнее мнение о самом себе. Всегда и везде я буду трудиться для Истины, для блага человечества, а не для собственного самовозвеличения. В этом, по крайней мере, мой идеал, к которому я буду стремиться до конца своей жизни.

Теперь, после маленького путешествия в Мологу я живу в известном тебе Борке. Почта бастует, и все сношения с внешним миром прекращены. Все это сильно способствует тревожному настроению общества и народа и распространению всевозможных невероятных слухов о том, что творится во внешнем мире. Но у нас все тихо и спокойно. Никаких признаков аграрного террора не заметно. Только нашему Мологскому предводителю дворянства кн. Куракину, живущему в 7 верстах от нас, было, говорят, подмётное уведомление, что его усадьба будет сожжена, да еще что-то в этом роде было написано его соседкам беззащитным старушкам Соковниным. Но я убежден, что все это — дело какого-нибудь местного озорника, не нашедшего для своих мистификаций никакого лучшего способа. У нас в Борке не было получено ничего подобного, но брат до моего приезда был очень встревожен этими слухами. С крестьянами он в хороших отношениях и не боялся с их стороны никаких насилий, но распространился слух, что на наши края двинется черная сотня из Рыбинска после избиения тамошних гимназистов и интеллигенции. Как человек привыкший к реальным опасностям, я, конечно, сейчас же мог ориентироваться в этих слухах и понять фантастичность и необоснованность для нашей местности всех этих окружающих страхов и вышутил их как они того заслуживали. В результате и брат совсем приободрился, и мы теперь фантазируем по вечерам о нашествии хулиганов и способах укрепления и защиты нашего Борка только для смеха. Брат мой оказался добрым и гостеприимным человеком, но он никогда серьезно не занимался общественными вопросами и

потому имеет о современных течениях совершенно фантастические представления. Он не прочь спеть при случае и “Русскую Марсельезу” и соединить в одно целое социал-демократов с анархистами и черносотниками. Жаль только, что он усвоил себе привычку насмешливого отношения к окружающим общественным течениям всех направлений. Она вредит его первому впечатлению, но когда познакомишься с ним поближе, то видишь, что это простая «манера себя держать» не идущая вглубь и начинаешь относиться к ней также безразлично, как мы относились к манере Лопатина вставлять в свой разговор бранные слова или к манере Попова вставлять в свой разговор абсурдные экспромты. К хозяйству он совершенно охладел, но ведет его ради детей образцовым образом и пользуется за это большим уважением у окружающих крестьян...

Даже и это послание я пишу теперь лишь из потребности скорее обменяться с тобой известиями, так как знаю, что оно еще долго будет лежать на почте без движения. Во всяком случае, дорогая, ответь мне сейчас же письмом, или еще лучше телеграммой, когда и куда я должен ехать, чтоб увидеть тебя. Наилучший адрес: Лацкое почтовое отделение Мологского уезда, имение Борок, Петру Александровичу М-ву, для передачи Ник. Александровичу. Можно, конечно, писать и прямо мне, но я предполагаю уехать на несколько дней, и брат тогда перешлет мне куда нужно (а то пиши моей матери Анне Васильевне Морозовой). Фотографий тебе своих не посылаю, так как уехал из Петербурга ранее их изготовления, но пришлю, когда получу, и ты сделай то же.

Мое финансовое положение окончательно выяснилось. Я поступил, как это и считал нужным с принципиальной точки зрения, т. е. заявил, что не предъявляю претензий ни на одну копейку из наследства моего отца, потому что, оставив свою семью, я считал себя обреченным на погибель и сознательно жертвовал для осуществления своих идей всеми благами, которые сулила мне жизнь в будущем. Но матери моей это показалось только смешно, и она мне тотчас назначила соответствующую долю. Она оказалась не так велика, как можно было предполагать. Оказалось, что родные скрывали от меня в своих письмах все, что, по их мнению, могло бы огорчить меня. Только по возвращении домой я узнал, что у отца в последние десять лет его жизни совершенно пропала охватившая его перед разлукой со мной страсть к финансовым операциям и заменилась другой (начало которой я тоже уже видел). Это была страсть к

дорогим и редким предметам искусства, особенно к картинам и статуям великих художников и ваятелей. На них он истратил в последние годы все свои наличные вклады в банках и финансовых предприятиях и тратил все доходы со своих недвижимых капиталов (т. е. с домов и земель). Из наших двух домов в Петербурге один, где жила исключительно наша семья, весь был превращен в музей, где висели на стенах зал более сотни картин, из которых многие стоили по полторы тысячи рублей, а из многочисленных статуй, наполнивших все закоулки, были купленные за три тысячи рублей и даже больше. Кроме того, везде были расставлены старинные шкафчики и другие предметы мебелировки, самые позднейшие из которых были времен Директории, и приобретались отцом при всяком случае за сумасшедшие цены. Он даже помешался в последние годы на этих предметах искусства, и когда умер, то оказалось, что кроме этих редкостей, ценю почти в полмиллиона, у него не было ни одной копейки наличными деньгами, так что даже для ввода во владение матери пришлось заложить свою землю, полученную ею в подарок еще при жизни отца. По завещанию же, составленному, как ты знаешь, еще во время моего детства в 60-х годах, половина всего имущества (кроме родового завещанного сестрам отца) предназначалось моим сестрам, а половина матери, мне и брату, или что-то в этом роде, боюсь напутать, так как я не видал самого завещания. А расспросить о подробностях не было ни времени, ни охоты.

Ты поймешь сама, дорогая Верочка, что когда весь этот музей перешел к моей матери и сестрам, и к малолетнему брату, совершенно ничего не понимавшим в этих редкостях (и мать вдобавок еще была слепая) и нужно было все делить, то они не нашли лучшего средства, как обратить все это в денежные знаки, а опытности в торговых операциях, особенно предметами искусства, ни у кого не было. На помощь сейчас же явились все доброжелательные советчики и знакомые, искренне воображавшие себя необыкновенно компетентными в этих делах, хотя и не купили в жизни ни одной статуи и картины, и в конце концов после нескольких месяцев розничной распродажи разным сановникам весь остаток был продан с аукциона (тоже по дружескому совету), а затем были проданы и оба дома за 50 тысяч (тогда как покупатель через несколько месяцев перепродал их за сто тысяч). Часть вырученных денег пошла на покупку Борковской усадьбы у теток, которым она досталась вместе с 200 десятин земли (а не всего первоначального имения, как я думал в

Шлиссельбурге по краткому извещению в письмах). Деньги же, оставшиеся после этого, были тоже по совету “компетентных” друзей обращены в какие-то страховые акции, обещавшие огромные выгоды, но упавшие на следующий год до такой степени, что их можно было продавать только 200 рублей за 1000 первоначальной стоимости. С тех пор они совсем не поднимались выше этой цифры, и часть их с перепугу была обращена при этих невыгодных обстоятельствах в “государственную ренту”, которая после войны тоже быстро падает.

Таким образом, из первоначального имущества отца едва ли сохранилась теперь в коллективном владении нашей семьи даже и десятая доля. Однако все живут не нуждаясь. Хотя и с умеренным достатком. На мою долю мать сейчас выделила 15 000 р. Государственной ренты, приносящей 500 р. в год; но если я захочу теперь обратить эти облигации в деньги, чтоб печатать свои сочинения (или на что-либо другое), то получу за них вместо 15 000 только 12 000 р., так как произошло сильное падение фондов. Сверх того я с матерью имею долю в Борковском именье, где нам принадлежит флигель и часть земли, но это для меня мертвый капитал, так как я не предполагаю заниматься хозяйством, но во флигель могу поместить тебя, когда ты приедешь, вместе со всеми, кого ты привезешь. Кроме того, у матери осталось еще 16 тысяч государственной ренты, которую она завещала мне, если я ее переживу.

Таким образом, дорогая моя Верочка, твои планы относительно широкой издательской деятельности, какой я мог бы заняться в качестве предполагаемого капиталиста, не осуществляются. Денег едва хватит на издание моих собственных сочинений и на мое первоначальное обзаведение. Но так как я никогда и не претендовал (по уже известным тебе принципиальным причинам) на отцовское наследство, то совершенно не огорчен этим за себя. Конечно, мне жаль этой генеральной распродажи произведений искусства, так как я тоже большой любитель, да и для родных я желал бы большего обеспечения, хотя бы тысяч по пятидесяти, до чего не достигают их капиталы... Но в общем жить можно, а я не из таких, которые предполагают жить без всякого дела, на одну ренту. Раз я свободен, то сумею и пристроиться к какому-нибудь полезному делу, которое доставит мне вместе с тем и достаточные средства к жизни.

Ну, прощай, моя дорогая. Будь здорова, и прости, если я забыл написать тебе о чем-нибудь интересном для тебя. Сейчас еду в Ры-

бинск на именины к жене брата, Мане (нет, это день ее рождения). Она уехала туда из боязни, что хулиганы избыют ее сына, Шуру, поступившего в подготовительный класс Рыбинской гимназии.

Еще целую тебя множество раз и хочу с нетерпением увидеться с тобою.

Твой Николай»⁷.

Согласно документу: «Предъявитель сего Николай Александрович Морозов имеет право проживать в пределах российской империи три месяца, в продолжении которых обязан приписаться к какому-нибудь сословию и исходатайствовать себе постоянный вид на жительство»⁸, Морозов стал мещанином города Мологи, что находился в 30 верстах от родного Борка. Избирательные права ему не вернули, и в Государственную думу от города Мологи в 1910 году он не прошел.

В Петербурге одна за другой выходили из печати книги Морозова, принесшие ему известность в научных кругах. Редакторы либеральных газет и журналов с нетерпением ждали его статей. Петр Францевич Лесгафт пригласил ученого преподавать химию в Вольной высшей школе.

Морозов был счастлив и в личной жизни. В январе 1907 года в церкви соседнего с Борком села Копань Николай Александрович Морозов венчался с Ксенией Алексеевной Бориславской (по матери Де Роберти). Ей было тогда 26 лет, и она только что закончила Петербургскую консерваторию, а до этого — Екатерининский институт благородных девиц. Сорок лет они прожили вместе. Лишь однажды, в 1912 году, они были разлучены: Морозова осудили, несмотря на протест общественности, на один год, якобы за несколько стихотворений революционного содержания, но, на самом деле, чтобы прекратить некоторые его лекции, касавшиеся Апокалипсиса. В заключении он изучил 10-й иностранный язык и написал книгу воспоминаний.

Список обществ, членом которых он был, заседаний и съездов, где он выступал с докладами, городов, где читал лекции, журналов с его статьями и других видов деятельности составляет не один десяток листов.

В 1906 году за монографию «Периодические системы строения вещества» ему, по представлению Д. И. Менделеева, без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора

⁷ РГАЛИ. Ф. 1185 (В. Фигнер). Оп. 1. Ед. хр. 604.

⁸ *Морозов Н. А. Повести моей жизни...* Т. III. С. 67.

химии. В 1907 году Морозов был избран действительным членом Русского астрономического общества. Пулковские астрономы в 1934 году к 80-летию юбилею Морозова назвали его именем малую планету — астероид «Морозовия» и кратер на обратной стороне Луны.

В 1908–1916 годах Морозов выступал с чтением лекций в 54 городах России, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке, в переполненных залах его неизменно встречали овацией. С научной целью он летал на аэроплане и аэростате.

В 90-летнем возрасте он писал полноценные научные труды, в частности, по геофизике и метеорологии. В годы Великой Отечественной войны он безвыездно жил в родном Борке, именно туда в 1944 году приехала правительственная комиссия во главе с О. Ю. Шмидтом, чтобы вручить Морозову орден Ленина в связи с его 90-летием. Супруги Морозовы шефствовали над детским домом для ленинградских детей, вывезенных из блокадного города. Этот детдом был расположен в Нескучном, что в семи километрах от Борка.

С 1918 по 1946 год Морозов был директором Государственного естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта. Сотрудники с благодарностью вспоминали это время, как период чистой науки, когда в стенах их института набирали силы ученые, впоследствии получившие мировую известность.

Многие выдающиеся люди вспоминали о Морозове тепло и искренно.

В музее в Борке хранятся воспоминания А. А. Саукова, лауреата Ленинской премии, члена-корреспондента АН СССР, геохимика, ученика Владимира Ивановича Вернадского. Приведем отрывок из них: «Перед уходом я сказал Владимиру Ивановичу, что на днях еду к себе на родину в деревню Чурилово (Ярославская область)... и попутно зайду к своему земляку — почетному академику Николаю Александровичу Морозову, который живет в Борке, в 4 км от моей деревни и 90-летие со дня рождения которого недавно торжественно отмечали. Вл. Ив-ч знал Морозова с 1905 года, когда тот был выпущен на волю из каземата Шлиссельбургской крепости и там написал ряд замечательных произведений, в том числе свои знаменитые “Периодические системы строения вещества”. Мне интересно было узнать мнение Владимира Ивановича о Морозове. “Это, безусловно, выдающийся человек, — сказал Владимир Иванович. — Быть приговоренным к пожизненному заключению и сохранить веру в

жизнь, и непременно учиться, и бесконечно работать в условиях одиночного заключения — на это способны не многие”. При этом Влад. Ив-ч вспомнил астрономические работы Морозова и его выводы о разложимости атомов и о превращении элементов, сделанные еще в Шлиссельбургской крепости в то время, когда в это почти никто не верил, в том числе и Д. И. Менделеев.

В Борке и окрестных деревнях еще живы люди, видевшие Морозова. Они вспоминают, как он много ходил пешком: — сухонький старичок в белом костюме и с палочкой, здоровался со всеми за руку, спрашивал о жизни и здоровье.

По архивным данным, людей, с которыми он переписывался, около двух тысяч. У Н. А. Морозова самый большой из академиков архив — 7 600 единиц хранения.

Морозов очень любил Борок, который был для него местом уединения и труда. Здесь написаны и 10 томов его «Истории человеческой культуры в естественно-научном освещении», семь томов которой под общим названием «Христос» выходили с 1924 по 1932 год, три последних тома, оставшиеся в рукописи, изданы лишь в 2000–2003 годах (М.: Крафт-Леан). В предисловии к первому тому Морозов писал: «Основная задача этой моей большой работы была: согласовать исторические науки с естествознанием и обнаружить общие законы психического развития человечества на основе эволюции его материальной культуры, в основе которой, в свою очередь, лежит постепенное усовершенствование орудий умственной и физической деятельности людей».

Эпоху Возрождения Морозов называл эпохой «Нарождения науки, литературы, искусств». Он утверждал, что человечество никогда не погружалось в тысячелетний умственный сон Средневековья, а шло неизменно по пути прогресса.

Известно, что официальная наука признает достижения Морозова в химии, астрономии, физике и математике. Его исторические труды критикуются, хотя у него есть последователи в лице М. Постникова, А. Фоменко и Г. Носовского, С. Валянского и Д. Калужного и др. Сам он говорил так: «Мой товар от времени не портится».

В Борок к Морозовым часто приезжали гости: академик Л. А. Орбели, В. Н. Фигнер, художница А. П. Остроумова-Лебедева, сотрудники морозовского института. В доме часто звучала музыка — это Ксения Алексеевна играла на фортепиано, любили слушать Шопена, Чайковского, Римского-Корсакова, Бетховена.

В мемориальном музее Н. А. Морозова, в доме, где родился и жил Николай Александрович, все очень просто, особенно в его кабинете. В других комнатах (столовой и гостиной) эта простота чуть разбавлена предметами дворянского быта, портретами его предков по отцу — деда и бабушки, прадеда (ниточка родства ведет к Петру I: прабабушка из рода Нарышкиных). В музее сохраняется прижизненная обстановка в четырех мемориальных комнатах: гостиной, столовой, спальне и кабинете. В двух экспозиционных комнатах — старые и новые фотографии, старые и новые книги и документы. Мы особенно дорожим гербарием, собранным узниками Шлиссельбурга, звездным глобусом, составленным под редакцией Морозова, книгами с автографами, старыми картами Мологского уезда, афишами Морозовских лекций и многим другим.

Морозову очень хотелось, чтобы на его родине, в Борке, было создано научное учреждение. Для этого он передал основную часть имения Академии наук. В апреле 1941 года началось заготовление земель под будущее Рыбинское водохранилище. В Борке создали Верхне-Волжскую базу АН, а затем Биологический стационар им. Н. А. Морозова для изучения влияния водохранилища на окрестную флору и фауну.

Теперь в Борке — Институт биологии внутренних вод им. И. Д. Папанина РАН. В Борке помнят и чтут и Морозова, стоявшего у истоков создания научного учреждения в Борке, и Папанина, способствовавшего дальнейшему развитию научной деятельности и превращению Борка в крупный научный центр.

Н. А. Морозов умер в Борке, в своем доме, 30 июля 1946 года и похоронен в Борковском парке. В год его столетия (1954) на могиле был установлен памятник работы скульптора профессора Георгия Мотовилова: на гранитном пьедестале бронзовая фигура Морозова, сидящего на пне с книгой в руке и смотрящего в даль.

Ежегодно, уже более 20 лет, в день рождения Николая Александровича 8 июля в музее проводятся Морозовские чтения, начинающиеся традиционно с возложения цветов к памятнику. Приезжают с докладами историки, краеведы, морозоведы из Рыбинска, Ярославля, Москвы и С.-Петербурга, в том числе и сотрудники из научного отдела «Орешек» Музея истории С.-Петербурга.

Мы уходим, поколение за поколением, а история остается. Остается и память. Она сохраняется на Ярославской земле не только в мемориальном музее, но и в маленьком научном городке Борок, это еще один памятник Н. А. Морозову.

Г. П. Игнатьева

Женщины — узницы Шлиссельбургской крепости XVIII–XX веков

За 200-летнюю историю тюрьмы в Шлиссельбургской крепости среди ее узников было восемь женщин. Архивные документы, научные исследования, мемуары в разных объемах сохранили сведения об их содержании в заточении. Об узницах XVIII века материалов почти нет, сохранились лишь скудные свидетельства. Самыми первыми заключенными женщинами были Беликова и Кустова. Они стали узницами поневоле: одна отправилась в крепость вместе с мужем, а другая — с отцом. Время не сохранило даже их имен. Не много достоверных сведений осталось и об узницах, принадлежавших к царской семье. Первая жена Петра I Евдокия Федоровна (урожденная Лопухина) и его сестра Мария Алексеевна были заключены в крепость по так называемому «суздальскому розыску». Наибольший комплекс сохранившихся архивных документов, воспоминаний и научных исследований относится к концу XIX — началу XX века, когда здесь отбывали наказание участницы революционного движения Л. А. Волкенштейн, С. М. Гинзбург, З. В. Конопляникова, В. Н. Фигнер. Они были заключены в крепость за государственные преступления. Однако в крепости можно было оказаться и без причины, о чем свидетельствуют судьбы Беликовой и Кустовой.

Единственное «преступление» Беликовой состояло в том, что она была женой алхимика Филиппа Беликова. В 1745 году он объявил о готовности написать две полезные для государства книги: «Натуральную экономию» и книгу по алхимии, которая, по словам автора, могла бы принести доход государству в десять тысяч рублей. Решение Сената было неожиданным: позволить Беликову писать обе книги, взяв с него подписку, чтобы «ничего противу Богу, ее императорского величества и Российской империи отнюдь не писать, и о том, что будет писать, никому

не объявлять»¹. Будущему автору были обещаны «высочайшая милость» и награда, если написанные им книги действительно принесут пользу государству. Местом для его научной работы Сенат избрал Шлиссельбургскую крепость: «Для лучшего сочинения оных (т. е. двух книг. — Г. И.) его, Беликова, с женою и детьми послать за конвоем в Шлиссельбургскую крепость, в которой отвести ему два покоя и из той крепости никуда не выпускать»². Так стали узниками и сам глава семейства, и его жена, и дети, на содержание которых было определено по 25 копеек на день. Беликову было разрешено посещать церковь и навещать живших в крепости, но только в сопровождении конвоя. Жена и дети могли свободно выходить за стены крепости, но покидать ее права не имели.

Судьба Беликова уникальна: он был заключен в крепость не за то, что он писал, а для того, чтобы он там работал над своими сочинениями. Уже через год подневольный автор прислал в Сенат свою первую книгу «Натуральная экономия», которая не принесла автору ни свободы, ни награды. Он продолжал оставаться узником крепости, терпел невзгоды и лишения. Семья страдала от голода и холода, книгу по алхимии он писал при свете лучины: на свечи не было денег.

Семья его увеличилась: родились еще двое детей, а ему попрежнему выдавали по 25 копеек на день. Он писал жалобы в Сенат: «Смерть лучше такого житья». Но такое житье продолжалось 18 лет. Сочинения Беликова вызывали подозрения в помешательстве автора. На сегодняшний день местонахождение трудов Беликова неизвестно. 30 января 1764 года указом Екатерины II Беликов с семьей был освобожден.

Жена Беликова (неизвестно даже ее имя) была третьей узницей в крепости в XVIII веке после царевны Марии Алексеевны и царицы Евдокии Федоровны.

В первой половине XIX века единственной женщиной — узницей крепости была дочь есаула Котельникова Кустова. Она была заключена в тюрьму вместе с отцом 2 августа 1825 года за отступление от православия. Отца и дочь было приказано содержать так, чтобы они не знали, что находятся в одной тюрьме.

¹ Цит. по: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 3. С. 190.

² Там же.

ме. Сектанты, старообрядцы составляли большую группу заключенных по религиозным делам. Нередко отступление от православия соединялось у них с отрицанием царской власти, что, вероятно, и было решающим аргументом в пользу заключения в Шлиссельбургскую крепость. Через семь месяцев 11 марта 1826 года Котельников был отправлен в ссылку в Архангельск, а его дочь была переведена в один из монастырей Архангельской губернии, пробыв в крепости меньше года.

Царственная узница

Авдотья (Евдокия) Федоровна Лопухина родилась 30 июля 1669 года в Москве и принадлежала к старинному боярскому роду. Царица Наталья Кирилловна, мать Петра I, сама выбрала сыну невесту. Венчание состоялось 27 января 1689 года. До смерти Натальи Кирилловны (25 января 1694 года) супруги жили в любви и согласии. 18 февраля 1690 года у них родился сын Алексей, 3 октября 1691 года — сын Александр, скончавшийся 14 мая 1692 года.

В марте 1697 года попали в опалу отец и дяди молодой царицы, которые были сосланы на вечное житье в Тотьму, Саранск и Вязьму. Тогда же в 1698 году охладевший к жене Петр решил склонить ее к добровольному уходу в монастырь, но после ее отказа прибегнул к силе. 25 сентября 1698 года опальную царицу в простой карете, без свиты, в сопровождении стражников отправили в Суздальский Покровский девичий монастырь, который с XVI века был известен как женская духовная тюрьма. Здесь принимали постриг представительницы знатных царских и боярских родов, здесь они и умирали.

В июне 1699 года иеромонах Илларион совершил обряд пострижения в монахини царицы Евдокии Федоровны под именем инокини Елены. Петр осудил ее на тяжкую долю простой монахини: у нее не было прислуги, ей не было назначено денежного содержания. Она нередко обращалась к своему брату Абраму Федоровичу и к жене его с тайными просьбами: «Хотя я вам и прискучила, да что же делать? Покамест жива, пойте, да кормите, да одевайте нищую»³.

В Суздале Евдокия Федоровна полюбила генерал-майора Степана Богдановича Глебова, который был послан военной

³ Там же.

коллегией для сбора рекрутов в центральных районах России. Их роман продолжался несколько лет. Сохранились ее письма к нему, которые Н. И. Костомаров считал «образцом выражения сердечных чувств старорусской женщины»⁴.

После осуждения и смерти царевича Алексея Петровича в 1718 году по указу Петра был предпринят «суздальский розыск», чтобы обнаружить государственную измену. В Суздаль был направлен капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка Григорий Скорняков-Писарев, который должен был представить царю доказательства участия Евдокии Федоровны в заговоре царевича Алексея. Как сообщает М. И. Семевский, «посланный донес, что инокиня Елена в стенах уединенной обители живет совершенно свободно, ходит в светском платье, что во время литургии имя ее, как царицы, упоминается после имени государя. В ее келье, доносил Писарев, собирались на долгие и таинственные беседы епископ Ростовский Досифей, ее духовник, казначей монастыря и некоторые из монахинь»⁵.

Тогда же открылась ее любовная связь с Глебовым. Начались пытки и допросы. После объявления манифеста 5 марта 1718 года о преступлениях группы лиц, среди которых упоминались Глебов и Евдокия Лопухина, 15 марта 1718 года на Красной площади в Москве были казнены истерзанные пытками Глебов, Досифей, Кикин, Вяземский, казначей Суздальского мужского монастыря Баклановский и около 50 монахов и монахинь.

20 марта сестру Петра I царевну Марию Алексеевну отправили в Шлиссельбургскую крепость, а Евдокию Федоровну — в Ладожский Успенский монастырь. Устрялов, автор труда «История Петра Великого», подробно рассказал о том, как царевну и бывшую царицу везли в места заточения. Путь обеих лежал через Новгород, сопровождавшим офицерам было приказано хранить их «за крепким караулом, никого к ним не подпускать, разговаривать с ними никому не позволять, писем или денег им не давать, а приносителей брать под арест. Лошадей требовать

⁴ Древняя и новая Россия. СПб., 1875. Т. 1. С. 14.

⁵ Семевский М. И. Авдотья Федоровна Лопухина. Русский вестник. 1859. Т. 21. С. 234.

для царицы и царевны по 23, в том числе, в большие сани — 6, под припасы и повару — 8, двум капралам и солдатам — 6, офицеру — 3»⁶.

Ладожский Успенский монастырь, куда привезли царицу «с карлицей и скарбом ее»⁷, был в самом жалком положении: ни ограды, ни забора, через монастырь проходила проезжая дорога. О материальной стороне содержания не заботились, боялись только переписки царицы и монахинь. Для охраны и надзора из шлиссельбургского гарнизона прислали капрала и 12 солдат, которым было приказано «днем и ночью вокруг всего монастыря ходить непрестанно и смотреть крепко»⁸. Меншиков, составивший инструкцию о «крепком» содержании старицы, не ответил на письмо капитана Маслова, писавшего в 1720 году, что ей необходимо построить келью, «потому что в сие зимнее время от стужи и от угара zelo изнуревается и одержима болезнию»⁹.

23 января 1723 года по указу Святейшего Синода «к старице Елене для священнослужения и духовности» был отправлен «иеромонах Клеоник, которому «пребывание велено тамо иметь неотлучно и по званию своему поступать воздержно и трезвенно»¹⁰.

После смерти Петра I 28 января 1725 года указы императрицы Екатерины I были направлены на усиление надзора и охраны «старичи Елены». Уже 4 февраля 1725 года из Шлиссельбурга в Старую Ладугу отправили лейб-гвардии подпрапорщика и 68 солдат «с провиантом и солью впредь на месяц <...> для содержания около того монастыря караулов»¹¹, а на починку церкви и на «пропитания обретающейся тамо персоне»¹² было послано 100 рублей.

Но Староладожский монастырь казался Екатерине I ненадежным местом для содержания опальной царицы, поэтому уже в марте 1725 года Евдокию Федоровну перевезли из Старой Ладуги в Шлиссельбургскую крепость: «известную персону пишей

⁶ Устрялов Н. История царствования Петра Великого... Т. 6. С. 222.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Есипов Г. В. Освобождение царицы Евдокии Федоровны. 1727 г. Русская старина. 1860. Т. 28. С. 184.

⁹ Анисимов Е. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 143.

¹⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. С. 125.

¹¹ Там же. С. 126–127.

¹² Там же. С. 128.

довольствоваться, чего когда пожелает, и для того всяких припасов покупать, и пив и полпив и медов готовить с удовольствием, чтоб ни в чем нимало нужды не имела; а денег держать в год по 365 рублей, а именно по 1 рублю на день, да сверх того на одежду и обувь давать оной персоне в год по 100 рублей»¹³.

Евдокия Лопухина содержалась в деревянном доме («Государев дом»), построенном по проекту архитектора Д. Трезини для Петра I в 1722 году. Здесь ее видел камер-юнкер Ф. В. Берхгольц, посетивший крепость в сентябре 1725 года¹⁴.

Узницу охраняли 12 солдат. Для молитвы была устроена походная церковь, для чтения священных книг привезли пономаря из Ладоги¹⁵.

Осенью 1726 года в доме был произведен ремонт, чтобы подготавливаться к зимним холодам, «отчего известной персоне от великой стужи будет беспокойность»; были заделаны некоторые окна, двери обиты войлоком, в окна, оставленные для света, были поставлены «двойные окончины»¹⁶.

После смерти императрицы Екатерины I (6 мая 1727 года) Евдокия Федоровна написала Меншикову о своем желании переехать в Москву в Новодевичий монастырь, чтобы там ей было «определено нескучное содержание в пище и в прочем, чтоб монастырь ради меня не заперт был, и желающим бы ко мне свойственникам вход был не возбранен»¹⁷. Ее желание было исполнено. Комендант Шлиссельбургской крепости Степан Буженинов докладывал князю Меншикову: «С бывшей царицей святой монахиней Еленой отправился я из Шлютельбурха в путь к Москве сего 10 августа (1727 года. — Г. И.), а до сего числа собирали лошадей и коляски, и те коляски чинили»¹⁸.

4 сентября 1727 года Евдокия Федоровна в «добром здравии» в сопровождении Буженинова приехала в Москву и «изволила себе избрать палаты в монастыре, в которых наперед сего изволила жить государыня царевна Екатерина Алексеевна (сестра

¹³ Там же. С. 133–134.

¹⁴ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца (1724–1725). М., 1902. Ч. 4. С. 120.

¹⁵ РГАДА. Ф. 198. Д. 198. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 20–21. 7 ноября 1726.

¹⁷ Есипов Г. В. Освобождение царицы Евдокии Федоровны... С. 186–187.

¹⁸ Письма русских государей... С. 150.

Петра I. — Г. И.), близ святых ворот, на которых церковь Св. Преображения»¹⁹. Обслуживали царицу 4 «персоны женского пола», 2 хлебника, 2 повара, «на иждивение ей давали полпята тысячи (4500 рублей. — Г. И.)»²⁰.

Евдокия Федоровна хотела увидеть после долгой разлуки своих внуков Петра II и царевну Наталью Алексеевну. «А я с печали истинно умираю, что вас не вижу», — писала она в январе 1728 года²¹. Свидание состоялось, когда Петр II прибыл в Москву для коронации в феврале 1728 года. Петр II выделил из казны 60 000 рублей для годового содержания бабушки. Евдокия Лопухина присутствовала на коронации Анны Иоанновны 28 апреля 1730 года. Леди Рондо (жена английского резидента при русском дворе) в своих воспоминаниях рассказала об этом событии: «Она много говорила со мною, много насаждала любезного <...> держит себя важно, величественно, но всегда вежлива и ласкова. Ее живые глаза проникают в сердце того, с кем она говорит»²².

В Новодевичьем монастыре Евдокия Федоровна провела четыре последних года своей жизни. Она скончалась 27 августа 1731 года и была погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Опальная царевна

Царевна Мария Алексеевна — дочь царя Алексея Михайловича и его первой супруги Марии Ильиничны Милославской, сестра Петра I, родилась 18 января 1660 года в Москве.

В 1718 года она привлекалась к так называемому «суздальскому розыску» о тайных связях Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I, заточенной в Суздальский Покровский монастырь, с сыном — царевичем Алексеем, который обвинялся в государственной измене. В марте 1718 года Мария Алексеевна была заключена в Шлиссельбургскую крепость и размещена в доме А. Д. Меншикова, что следует из письма Петра I к нему: «В Шлутенбурхе хоромы свои которые блиско церкви хорошенько вычинить для житья сестре моей царевне Марье Алексеевна, которая вскоре от сель поедет туда. Петр. 17 марта 1718 года»²³.

¹⁹ РГАДА. Ф. 6. Д. 146. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 5.

²¹ Письма русских государей... С. 122.

²² Письма леди Рондо. СПб., 1874. С. 167.

Одноэтажный деревянный дом состоял из трех жилых помещений, с двух сторон к нему примыкали флигели. Длина дома по фасаду — 27 метров, ширина — около 12 метров, длина флигелей — по 6 метров. Хоромы с крыльцом, возвышавшимся в центре, построены в характерных формах петровского времени: стены выкрашены в желтый цвет и обработаны пилястрами, на аттике — балюстрада²⁴. Здесь поселили царевну Марию Алексеевну, ее прислугу и охрану²⁵.

Из Шлиссельбурга Марию Алексеевну привозили в Петропавловскую крепость для допросов. 22 мая 1718 года в указе шлиссельбургскому коменданту Петр I писал: «Царевну Марью Алексеевну, которая ныне обретается под присмотром вашим, привести сюда»²⁶. Из архивных документов известно, что подполковник Буженинов 25 мая 1718 года в 11 часов по полудни доставил царевну в Петропавловскую крепость²⁷, а 2 июля 1718 года ее отвезли обратно «под караул»²⁸.

Более чем через год, «16 ноября 1719 года в 5 часу пополудни», Мария Алексеевна была привезена из Шлиссельбурга в Петропавловскую крепость и «поставлена в плац-майорских красных хором»²⁹. Указ коменданту подполковнику Головину 24 декабря 1719 года предписывал содержать царевну строго и «смотреть накрепко», чтобы она не могла «ни тайно, ни явно» получать и отправлять письма. Ее прислуге и попу запрещалось выходить из крепости, «нищих никого к тому дому, где она изволит обретаться, отнюдь не допускать, дабы не показалось какого беспокойства»³⁰. Для дальнейшего проживания Марии Алексеевны был куплен в царскую казну и отделан каменный дом кабинет-секретаря Алексея Макарова «на реке Фонтанной».

²³ РГАДА. Ф. 5. Д. 26. Л. 294.

²⁴ Архив ГМИ СПб. Казакова С. А. История застройки двора Шлиссельбургской крепости XVIII века. Историческая справка. Рукопись. Л., 1984. С. 27–30.

²⁵ РГВИА. Ф. 349. Оп. 44. Л. 120.

²⁶ РГАДА. Ф. 6, разряд VII. Д. 148. Л. 29.

²⁷ РГАДА. Там же. Л. 28; *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого... Т. 6. С. 610. Приложение № 201. (Записная книга С.-Петербургской гварнизонной канцелярии).

²⁸ Там же. С. 615.

²⁹ Там же. С. 618.

³⁰ Там же. С. 618–619.

Г. П. Игнатьева

Зинаида Коноплянникова.

Пятьдесят шесть минут в ожидании казни

В период наивысшего подъема первой русской революции 1905–1907 годов освободительное движение, охватившее всю страну, заставило правительство пойти на уступки: 17 октября 1905 года был опубликован царский Манифест «о даровании» народу «свободы и конституции», о созыве законодательной Думы, в которую допускались представители рабочих и крестьян.

21 октября 1905 года появился указ об амнистии, и 28 октября восемь узников Новой тюрьмы Шлиссельбургской крепости П. Л. Антонов, С. А. Иванов, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский, Н. А. Морозов, М. Р. Попов, М. Ф. Фроленко вышли на свободу. Из них трое — Н. А. Морозов, М. Р. Попов, М. Ф. Фроленко — были в заключении по 21 году каждый, т. е. находились в крепости со дня открытия тюрьмы и до ее закрытия, пятеро освобожденных пробыли в заточении каждый по 18 лет.

Под влиянием революционных событий правительство сделало либеральный жест: царским указом от 8 декабря 1905 года Шлиссельбургская государственная тюрьма была упразднена. Однако в ней до 30 января 1906 года оставались в заключении Г. А. Гершуни, П. В. Карпович, М. М. Мельников, Е. С. Сазонов, С. В. Сикорский, пока их не перевели на каторгу в Нерчинск. По решению правительства все желающие получили свободный доступ для осмотра крепости. Нужно было утвердить в обществе надежду на то, что Шлиссельбург перестал быть местом заточения и казней. Стремление широких слоев населения поскорее посетить остров, прославленный в истории революционной борьбы героизмом его узников, было так велико, что не хватало терпения дожидаться начала пароходного движения. Зимой 1906 года путь к острову совершался по льду, на санях.

С наступлением весны туда направились тысячи посетителей на пароходах и лодках. Шлиссельбургская крепость стала местом паломничества: не праздное любопытство влекло сюда лю-

дей, а горячее желание вступить на землю, куда в продолжение многих лет не ступал никто, кроме жандармов и узников. Путешествия на остров принимали характер демонстраций. Писатель А. Вергежский рассказал о своих впечатлениях после посещения Старой тюрьмы в газете «Речь»: «Просто пещера — сырая, темная, безнадежная... Глаза упрямо вглядываются в серый мрак решетчатого окна, точно ждут, что на светлом фоне высокой стены встанет призрак юноши, убитого и зарытого у подножия этой стены»¹. Камеры Новой тюрьмы напоминали писателю об узниках, которых не мог сломить жестокий тюремный режим: «Из камеры в камеру водят нас солдаты, как гробы похожи одна на другую серые клетки. Но для нас каждая из них озарена негаснущим, индивидуальным светом раскованных орлов. Их лица чудятся нам около узких железных столиков, упрямый огонь из гордых глаз зажигает в сердце новый источник силы»².

В августе 1906 года свободный доступ экскурсантов в крепость был прекращен, и она снова стала местом заключения и казней. Царский указ 8 декабря 1905 года, упразднивший Шлиссельбургскую государственную тюрьму, передавал крепость в ведение Главного тюремного управления для устройства в ней большой тюрьмы на 800 заключенных.

29 августа 1906 года в крепости была казнена Зинаида Васильевна Коноплянникова — член боевого летучего отряда Северной области партии социалистов-революционеров. Дочь унтер-офицера лейб-гвардии Гатчинского полка, она родилась в Петербурге 2 ноября 1878 года. Зинаида Васильевна окончила полный курс Санкт-Петербургской земской учительской школы и курс женской рукодельной школы Императрицы Марии Федоровны и стала учительницей.

На железнодорожном вокзале в Петергофе 13 августа 1906 года четырьмя выстрелами из браунинга она убила командира лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Г. А. Мина³, прославившегося жестоким подавлением декабрьского восстания в Москве в 1905 году.

¹ *Вергежский А.* Шлиссельбург. Речь. 1906, 21 марта. С. 2. В статье упоминается С. В. Балмашев, который в камере Старой тюрьмы провел свои последние часы, был казнен 3 апреля 1902 г. в малом дворе цитадели, где и был похоронен.

² Там же. С. 2.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1906. Д. 7934. Л. 3-4 об.

Вооруженное восстание в Москве было кульминационным моментом революции. 9 декабря на улицах города появились баррикады, на которых сражались боевые дружины. Около восьми тысяч почти безоружных рабочих в течение девяти дней оказывали упорное сопротивление войскам, вооруженным пулеметами и артиллерией. Каратели подавили очаги восстания в центре города и в ряде районов. Главные силы восставших сосредоточились на Пресне, ставшей центром героического восстания. Рабочие Прохоровской мануфактуры, мебельной фабрики Шмидта, фабрики красок Мамонтова и других сражались с невиданным героизмом. 16 декабря штаб пресненских боевых дружин обратился с воззванием к дружинникам: «Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта баррикадами и минирована фугасами... Мы одни на весь мир. Весь мир смотрит на нас»⁴.

Для подавления этого очага был направлен лейб-гвардии Семеновский полк с приказом: «Истреблять всех, не арестовывая никого»⁵.

С исключительной жестокостью царские каратели подавляли восстание. Кровавые приказы войскам следовали непрерывно: «...для успешной борьбы с восставшими мятежниками необходимо не подвергая личному задержанию, предавать смерти»; «На выстрелы войска обязаны отвечать выстрелами же и сокрушать малейшее поползновение вооруженного сопротивления» (из приказа Николая II)⁶.

Для расправы с рабочими фабрик и заводов Московско-Казанской железной дороги был направлен отряд под командой полковника Римана, который получил приказ генерала Мина: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией»⁷. В результате карательной экспедиции без суда и следствия было убито более 150 человек.

По поручению редакции газеты «Русь» журналист В. Владимиров произвел расследование на месте преступных действий

⁴ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 688.

⁵ Там же. С. 692.

⁶ Там же. С. 685–686.

⁷ *Сторожев В. Н.* Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 году. Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 139.

карательного отряда. Он опрашивал свидетелей, семьи пострадавших и убитых, а также спасшихся от смерти. В результате на страницах газет «Русь» и «Молва» в январе-марте 1906 года появилась публикация, обличавшая карателей и военачальников⁸.

Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Дубасов выразил генералу Мину и «славному Семеновскому полку глубокую душевную благодарность за доблестные действия, коими так решительно сломлено было сопротивление минувшего мятежного восстания»⁹.

Через восемь месяцев, прошедших со времени московских расстрелов и высочайшей благодарности усмирителю восстания и награждения его царем, 13 августа 1906 года Мин был убит З. В. Коноплянниковой.

Ее арестовали в Петергофе и привезли в Петропавловскую крепость, где заключили в отдельную камеру тюрьмы Трубецкого бастиона¹⁰. Коноплянникову «судил военно-окружной суд по законам военного времени»¹¹. Судебное заседание в арестантском отделении при Трубецком бастионе началось 26 августа 1906 года в 11 часов 10 минут. На вопрос, признает ли подсудимая себя виновной, Коноплянникова заявила, что «не может признать себя виновной, так как с сознанием своей виновности должно быть сопряжено чувство раскаяния, чего у нее совершенно нет и в данном случае быть не может»¹². К двум часам дня был объявлен окончательный приговор: подсудимую приговорили к смертной казни через повешение. Военный прокурор, озобо-ченный отсутствием палача, просил начальника Главного тюремного управления «о немедленном доставлении в Петербург лица, изъявившего согласие на приведение в исполнение смертных приговоров»¹³.

29 августа 1906 года в 3 часа 45 минут Коноплянникова «за усиленным конвоем и при наблюдении одного штаб- и одного обер-офицера корпуса жандармов на особом пароходе отпра-

⁸ *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906. С. 6.

⁹ *Сторожев В. Н.* Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне... С. 115.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП-7. 1906. Д. 7934. Л. 9.

¹¹ Былое. 1917. № 1. С. 270.

¹² ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1906. Оп. 235. Д. 211. Л. 19-20.

¹³ Там же. ДП-7. 1906. Д. 7934. Л. 50.

лена из Санкт-Петербургской крепости в крепость Шлиссельбург»¹⁴. Ее привезли 29 августа в 8 часов 30 минут утра и казнили в 9 часов 26 минут в малом дворе цитадели.

В Шлиссельбургской крепости осужденная провела 56 минут.

«Коноплянникова держала себя до последней минуты с полным самообладанием, последней своей воли не заявляла, от напутствия священника отказалась»¹⁵.

Она была погребена в малом дворе цитадели. Ее история получила неожиданное продолжение. В 2000 году во время работы по расчистке от земли входа на первый ярус Королевской башни было найдено ее погребение. Останки были перенесены в общую могилу у Королевской башни, где в 1919 году по решению Петросовета был установлен памятник работы скульптора И. Я. Гинцбурга. Еще при установке памятника на нем было высечено имя Коноплянниковой.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 72.

Ю. Р. Дьякова

Трагическая судьба Софьи Михайловны Гинзбург

В Шлиссельбургской крепости Орешек трагически оборвались многие судьбы. К истории одной из них мы попытались прикоснуться. Здесь погибла Софья Михайловна Гинзбург, вступившая на путь революционной борьбы с самодержавием.

Ее отец, Михаил Осипович Гинзбург, был строителем. Учился в Петербурге, но образование из-за отсутствия средств не закончил и был рекомендован помещику Корфу в Екатеринославскую губернию, куда и переехал для строительства завода. Получил избу для жилья, женился. В семье родилось четверо детей. Старшему сыну было 9 лет, а Софье 5, когда отец простудился и умер от воспаления легких. Умирая, он просил жену дать детям образование. Прочитав в журнале «Отечественные записки», что в Швейцарии на медицинском факультете учатся женщины, отец мечтал, что его дочери будут врачами.

Старшая дочь выполнила волю отца. Сначала Софью определили в женскую гимназию города Керчь. До окончания учебы она занималась репетиторством. Закончив гимназию с серебряной медалью, она приехала в 1881 году в Петербург, где посещала Бестужевские курсы и одновременно училась на Надеждинских акушерских курсах. По окончании уехала в Берн, в Швейцарию, где поступила на медицинский факультет.

В Берне Софья Михайловна познакомилась с работой революционных кружков. В 1884 году после разгрома «Народной воли» она вступила в революционное движение. Знакомство с П. Л. Лавровым в 1885 году в Париже переросло в крепкую дружбу и оказало на Софью Михайловну большое влияние. Ветеран народнического движения, Лавров помог ей сформироваться как убежденной стороннице идей «Народной воли». Неоднократно нелегально приезжая в Россию, Софья Михайловна принимала активное участие в работе петербургских народовольческих кружков. Террористическая фракция «Народной воли» А. И. Ульянова была связана с эмигрантами — П. Л. Лавровым

и Л. А. Тихомировым через Гинзбург, которая должна была доставить за границу программу Террористической фракции¹.

После гибели Ульянова усилиями народовольцев при непосредственном участии Гинзбург был восстановлен сильный петербургский центр партии, а в 1889–1890 годах М. В. Сабунаев и другие образовали сеть народовольческих кружков в Поволжье (Кострома, Ярославль, Нижний Новгород, Казань).

М. Н. Гернет считает, что попытки возрождения террористической деятельности в духе партии «Народная воля», предпринятые в Париже и Цюрихе политическими эмигрантами, провалились именно потому, что посланная от «Союзного террористического кружка» в Россию для выяснения политических настроений, установки связей и проведения террористических актов Гинзбург была арестована².

Получив за границей паспорт на чужое имя, Гинзбург поехала в Харьков, где у нее были знакомые, сочувствовавшие программе партии «Народная воля». Установив с ними связь, Софья Михайловна переехала в Петербург и здесь занялась организационной работой. Но до подготовки террористических актов дело не дошло. Случайная оплошность прервала работу Гинзбург: в кошельке, забытом ею в магазине и переданном в полицию хозяином лавки, была обнаружена записка с объяснением народу значения царевубийства: «Устранив — мы считаем нравственным долгом объяснить русскому обществу значение совершившегося. Для тех, кто считали чудесным спасением его [Александра III. — Ю. Д.] при крушении поезда 17 октября 1888 года, объяснять значение смерти его не нужно: воля провидения, сохранившая его тогда, теперь избрала нас орудием его наказания за массу причиненного им зла»³.

Гинзбург успела уехать из Петербурга на юг, но там была задержана 31 мая 1889 года в Успенском скиту около города Бахчисарая и доставлена в Петербург, в Петропавловскую крепость. Положение Гинзбург было осложнено тем, что в Цюрихе при производстве опытов с взрывчатыми снарядами был убит народовец Дембо. При обыске в его квартире был найден па-

¹ По свидетельству П. Л. Лаврова (*Итенберг Б. С.* П. Л. Лавров и «Народная воля» // Исторические записки. 1984. Т. 110. С. 217).

² *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1952. Т. III. С. 123.

³ ГАРФ. Ф. 102-5. Оп. 127. Ч. 2. Ед. хр. 8074. Л. 7 об.

спорт на имя Вильгельмины Браун (под таким именем Гинзбург проживала в меблированных комнатах дома № 40 по 5-й линии Васильевского острова)⁴. Еще раньше полиции была известна ее секретная переписка с членами террористического кружка в Цюрихе.

В Петропавловскую крепость вместе с Гинзбург были заключены П. Г. Душевский, А. В. Орочко, М. В. Стояновский, Л. В. Фрейфельд и др. Все они проходили по делу «О мешанке Софье Гинзбург», следствие по которому длилось с 5 марта по 30 октября 1890 года. Всем было предъявлено обвинение в принадлежности к революционному обществу, поставившему своей задачей царевубийство и ниспровержение государственного строя.

Приговором Особого присутствия правительствующего Сената Софья Михайловна Гинзбург была обречена на смертную казнь, замененную бессрочными каторжными работами в Шлиссельбургской крепости, куда и была доставлена для отбывания наказания⁵.

Процесс над Гинзбург был не только последним народовольческим процессом, но и последним крупным судебным рассмотрением по обвинению в политических преступлениях в XIX веке.

Гинзбург была доставлена в Старую тюрьму Шлиссельбургской крепости 1 декабря 1890 года. Она стала последней представительницей партии «Народная воля», заключенной в эту тюрьму.

Узницей Шлиссельбурга Гинзбург была всего один месяц и семь дней. Это самый короткий срок пребывания заключенного в крепости за все время существования в ней политической тюрьмы. За 37 дней узница пережила такие страдания, которых не смогла вынести. О них можно судить и из донесений тюремного начальства, и из писем самой Софьи Михайловны.

Никто из узников, заключенных сюда ранее, за те дни, что она пробыла здесь, ничего не узнал об этой новой обитательнице тюрьмы. Ее поместили в Старой тюрьме, отдельно от других. Об этом написала В. Н. Фигнер: «При Кореневе в декабре 1890 года в Шлиссельбург привезли Софью Гинзбург и по распоряжению департамента полиции, чтоб изолировать ее от нас, поместили в одной из камер старой тюрьмы, а мастерские, помещавшиеся в последней, на время закрыли под предлогом ремонта. Но Гинзбург только 38 дней могла вынести суровые условия такого за-

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Ч. II. Л. 23 об.

точения. Соседство со Щедриным, страдавшим припадками буйного помешательства и находившимся неподалеку от нее, делало ее положение особенно мучительным <...> О ее нахождении в старой тюрьме мы не имели ни малейшего подозрения, а о ее самоубийстве узнали много лет спустя»⁶.

Софья Михайловна очень тяжело переносила свое одиночество и разлуку с матерью. В прошении на имя начальника Шлиссельбургского жандармского управления она писала: «Умоляю Ваше Превосходительство назначить мне другое место для отбывания каторги, где допускается переписка с матерью и где не приходится быть в одиночном заключении»⁷. Она указывала, что полтора года провела в одиночном заключении, никого не видя, ни с кем не разговаривая, так как не имела свиданий, и добавляла: «Заключение в Шлиссельбурге мне невыносимо»⁸. Начальник жандармского управления крепости подполковник Коренев, посылая это прошение в Департамент полиции, писал: «Одиночное заключение производит на нее, видимо, подавляющее и весьма сильное впечатление»⁹.

До заточения в Шлиссельбургскую крепость Софья Михайловна была полна решимости вынести все тяготы каторги и вернуться к активной жизни. Успокаивая мать, она писала: «Не отчаивайся, дорогая, я такая здоровая, так велики во мне запасы жизненной энергии, что вынесу я легко все годы каторги, <...> которая может свестись к 8–10 годам»¹⁰. Ее сломало одиночное заключение, полная изоляция от прочих узников и присутствие в соседних камерах душевнобольных Н. П. Щедрина и В. П. Конашевича, чьи вопли причиняли ей настоящие мучения. Ужас заключения еще более увеличивался от состояния, в котором находилась Старая тюрьма. Крепостной доктор так описывает ее в 1890 году: «Здание старой тюрьмы одноэтажное, с трех сторон почти вплотную окружено стенами 4-саженной высоты. Вследствие такой обстановки воздух как на дворе, так и

⁶ Фигнер В. Запечатлённый труд. Когда часы жизни остановились. М., 1964. Т. II. С. 87.

⁷ ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 19а.

⁸ Там же. Ед. хр. 85. Л. 199.

⁹ Там же. Ед. хр. 83. Л. 201 об.

¹⁰ ГМИ СПб. Архив Шлиссельбургской крепости. Письма С. М. Гинзбург.

в самом здании тюрьмы застаивается и слабо вентилируется, и прямым следствием является неизбежная сырость. Лучи солнца освещают только по утрам коридор и две боковые камеры, остальные же всегда лишены солнечного освещения, что составляет громадный недостаток в гигиеническом отношении»¹¹. М. В. Новорусский дополнил этот рассказ: «При полном отсутствии мебели, особенно если кровать заперта на крюк, камера превращалась в настоящий катафалк, а белый потолок должен был соответствовать серебристой парче, служившей украшению его сверху»¹².

«В моей тяжкой доле, — писала Софья Михайловна, — я не имею никаких желаний, кроме одного: утешить мать и не лишить ее надежды, что <...> я когда-нибудь еще выйду на волю, чтобы пожить с нею»¹³. И далее: «Я с радостью подчинюсь какому угодно материальным лишениям, буду исполнять какие угодно тяжелые работы, только переместите меня в условия, не угрожающие моему психическому состоянию и допускающие сообщения с родными»¹⁴. Эта молодая, деятельная, энергичная женщина боялась сойти с ума и превратиться в подобие человека, как Конашевич и Щедрин.

В инструкции, регламентирующей режим в Шлиссельбургской крепости и утвержденной командиром отдельного корпуса жандармов генералом П. В. Оржевским 11 августа 1884 года, нет никаких указаний на обязанности заключенных производить какие-либо работы, несмотря на то, что все они были приговорены к каторге. Во втором параграфе инструкции прямо указывается на то, что работа наряду с чтением книг из тюремной библиотеки предоставляется лишь в виде награды за хорошее поведение. Свидания с родными и близкими допускались лишь в одном случае: при тяжелой болезни заключенного и только с разрешения товарища министра Министерства внутренних дел. Следует отметить, что за все время существования в крепости политической тюрьмы свидания узникам не предоставлялись ни разу. Софья Михайловна не явилась исключением и не получила никакого утешения и поддержки ни от своих родных, ни от товарищей-заключенных, находившихся в другом тюремном

¹¹ ГАРФ. Ф. 102-5. Оп. 127. Ч. 2. Ед. хр. 5213. Л. 3.

¹² Новорусский М. В. В Шлиссельбургской крепости. Былое, 1906. Кн. 6. С. 22.

¹³ ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 200 об.

¹⁴ Там же.

корпусе. Не получила она ответа и на свое прошение, которое назвала «молитвой»: « <...> это молитва человека, покончившего все расчеты с жизнью и готового во всякую минуту с чистой совестью предстать перед всезнающим и всепрошающим Судьей»¹⁵.

Не найдя ни в ком ни поддержки, ни сочувствия, Софья Михайловна Гинзбург покончила с собой 7 января 1891 года в камере № 4 Старой тюрьмы. Можно только догадываться, какой ужас, какое отчаяние и безнадежность испытала эта молодая женщина, если решилась на такой поступок. Вероятно, он представлялся ей единственным способом избавления от действительности, которая казалась всего страшнее.

В сухих строчках рапорта начальник Шлиссельбургского жандармского управления подполковник Коренев констатировал, что «заключенная № 33 (Софья Михайловна Гинзбург) зарезалась выданными ей для швейной работы ножницами»¹⁶. Софья Михайловна имела медицинское образование¹⁷. Она перерезала себе сонную артерию и яремную вену, о чем сообщается в судебно-медицинском акте, подписанном старшим врачом Шлиссельбургского жандармского управления Нарышкиным. В заключении сказано, что «смерть должна была последовать в несколько минут, <...> и при таком ранении сохранение жизни было невозможно»¹⁸.

Софья Михайловна похоронена за стеною крепости, у Королевской башни, где в 1919 году по инициативе бывшего узника Шлиссельбурга народовольца Новорусского был установлен памятник.

Г. В. Плеханов опубликовал в 1892 году послесловие к судебному делу Гинзбург и обвинил в трагедии, оборвавшей ее загородную жизнь, государственный аппарат. Лавров призвал «восстановить духовный образ <...> дорогой приятельницы <...> и сохранить теплую память о деятельности погибшей девушки, которой пришлось работать в самую трудную эпоху»¹⁹.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 85. Л. 12 а.

¹⁷ Там же. Ф. 102-5. Оп. 127. Ч. 2. Ед. хр. 8074. Л. 2. В описи личных документов в деле Департамента полиции о Софье Гинзбург числятся: под № 2 Свидетельство профессора Грубера от 20 мая 1883 года и под № 3 — свидетельство № 373/2693 на звание повивальной бабки, выданное 1 июля 1884 года.

¹⁸ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 12 г, об.

¹⁹ Лавров П. Л. Воспоминание о Софье Михайловне Гинзбург. Голос минувшего. 1917. № 7–8. С. 225–226.

Родные Софьи Михайловны получили известие о ее смерти лишь год спустя. Страшные слова одного сановника, которые приводит Фигнер в ответ на просьбу ее матери разрешить ей свидание с дочерью «Вы узнаете о вашей дочери, когда она будет в гробу»²⁰, оказались верны по отношению к Софье Михайловне. Княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова, известная благотворительностью среди заключенных и посещавшая их, по просьбе матери Софьи Михайловны узнала о судьбе ее дочери в феврале 1892 года: «Дочь ваша не в руках людей, а в руках милосердного Отца Небесного»²¹.

За время пребывания в Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости Софья Михайловна написала родным 123 письма, часть из них погибла, часть хранится в отделе рукописей РНБ. О нахождении Софьи Михайловны в Шлиссельбурге известно мало. Вероятно, ее прошение и рапорты коменданта крепости не дают полной картины этих страшных для нее дней. Тюремный режим «острова мертвых», как называли Шлиссельбургскую крепость, унесший не одну жизнь, не пощадил и эту.

²⁰ Фигнер В. Н. Запечатлённый труд. Ч. II. С. 100.

²¹ ГМИ СПб. Фонд Шлиссельбургской крепости. Оригинал хранится в отделе рукописей РНБ (д. 69 РЛ – 166/51).

Т. Р. Виноградова

Людмила Волкенштейн в Шлиссельбургской крепости

Заслуга Людмилы Александровны Волкенштейн состоит в том, что она первой рассказала миру о тюрьме в Шлиссельбурге, написав книгу «13 лет в Шлиссельбургской крепости». Но в названии книги допущена неточность: в этой крепости Волкенштейн провела не 13, а 12 лет. Еще почти три года она находилась в Петропавловской крепости и Одесской пересыльной тюрьме. Всего срок ее заключения длился около 15 лет.

Людмила Александровна родилась в Киеве 18 сентября 1857 года в дворянской семье. Ее отец Александр Петрович Александров был сыном мелкопоместного дворянина. Он занимал должность главного лесничего в казенном киевском лесничестве, отличался суровым нравом, к детям относился крайне требовательно. Мать Евдокия Карповна, из рода Крыжановских, была, наоборот, очень ласкова и нежна с детьми. На ней держалось благополучие дома, она была достаточно богата: ей принадлежало несколько домов в Киеве. Трех сыновей Сергея, Виктора и Евгения и трех дочерей Людмилу, Любовь и Надежду она воспитывала в строгих нравах, в почтении к монарху, в твердых нравственно-религиозных устоях. Все дети оправдали ее надежды, исключение составила лишь старшая дочь Людмила. Еще гимназисткой она выделялась среди своих подруг тягой к революционно настроенному студенчеству и чтению философских и экономических книг. Все это пугало ее родителей, поэтому брак с человеком, привлекавшимся полицией к дознанию за антиправительственную деятельность, казался им крайне опасным и нежелательным. Тем не менее в октябре 1876 года в Киеве состоялось скромное бракосочетание Людмилы Александровны Александровой и Александра Александровича Волкенштейна. Сразу после свадьбы молодые отправились не в свадебное путешествие, а в Остерский уезд Черниговской губернии, где 25-летний доктор Волкенштейн получил место врача. Их любовь сохранится на всю долгую и трудную жизнь, устоит перед испыта-

ниями, разлуками и страданиями, начавшимися сразу после свадьбы.

Летом 1877 года Александр был арестован по обвинению в причастности к революционной пропаганде, проходил по «Процессу 193-х». Людмила не могла оставить маленького сына и быть рядом с мужем, но, чтобы быть нужной, помогать мужу, она решила заняться медициной и стала слушательницей частных медицинских женских курсов, которые были созданы на квартире известного историка и этнографа М. П. Драгоманова. На этих курсах читали лекции украинский историк и археолог В. Б. Антонович, ученый-экономист Н. И. Зибер. К этому времени относятся первые сведения о жандармском надзоре за Людмилой Волкенштейн. Именно в этот период совершенно самостоятельно она пришла к решению участвовать в революционной деятельности. Занимаясь медициной, Людмила сблизилась с друзьями мужа, бывшими студентами университета, и по их совету после окончания курсов и получения диплома поступила на Высшие женские медицинские курсы, но закончить их не успела. Выстрел В. И. Засулич в генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова в Петербурге в 1878 году произвел на Людмилу огромное впечатление, что окончательно укрепило ее в решении посвятить себя революционной деятельности. Свое участие она видела в подготовке террористических актов и на деле доказала свою решимость участием в убийстве харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина¹.

Из четверых участников убийства Кропоткина на свободе осталась лишь Людмила², но ее имя было известно полиции³. Вынужденная покинуть Россию, двадцатидвухлетняя женщина оказалась за границей без мужа, без детей. Франция, Италия, Швейцария — нигде она не находила успокоения, ничто не радовало ее. Людмила чувствовала себя дезертиром, предателем,

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 85. Ед. хр. 10898. Л. 33 об. Дознание на тему об убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина 9 февраля 1879 г.

² Валерий Осинский был казнен. По его инициативе началась подготовка к покушению. Григорий Гольденберг, предавший своих товарищей и раскаившийся в этом, повесился в камере. Афанасий Зубковский и Людвиг Кобылянский были арестованы.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 85. Ед. хр. 10897. Л. 57–58. Список лиц, привлеченных к дознанию.

поскольку лишь она одна все еще оставалась на свободе. Стремясь быть ближе к России, она переехала в Румынию и там узнала о событиях 1 марта 1881 года. Узнала и о казни на Семёновском плацу С. Л. Перовской, А. И. Желябова, Т. М. Михайлова, Н. И. Кибальчича и Н. И. Рысакова. Перовская была первой женщиной в России, казненной за политические убеждения. Людмила твердо решила вернуться в Россию, чтобы заменить погибших. Для нелегального возвращения ей надлежало легализоваться в Болгарии. С помощью друзей она получила паспорт на имя болгарской подданной Анны Андреевой, устроилась на работу смотрительницей-переводчицей в больницу при Софийской тюрьме, упорно и настойчиво изучала болгарский язык и в августе 1883 года, переехав через границу, направилась в Петербург.

Людмила не подозревала, что еще в Румынии находилась под тайным надзором полиции, и по приезде в Петербург была арестована 26 октября 1883 года. Именно с этого времени ведется отсчет ее заключения сначала в Петропавловской крепости, а после суда — в Шлиссельбургской.

Людмила не была ни членом Исполнительного комитета, ни членом «Народной воли», но, давая показания, она четко сформулировала причину своего возвращения в Россию: она хотела принять участие в борьбе, направленной против правительства, и признала, что полностью разделяет взгляды партии «Народная воля». Ее дело было приобщено к делу Исполнительного комитета военной организации «Народная воля». «Процесс 14-ти», длившийся с 24 по 28 сентября 1884 года, был одним из самых трагичных в истории России. Восемь из четырнадцати приговорили к смертной казни. В их числе были две женщины — Вера Николаевна Фигнер и Людмила Александровна Волкенштейн⁴.

Фигнер в своих воспоминаниях писала о Волкенштейн: «Участие ее в убийстве князя Кропоткина было единственным обвинением против нее и основывалось только на показаниях Григория Гольденберга. Кроме того, на суде были прочитаны показания горничной, признавшей в предъявленной ей фотографии ту даму, которая нанимала в Харькове квартиру для заговорщи-

⁴ Там же. Л. 134 об. Приговор военно-окружного суда 28 сентября 1884 г.

ков. Но ни этой свидетельницы, ни, естественно, Гольденберга на суде не было»⁵.

Людмила отказалась от защиты, признала свою причастность к «Народной воле», участие в казни Кропоткина от имени «Народной воли» и заявила, что вернулась из-за границы, чтобы активно участвовать в работе партии.

Фигнер вспоминала этот процесс: «Людмила Александровна говорила мне, что, пробегая свое прошлое, с большой горечью должна заметить, что всю свою жизнь стремилась она к настоящей деятельности, но ей так и не пришлось найти себе удовлетворение, и что лишь суд был для нее праздником, где могла она открыто исповедовать свои убеждения»⁶. В другом сочинении Фигнер дополнила свои воспоминания: «Все были сдержанны и молчали, думая свою тяжкую думу. Только Волкенштейн была беззаботна и подвергалась неприятным окрикам председателя суда: “Подсудимая Волкенштейн! Не переговаривайтесь с соседями... Подсудимая Волкенштейн! Вам говорят — перестаньте шептаться... Отодвиньтесь на конец скамейки!” и т. д.»⁷.

Приговор, оглашенный 1 октября, Людмила встретила спокойно и внешне даже равнодушно. «Было такое впечатление, как будто Л. А. довольна вынесенным ей приговором»⁸. Шесть страшных дней находилась Людмила в одиночной камере Петропавловской крепости в ожидании казни, пока ей не был объявлен приговор о помиловании и замене смертной казни 15 годами каторжных работ.

Ее мужество пошатнулось лишь тогда, когда она поняла, что везут ее в Шлиссельбург. Шлиссельбург — это долгая и мучительная смерть в полном одиночестве, в неизвестности. Она не могла сдержать охвативший ее ужас и не то от боли, не то от кошмара, на нее надвигавшегося, закричала громко, отчаянно. «Это был даже не крик, а дикий вой, которого потом долго стыдилась»⁹. Ее ввели во двор крепости, быстро провели в мрачное

⁵ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. Полное собрание сочинений. М., 1932. Т. IV, Ч. I. С. 25–26.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. II. С. 378.

⁸ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. С. 28.

⁹ Волкенштейн Л. А. 13 лет в Шлиссельбургской крепости. Изд. «Новый мир». Б/г. С. 29.

помещение и оставили одну. Наступила давящая тишина, как только смолкли шаги жандармов. Чтобы сдерживать крик, она кусала руки, зажимала рот, чтобы не слышны были ее рыдания. Так 12 октября 1884 года Людмила Волкенштейн стала на долгие годы заключенной Шлиссельбургской крепости. Без имени, без фамилии, без права что-либо знать о близких, о воле, без права разговаривать, работать, читать.

Первые дни и месяцы были самыми ужасными, как потом вспоминала Волкенштейн. Мрак, тишина, полнейшая отрешенность от жизни. «Тюрьма была мертва, как могила, мертва день и ночь»¹⁰. Новая одежда, которую она должна была носить все годы заключения, — серая куртка из грубого сукна с черными рукавами и тузом на спине, шапка с черным крестом, которую позже заменили серым суконным платком. Смерть мерещилась ежеминутно, смерть в одиночестве, без всякого человеческого не только дружеского слова, но вообще лица. Запрещалось общение друг с другом, не позволялось обращаться с вопросами к охране. Исключены были книги, любого вида работа. Дни полного отчаяния сменялись один за другим. Если бы в результате упорной и длительной борьбы заключенные не добились смягчения условий пребывания, то, наверное, все отбывавшие там срок погибли бы. Бороться и преодолевать, победить себя — значило победить болезнь и смерть.

О жизни и участии Волкенштейн в этой борьбе за честь и достоинство, за свои права известно из воспоминаний других узников крепости — М. В. Новорусского, М. Ю. Ашенбреннера, В. С. Панкратова¹¹.

В книге «13 лет в Шлиссельбургской крепости», над которой Людмила Александровна начала работать вскоре после освобождения из заточения, она очень мало написала о себе. Основной целью книги было привлечь внимание общественности к нечеловеческим условиям, в которых содержались заключенные в одной из самых мрачных тюрем.

Правдиво и смело описала Людмила Александровна режим Шлиссельбургской крепости. Ее воспоминания были одними

¹⁰ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. II. С. 14.

¹¹ Новорусский М. М. Женщины в Шлиссельбургской крепости. Голос минувшего. 1922. № 2; Ашенбреннер М. Ю. Людмила Александровна Волкенштейн. Голос минувшего. 1914. Кн. I; Панкратов В. С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922.

из первых, которые познакомили широкие круги читателей с условиями заключения на безысходном острове, и в этом большая заслуга Волкенштейн перед историей, ибо Шлиссельбург — это часть истории царской тюрьмы, часть истории России, написанная неравнодушной рукой очевидца страшных, важных и неоднозначных для страны событий.

Шлиссельбуржец М. Р. Попов вспоминал, какое горячее участие принимала Волкенштейн в борьбе за смягчение тюремного режима. «Ее не пугали дисциплинарные наказания, оскорбления охраны, помещение в карцер. Ничто не могло сломить энергию этой женщины»¹². Подробно, с большой теплотой писала о Людмиле Фигнер. До встречи на суде обе эти женщины не знали друг друга, лишь в тюрьме возникла их дружба, длившаяся все годы их совместного пребывания в крепости. «Искренность и простота Людмилы Александровны, ее готовность понести какую угодно кару за свои убеждения и необыкновенная сердечность в обращении скоро вполне меня обворожили. Мы подружились дружбой самой нежной и идеальной, какая только возможна в таких условиях, каких мы находились. У нас не было никого и ничего, кроме друг друга. Мы были оторваны от жизни и деятельности, от человечества, и Родины. Лишены друзей, товарищей, родных... Природа, звуки, краски — все исчезло. Вместо этого был сумрачный склеп с рядом таинственных замурованных ячеек, в которых томились невидимые люди, злоедающая тишина, атмосфера насилия, безумия, смерти. Не знаю, что давала я Людмиле Александровне, но она была моим утешением, радостью и счастьем. Я была слаба физически и измучена душевно... И вот я получила друга, на которого тюремные впечатления не действовали так сильно, как на меня. Этот друг был воплощением доброты и гуманности. Все сокровища своего сердца, своей любящей души она отдавала мне. В каком бы мрачном настроении я ни находилась, она всегда умела чем-нибудь меня развлечь, утешить»¹³. Эти разрешенные свидания на полчаса через день стали для обеих огромным счастьем. Тем не менее обе женщины отказались от свиданий на целые полтора

¹² Попов М. Р. Волкенштейн Л. А. Голос минувшего. 1918. № 4—6. С. 75.

¹³ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Когда часы жизни остановились. Т. II. С. 26.

года в знак протеста против лишения других заключенных права на такие же совместные прогулки. Это было тяжелое и мучительное испытание — добровольно отказаться от свиданий и снова быть одинокой. Но, несмотря на свое исключительно трудное положение, женщины служили примером мужества и выдержки.

Когда после 10 лет заключения однообразие жизни казалось уже нестерпимым, у многих опускались руки, произошло несколько случаев самоубийств, терзала мысль о безысходности своего положения, Людмила Александровна старалась как-то устоять. Зная, что ее ждет еще и ссылка, она решила восстановить свои познания в медицине. Ей было разрешено ухаживать за больными заключенными, и она самым ревностным образом относилась к этой обязанности. Многие просили, чтобы их навещала именно Людмила. По мнению Фигнер, человека более гуманного по отношению к людям трудно встретить. Бесконечная снисходительность во всех личных отношениях была характерным свойством Людмилы Александровны. «Все мы нуждаемся в снисхождении»¹⁴, — говорила она. Многие отмечали, что Людмила распространяла вокруг себя свет и доброту. «Бесконечно добрая, — она скоро забывала не только разногласия, но даже и жестокое слово, которое могло сорваться у товарища в ее адрес. Она ни на минуту не забывала тех условий, среди которых мы жили, и эти условия в ее глазах вполне объясняли всякую раздражительность»¹⁵. Сама же она всегда была ровна и отличалась веселостью, для своих товарищей старалась сделать все, что могло принести им хотя бы минутную радость или утешение.

Однако несмотря на то, что дни проходили в работе, ученье и были заполнены, пребывание в крепости становилось все более тягостным. Известие о замене оставшихся двух лет заключения ссылкой Людмила приняла с тяжелым сердцем. «После двенадцати лет общей жизни, полной всевозможных невзгод... она знала, что для некоторых нужна, как свет, как воздух»¹⁶. 23 ноября 1896 года она и четверо ее товарищей — Мартынов и Шебалин, двухлетний срок которых тогда закончился, и амнистированные Янович и Суровцев — покинули Шлиссельбург. Так закончился трудный период жизни: Людмила Александровна выстояла, дер-

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Фигнер В. Н. Шлиссельбургские узники. Т. IV. С. 29.

¹⁶ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Там же. С. 111.

жалась мужественно, оставив в сердцах своих товарищей по заключению признательность и благодарность.

Впереди была Петропавловская крепость, пересыльная тюрьма в Одессе, встреча с сыном, которого не видела 18 лет, и, наконец, долгий и трудный путь к месту ссылки — на Сахалин.

После «Процесса 14-ти» муж Людмилы Александровны, Александр Александрович Волкенштейн, покинул Петербург и уехал в Полтаву, где купил небольшой дом, в правой половине которого поселился с сыном Сережей, а в левой открыл частный кабинет практикующего врача. Александр Александрович лечил всех, кто к нему обращался. Слух о том, что доктор Волкенштейн принимает бедных и даже платы с них не берет, быстро распространился в ближайших от Полтавы селах. К нему ехали и шли в любую погоду, и днем и ночью. Ему верили, его благодарили за доброту и помощь. О докторе Волкенштейне знали во всей губернии, к нему приезжали даже из дальних сел Черниговского уезда. Он никогда не отказывался поехать к больному, привозил с собою лекарства, продукты, давал денег тем, кто беден и голоден. Он знал в совершенстве французский, английский, немецкий, греческий и латынь, был широко образован, начитан, сблизился с Л. Н. Толстым и стал его приверженцем и поклонником. В 1892—1893 годах Александр Александрович добровольно взял на себя руководство медицинским отрядом по борьбе с холерой. Церковь разрешила ему бракосочетание с Ольгой Степановной Засядько, вдовой полтавского врача, считая его брак с Людмилой Александровной недействительным. Ольга Степановна, женщина добрейшей души, стала настоящей второй матерью для Сережи и воспитала его в глубокой любви и уважении к Людмиле Александровне, которую он боготворил с детских лет, глубоко почитал и гордился ею.

К сожалению, личная жизнь Александра Александровича в браке с Ольгой Степановной не сложилась. Трудно судить о причинах этого. Вероятно, Ольге Степановне было тяжело видеть, что образ Людмилы Александровны навсегда остался в памяти Александра Александровича и его мыслях.

Людмила и Александр были разительно непохожи друг на друга, как по характеру, так и по убеждениям: террористка-народница и либерал-толстовец. Объединило их обостренное чувство справедливости. Оба поставили целью жизни — любой ценой содействовать установлению на земле свободы, равенства и братства.

Александр добровольно последовал за своей первой женой в сахалинскую ссылку, хотя почти ни в ком из окружающих не нашел сочувствия и одобрения своему решению. Друзья всячески отговаривали его. Лишь Толстой, рассудив, что ныне Людмила больше всех нуждается в помощи, не только благословил его на этот поступок, но и снабдил письмами к своим друзьям в Англии и Америке, что помогло Волкенштейну в его долгом путешествии через Европу, Америку, Японию, завершившемся 24 марта 1899 года на Сахалине.

На острове доктор заведовал лазаретом в тюрьме, старался облегчить участь заключенных. Людмила работала фельдшерницей женского отделения в Корсаковской больнице, заведовала аптекой. Внимание и сочувствие, которые излучала Людмила, создали новую, ранее непривычную для каторжанок, доброжелательную обстановку в отделении. Здесь все ее вскоре полюбили, говорили о ней как о святой. Звали не по имени-отчеству, а Людмилой, ангелом...

Летом 1901 года в гости к родителям приехал сын Сережа с женой и двухгодовалым внуком. Со своей женой, Верой Михайловной Дубяга, слушательницей Бестужевских курсов, он познакомился на студенческих сходках. Людмила Александровна безмерно радовалась внуку, которому было столько же лет, сколько ее сыну, когда она с ним рассталась. После отъезда детей в марте 1902 года, чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, Людмила занялась еще и литературной деятельностью. Она начала регулярно печататься в газете «Амурский край». Несмотря на все трудности, что им пришлось пережить, Волкенштейны были очень счастливы. Они любили друг друга как в молодости. Их чувства крепило многое: общий труд и неприятие существующих порядков. Оба были людьми исключительной совестливости и доброты. Они любили гулять где-либо на опушке леса или по берегам реки. После стольких лет неволи Людмилу тянуло к природе, влекли необъятные дали. Александр Александрович видел, как тяжело Людмиле жить в ссылке, и выхлопотал разрешение переехать на материк, во Владивосток.

Незадолго до 1906 года во Владивостоке были произведены многочисленные аресты прогрессивно настроенной интеллигенции, студенчества и членов «Союза союзов» — организации, объединявшей союзы профессиональных коллективов. Александр Александрович был активным членом Союза. Людмила Александровна несколько раз выступала на заседаниях «Союза со-

юзов» с пламенными речами, в которых обвиняла власть, не занимавшуюся нуждами и делами своего народа.

10 января 1906 года во Владивостоке состоялась демонстрация в знак протеста против арестов и насилия. Людмила Волкенштейн шла в первых рядах вместе с мужем. По демонстрантам ударили из пулеметов. Людмила упала на мостовую. Она была мертва.

В тот день было убито сорок человек и ранено более двухсот.

Людмила Александровна Волкенштейн прожила 49 лет. Из них почти 15 лет провела в заключении, 6 лет в ссылке, три года в эмиграции. 30 января пришло из Петербурга разрешение на возвращение в Россию, домой, в Петербург. Она не дожидаясь свободы всего 20 дней.

Зимой 1914 года на руках Александра Александровича умер от плеврита Сергей¹⁷, единственный сын его и Людмилы. Но род Волкенштейнов не прервался. Внук Людмилы и Александра — Сергей Сергеевич — окончил артиллерийскую академию. В годы обороны Ленинграда в 1941—1944 годах орудия его дивизии стояли в нескольких десятках километров от Невы и Шлиссельбурга. В стереотрубу был виден маленький остров Орешек. В бинокль можно было различить разрушенные войной и временем стены крепости, в которой так долго страдала его бабушка.

Сергей Сергеевич Волкенштейн прошел большой и славный путь советского офицера от Курской дуги, участвовал в форсировании Днепра, находился на Львовско-Сандомирском направлении. Затем были Карпаты, Висло-Одерская операция, битва за Берлин, освобождение Праги. Герой Советского Союза, он закончил войну в звании генерал-майора, в мае 1945 года участвовал в Параде Победы на Красной площади¹⁸.

Его дед Александр Александрович Волкенштейн скончался в 1925 году. Перед кончиной его внучка Людмила услышала одно слово: «Помни».

¹⁷ Сергей Александрович Волкенштейн стал отцом двоих детей — Сергея и Людмилы, названной так в честь его матери. Дети рано остались сиротами. Сначала умерла их мать, Вера Михайловна, а потом скончался и отец, будучи еще молодым человеком. Вырастила и воспитала внуков все та же Ольга Степановна.

¹⁸ О жизни и героическом пути Сергея Сергеевича Волкенштейна см.: *Миронов Г.* Командир дивизии прорыва. М., 1970.

А. И. Барабанова

В. Н. Фигнер¹

В феврале 1883 года в тюрьму Трубецкого бастиона была доставлена новая узница — невысокая изящная женщина с одухотворенным лицом. У нее не было иллюзий в отношении будущего, она знала: характер ее революционной деятельности не позволяет ей надеяться, что когда-либо она выйдет из тюрьмы. В тишине одиночной камеры, прослеживая шаг за шагом пройденный путь, она пришла к выводу, что жизнь ее была счастливой. Какова же была ее судьба, если, видя себя у последнего порога в 32 года, она оценивала свою жизнь как счастливую?

Вера Николаевна Фигнер прожила 90 лет, она родилась при крепостном праве, а умерла во время Великой Отечественной войны (1941–1945). Это была не просто долгая, но большая жизнь, освещенная великой идеей освобождения угнетенных, полная самоотверженной деятельности и многих лет страданий.

Вера Фигнер родилась 7 июля 1852 года и была старшим ребенком в семье. Ее отец Николай Александрович служил лесничим в Казанской губернии. Это был человек образованный, но вспыльчивый и деспотичный. Один взгляд отца, холодный, пронизывающий, приводил домочадцев в ужас. Дети воспитывались по заведенному им спартанскому порядку с применением суровых наказаний. Позже, в «эпоху реформ» 1860-х годов, отец изменился, стал сдержаннее. Сделавшись мировым посредником, он честно исполнял свои обязанности, заботясь об интересах крестьян. Он умер, когда Вере было 18 лет.

¹ Очерк «В. Н. Фигнер» был подготовлен старейшим научным сотрудником ГМИ СПб Альдиной Ивановной Барабановой (1925–2001) в 1990-х гг. Тогда предполагалось издать отдельные научно-популярные брошюры о жизни и революционной деятельности узников Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Издание не было осуществлено. Предлагаемая работа отвечает жанру популярной литературы, представляет несомненный интерес. Печатается с незначительными сокращениями.

Мать Веры, дочь казанского помещика, была выдана замуж совсем юной. Со временем, благодаря чтению и жизненному опыту, она стала человеком вполне интеллигентным и смогла влиять на духовное развитие детей. Деликатная по натуре, она никогда не посягала на свободу их убеждений и действий. Родители были людьми энергичными, волевыми, упорными в достижении цели и передали эти качества детям. Их было шестеро. Сестры — Вера, Лидия и Евгения стали революционерками, Ольга — общественной деятельницей. Брат Николай прославился как оперный певец, а Петр стал крупным горным инженером.

Вера росла шаловливой красивой девочкой. У нее были прекрасные способности, и она любила учиться. Ей было 11 лет, когда ее отвезли в Казань, в Родионовский институт благородных девиц. Четкая регламентация жизни в институте приучила ее к дисциплине и умственному труду, а совместная жизнь с другими девочками выработала чувство товарищества и потребность в нем. Но положительных знаний институт дал очень мало.

Главное место в ее умственном развитии занимало чтение. Шесть недель летних каникул в основном отдавалось книгам. Зимой в институте Вера читала тайно по ночам, стоя на коленях перед лампадой, зажженной около иконы. Если ее заставляли в этом положении, приходилось, спрятав книгу, класть земные поклоны, будто именно для этого стояла она перед иконой. Особое влияние на формирование ее личности имела поэма Н. А. Некрасова «Саша». Она впервые заставила ее серьезно думать, учила, как должны быть неразрывны у человека слово и дело. Эти мысли были созвучны ее собственной цельной натуре. «Я считала немислимым не выполнять того, что признавала истинным, — писала Фигнер позже, имея в виду годы юности, — истинное, желаемое и должное были для меня триедины и нераздельны, и всякая истина, раз признанная таковой, приобретала тем самым принудительный характер для моей воли. Это была логика характера».

Уже в юности проявился волевой характер Веры. Всеми любимая, умная и энергичная классная дама в институте в течение трех лет воевала с Верой, а затем заявила ей: «Я устала бороться с Вами за влияние на класс. Будем жить в мире». Вера же своего влияния не замечала, она не была тщеславной. В другой раз отец сказал по поводу нового и трудного дела: «Я знаю, если ты возьмешься, ты исполнишь». Такое мнение укрепляло уверенность в своих силах.

В 1869 году, окончив институт первой ученицей, Вера вернулась в село Никифорово Тетюжского уезда, где в имении, доставшемся ей от матери по наследству, жила семья. Свобода после почти монастырской жизни в институте, внимание и забота родителей и наезжавших родственников, новые книги — на первых порах все радовало девушку. Но прошло несколько месяцев, и появилась неудовлетворенность. Натура энергичная, деятельная, сильная, она нуждалась в своем деле, искала точку приложения своих сил, возможность самовыражения. Но в чем найти свое дело? В семье громко обсуждались общественные проблемы, нередко говорили о равноправии женщин, необходимости труда, образования народа. Дядя, подозревавший племянницу в легкомыслии, посмеивался над ее нарядами: «Оценим-ка, Верочка, сколько пудов ржи висит на твоих ушах в виде серег?» Выходило — около 50 пудов. От дяди же слышала она: «Наибольшее счастье наибольшего числа людей должно быть целью жизни каждого человека». А рядом была деревня, нищая, безграмотная. Однажды в журнале «Дело» Вера прочитала о первой русской женщине-враче Н. П. Сусловой, которая в 1868 году получила диплом в Цюрихском университете (в России тогда не было высших женских учебных заведений). Пример Сусловой указал путь Фигнер: надо учиться, стать врачом, чтобы затем работать в деревне. Однако родители не решились отпустить молодую девушку за границу одну.

Осенью 1870 года Вера вышла замуж за Алексея Викторовича Филиппова, кандидата прав, сына помещика. Замужество не изменило ее устремлений. Она писала подруге в тот год: «Я не останавлиюсь никогда и ни за что <...> стимулами к деятельности будут 3 потребности или 3 цели моего существования: экономическая самостоятельность, образование ума и польза, т. е. моя полезность для других». Филиппов поддерживал жену, они вместе мечтали о больнице для крестьян, о школе. Вера уговорила мужа ехать с нею учиться медицине. К ним решила присоединиться сестра Веры Лидия, разделявшая ее намерения. В то время лишь первая сотня молодых женщин со всей России уехала за границу учиться. Но среди них почти не было таких, которые, как Вера, меняли уют собственного семейного гнезда на клиники и лаборатории.

Дожливым апрельским днем 1872 года Вера, Лидия и Алексей Филиппов приехали в Цюрих. Вера была настроена очень

целеустремленно: «Не буду ходить ни в театр, ни на прогулки... не будет ни удочки, ни катания на лодке... Ничего, кроме лекций и учебников!» Все годы учебы она занималась старательно и увлеченно. Но новые условия породили новые мысли и цели.

Всего год прошел со времени Парижской коммуны, и отзвуки этого события еще были слышны. Активно действовал руководимый К. Марксом I Интернационал, секции которого были во многих городах Европы. В Испании происходила революция. Молодежь не могла пройти мимо этих событий. В Цюрихе, который был одним из центров русской революционной эмиграции, существовала библиотека с хорошим подбором книг по социальным вопросам. Открывались новые горизонты, возникали новые интересы.

Вера и Лидия сблизилась с группой русских девушек, которых называли «фричами» по имени хозяйки, у которой почти все они жили. Это были Софья Бардина, Варвара Александрова, Ольга и Вера Любатович, Надежда, Мария и Евгения Субботины, Бетя Каминская и др. Очень скромные, равнодушные к материальным условиям жизни, но веселые и дружные, они горели неугасимым огнем самоотверженности, желания принести пользу людям. Девушки составили кружок, в котором в течение двух лет систематически и серьезно изучали труды социалистов-утопистов, работы по политической экономии, историю народных движений, рабочий вопрос на Западе. Итогом этого изучения был переворот в мыслях и намерениях подруг. Они поняли, что деятельность врача, агронома, о которой они мечтали, сможет только облегчить страдания народа, а задача заключается в том, чтобы уничтожить сами страдания. Такую возможность они увидели в социализме. Они были далеки от понимания естественно-исторического хода развития человеческого общества и наивно полагали, что социализм может быть введен в любое время, в любом обществе. «Пускай это будут хоть дикари, пусть самое первобытное, натуральное хозяйство господствует в стране — социализм может быть водворен и там, надо лишь убедить в необходимости его достаточное число людей, а это не трудно», — так характеризовала Вера Фигнер свои убеждения того времени. Свою задачу девушки видели в пропаганде идей социализма среди народа и организации народных сил для осуществления социальной революции. Они составили революционное сообщество для деятельности в России. Сестры

Фигнер стали его членами. Вере был тогда 21 год, Лидии — 19. Новые увлечения Веры не разделял ее муж. Это привело к разрыву, и Филиппов вернулся в Россию.

В 1874 году почти все члены общества, не окончив университета, отправились в Россию для революционной работы. Вера не хотела бросать начатое дело и осталась, чтобы кончить курс. Несколько ранее ей пришлось перейти в Бернский университет, так как царское правительство, обеспокоенное увлечением студенток революционными идеями, потребовало удаления их из Цюриха.

Вернувшиеся в Россию «фричи» вместе с некоторыми другими молодыми людьми составили кружок «москвичей», который приступил к пропаганде на фабриках Москвы и других городов. В конце 1875 года Вера получила известие об их аресте и приглашение приехать в Россию, чтобы поддержать начатое дело. До окончания курса оставалось полгода. Она уже думала о теме диссертации на звание «доктора медицины и хирургии». Как быть? Отказаться от поставленной цели, обмануть ожидания родных и знакомых, которые смотрели на достижение ученого звания, как на подвиг? Но арестованные пренебрегли этим и беззаветно отдались делу, о котором мечтали вместе. Дело не должно расходиться со словом! Фигнер всегда медленно подходила к решениям, но, раз принятые, они становились для нее непоколебимыми. После внутренней борьбы решение было принято, оно было твердым, и никогда впоследствии Вера Николаевна не пожалела о нем. В декабре 1875 года, пробыв за границей три с половиной года, Фигнер вернулась на родину.

Вера поселилась в Москве, где в полицейских частях содержались ее подруги. Ей была поручена тайная переписка с арестованными с целью согласования между ними показаний. Но она рвалась к той деятельности, которую считала главной, — к работе среди крестьянства. Это удалось осуществить только через полтора года. Прежде всего она сдала экзамены и получила дипломы фельдшера и акушерки. Затем побывала на родине, где был оформлен ее развод с Филипповым.

С конца 1876 года вся жизнь, все духовные и физические силы Веры Фигнер (ей было тогда 24 года) были отданы делу революции. Она участвовала в разработке народнической программы, которая обсуждалась осенью 1876 года в Петербурге и легла в основу организации «Земля и воля». Программа вы-

двигала требования, понятные крестьянам, из них главные — передача крестьянам помещичьей земли. Предполагалось, что народники будут селиться в деревнях, чтобы готовить крестьян к революционному выступлению. Фигнер находилась в дружеских отношениях со многими «землеольцами»: М. А. Натансоном, О. А. Натансон, А. Д. Оболеневым, А. И. Баранниковым, В. А. Осинским, А. И. Зунделевичем, но в организацию она не вошла. Как и некоторые другие, она считала, что членами общества могут быть только те, кто связан личной дружбой и симпатией. «Земля и воля» строилась как общерусская организация, а не тесный кружок, в нее привлекали всех честных убежденных деятелей. Вера Фигнер и ее единомышленники — Ю. Н. Богданович, А. И. Иванчин-Писарев, М. П. Лешерн и др. — составили т. н. кружок сепаратистов.

В Петербурге Вера Фигнер вместе с младшей сестрой Евгенией участвовала в Казанской демонстрации. Первая в России политическая демонстрация с участием рабочих состоялась 6 декабря 1876 года; Г. В. Плеханов произнес речь, а рабочий Я. С. Потапов поднял красное знамя с вышитым на нем лозунгом «Земля и воля». Демонстрантов разогнала полиция, более 30 человек было арестовано. Вера и Евгения, пригласив Потапова к себе обедать, уходили вместе с ним по Невскому, направляясь к Покровской площади (ныне площадь Тургенева), где они тогда жили. Но за Потаповым следили, и на углу Большой Садовой улицы он был схвачен. Сестры успели скрыться на извозчике.

Весной 1877 года Фигнер простилась со своими первыми соратницами по революционному делу: в Петербурге на процессе 50-ти судили «москвичей». Всего несколько лет назад первые русские женщины вступили в революционное движение, и это было еще необычным: женщины — подсудимые на политическом процессе. Молодые интеллигентные девушки из состоятельных семей, желавшие стать фабричными работницами, чтобы нести слово социализма народу, их обаяние, беззаветность, благородство, идеальность устремлений — все это производило сильное впечатление. Я. П. Полонский и А. Л. Боровиковский посвятили им свои стихи. Вере Фигнер передали стихи, посланные умиравшим Некрасовым для подсудимых: «Смолкли честные, доблестно павшие...». Девушки, в том числе Лидия Фигнер, отправились в многолетнюю ссылку.

Летом 1877 года Фигнер заняла место фельдшера в селе Студенцы Самарской губернии. В ее ведении было 12 селений, которые она должна была объезжать ежемесячно. Здесь впервые открылась перед нею картина народного горя и нищеты. Больные являлись десятками. Изможденные, с застарелыми болезнями: грудные хрипы, кровотечения, сифилис, язвы, струпья, притом страшная грязь в жилищах, неопрятность одежды и недоедание — все это производило такое впечатление, что, по словам Фигнер, «останавливаясь в оцепенении перед вопросом: есть ли это жизнь животного или человека?». В Студенцах Фигнер проработала только три месяца. В руки полиции попали письма, компрометиовавшие ее, и Вере пришлось скрыться.

Вторая попытка обосноваться в деревне связана с Саратовской губернией. Волостными писарями здесь стали А. И. Иванчин-Писарев, Ю. Н. Богданович, А. К. Соловьев. К лету 1878 года в селе Вязьмине Вера поселилась вместе с сестрой Евгенией, тоже сдававшей экзамены на фельдшерицу. Необычное для крестьян внимание к больным, объяснение, как принимать лекарства, и отпуск их в должном количестве делали лечение успешным, и слава фельдшериц разнеслась далеко. Десятки и сотни больных стекались ежедневно. Вера работала с пяти часов утра до вечерней зари. Евгения помогала ей и, кроме того, завела школу, так как в трех окрестных волостях школ не было. По вечерам с томом Некрасова, Щедрина, Голицынского, Наумова сестры шли к кому-либо из крестьян, в доме собирались соседи, и начиналось чтение, а затем велись разговоры о крестьянской жизни. Видя горячую любовь к себе деревни, чувствуя свою полезность, сестры получали большое нравственное удовлетворение. Но до пропаганды и здесь дело не доходило. Само присутствие в деревне честных образованных людей подрывало ту систему вымогательства, обмана, насилия, которая служила корыстным интересам местной администрации, кулака, священника. Приход фельдшериц в волостной суд лишал писаря взяток, их появление на сходе мешало мошенничеству старосты. Начались доносы, клевета, травля. Исправник закрыл школу, производились дознания, крестьян запугивали, некоторые из них были арестованы. Крестьяне стали бояться ходить к сестрам. Пребывание в деревне теряло смысл. Последней каплей, вызвавшей немедленный отъезд, явилась угроза ареста, исходившая из Петербурга. По-

лиция опоздала на одни сутки. На этот раз Фигнер провела в деревне 10 месяцев.

Опыт деятельности в народе привел Фигнер к убеждению, «что при существующем полицейском строе никакой не только революционной, но просто культурной работы в народе вести нельзя». Как и ее товарищи, Фигнер не замечала другой, более важной причины своих неудач — забитое, задавленное нуждой крестьянство не было готово к активным организованным действиям.

Летом 1879 года Фигнер приняла не в первый раз сделанное ей предложение о вступлении в организацию «Земля и воля» и стала участницей съезда, проходившего в Воронеже. Здесь впервые она встретилась с А. И. Желябовым, М. Ф. Фроленко, М. Н. Колодкевичем. Еще ранее, в Петербурге, она познакомилась и сблизилась с С. Л. Перовской, А. Д. Михайловым, А. А. Квятковским, А. И. Баранниковым, а за границей — с Н. А. Морозовым, будущими товарищами по «Народной воле». Из Воронежа Фигнер уехала в Петербург. С этого времени началась ее нелегальная жизнь.

В Петербурге в августе 1879 года «Земля и воля» распалась в результате раскола, произошедшего между «деревенщиками» и «политиками»; Фигнер примкнула к последним и вошла в Исполнительный комитет «Народной воли». Комитет объединил в своем составе выдающихся революционеров, цвет интеллигентной молодежи, Вера Фигнер заняла в нем видное место.

В Лештуковом переулке, 13 (ныне пер. Джамбула, д. 15) Фигнер и Квятковский устроили общественную квартиру, в которой проходили учредительные совещания комитета. Здесь обсуждалась программа, в которой была определена ближайшая задача — уничтожение самодержавия в России. Это была важнейшая задача, в действительности стоявшая перед страной. Здесь был принят устав Исполнительного комитета, а также решен вопрос о подготовке покушений на жизнь Александра II в трех местах по пути возвращения императора осенью из Крыма в Петербург. Народовольцы полагали, что громкие террористические акты окажут агитационное действие, будут способствовать расширению революционной борьбы и в то же время устроят правительство. Отсутствие массовых революционных сил в стране, ограниченность возможностей самой интеллигенции порождали эту ошибочную тактику.

Предполагалось, что Фигнер останется в Петербурге для ведения пропагандистской работы. Но она настаивала на своем участии в покушениях. «...Для меня была невыносима мысль, что я буду нести только нравственную ответственность, но не участвовать материально в акте, за который закон угрожает товарищам самыми тяжкими карами», — писала она позже. Сделав ей выговор за то, что она ищет личного удовлетворения вместо предоставления организации права располагать ее силами, уступили ее слезам и поручили ехать в Одессу.

Фигнер пришлось пробыть в Одессе около года. Прежде всего Фигнер и Н. И. Кибальчич организовали конспиративную квартиру на Екатерининской улице; в ней хранили динамит, готовили запалы, проводили совещания. Фигнер и другие участники покушения М. Ф. Фроленко, Т. И. Лебедева и Н. Н. Колоскевич решили, что удобнее всего подложить динамит под полотно железной дороги из будки железнодорожного сторожа. Но как добыть такое место? Под видом дамы-филантропки Фигнер явилась в правление железной дороги к влиятельному лицу: она просила место сторожа для своего дворника, жена которого больна туберкулезом и нуждается в свежем воздухе. Ей дали записку к начальнику дистанции. Разодетая в бархат, с запиской, она встретила любезный прием начальника дистанции, который предложил ей прислать завтра «своего человека». Дома она написала паспорт на имя Семена Александрова, с которым Фроленко на следующий день явился в контору и получил место сторожа на 12-й версте от города. Ему отвели будку, в которой под видом его жены поселилась Лебедева. Уже перевезли в будку динамит, когда выяснилось, что царь через Одессу не поедет.

Не привели к цели и два покушения под Александровском и около Москвы осенью 1879 года. Подготовленный С. Н. Халтуриным взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года произвел громадное впечатление в России и за границей, но царь и на этот раз остался невредим. Весной 1880 года Исполнительный комитет «Народной воли» решил вновь организовать покушение в Одессе, для чего туда приехали Н. А. Саблин и С. Л. Перовская, а затем А. В. Якимова и Г. П. Исаев. Около 1000 рублей, потребовавшихся на это дело, достала Вера Николаевна; она сумела убедить состоятельных людей в необходимости пожертвований. Сняли лавку на Итальянской улице, по ночам стали рыть под-

коп под мостовую с целью произвести взрыв в момент проезда царя. Но вскоре стало известно, что царь в Ливадию не поедет, и работы были прекращены. Во время подготовки первого и второго покушений Фигнер приходилось перевозить динамит, помогать Кибальчичу в его опытах со взрывчатыми веществами, таскать мешки с землей. У нее хранился динамит в чемодане, который она на ночь приставляла к коротенькой кушетке, на которой спала.

Однако Фигнер занималась не только покушениями. Она была представителем Исполнительного комитета в Одессе — большом университетском городе с портом и развивавшейся промышленностью. Она сумела завести знакомства во всех слоях общества «начиная от профессора и генерала, помещика и студента, врача и чиновника до рабочего и швеи». Всюду вела работу по разъяснению задач «Народной воли» и привлечению к движению новых лиц.

Летом 1880 года Вера Николаевна вернулась в Петербург, передав все свои связи в Одессе М. Н. Тригони. Это было время усиленной организаторской и пропагандистской работы Исполнительного комитета. Фигнер поручили действовать среди интеллигенции и студенчества, но особенно среди офицеров: дело шло к созданию Военной организации «Народной воли». Много часов провела она в беседах с офицерами Н. Е. Сухановым, А. П. Штромбергом, Н. М. Рогачевым, Н. Д. Похитоновым и другими, убеждая их принять принципы «Народной воли», участвовала в разработке устава организации, привлечении новых членов. В начале 1881 года она была введена в центр военной организации, заменив в нем арестованного Желябова.

Вера Николаевна была превосходным пропагандистом. Здесь ее блестящие способности находили лучшее применение. Энергичная и волевая, образованная и обаятельная, убежденная и полная энтузиазма, она становилась магнитом, притягивавшим умы и души, в какой бы среде она ни действовала. «Всюду, где бы ни появлялась Вера Николаевна, — а появлялась она в самых разнообразных сферах, в парадных гостиных, в кружках учащейся молодежи, в квартирах рабочих, — она пользовалась не только успехом, но вызывала даже поклонение <...> Еще большее, пожалуй, впечатление производила она в кружках военных, где ее положительно носили на руках», — так писал о ней народоволец С. А. Иванов. По выражению директора де-

партамента полиции В. К. Плеве, все студентки «были от нее без ума». Публицист Н. К. Михайловский пытался понять причину ее воздействия на других: «В чем состояла эта сила, это обаяние, которым она пользовалась, трудно сказать. Она была умна и красива, но не в одном уме было дело, а красота не играла большой роли в ее кругу; никаких специальных дарований у нее не было. Захватывала она своей цельностью, сквозившей в каждом ее слове, в каждом ее жесте: для нее не было колебаний и сомнений. Не было, однако, в ней и той аскетичной суровости, которая часто бывает свойственна людям этого типа».

Дружеские отношения связывали Фигнер с писателем Г. И. Успенским, адвокатом Г. В. Бардовским, литератором Н. К. Михайловским. «В литературных кругах Петербурга, где собирались сливки русской передовой журналистики, ее встречали с величайшим уважением, с любовью и прямо гордились ее посещениями», — свидетельствует С. Н. Иванов. Михайловский, весьма сдержанный в выражениях чувств, назвал Веру Фигнер «необыкновенной женщиной». Он был знаком со многими народовольцами. «Все они одинаково были преданы своей идее до полного самоотвержения, — писал он, — но ни о ком из них не вспоминаю я с таким благоговением, как о Вере Фигнер».

Осенью 1880 года Комитет назначил Фигнер секретарем по сношениям с границей. Она поставляла представителям «Народной воли» за рубежом материалы, которые помогали им информировать западных читателей о внутренней политике правительства, о целях и борьбе «Народной воли», склонять общественное мнение Европы в пользу организации.

За первый год деятельности «Народная воля» понесла немалые потери. В октябре 1880 года в Петербурге проходил первый крупный процесс над членами организации — «процесс 16-ти». Большинство подсудимых приговорили к каторге и ссылке. А. А. Квятковский и А. К. Пресняков были повешены 4 ноября 1880 года на стене Петропавловской крепости.

Судившаяся по этому процессу Евгения Фигнер в последнем письме писала сестре: «Как бы я желала повидаться с тобой, но об этом можно только помечтать, да и увидимся ли мы вообще когда-нибудь... мы идем “крещендо”, Лида на жительство, я на поселение, а мисс Джек-Блэк угодит на каторгу, но да сохранит ее Бог подальше от такой напасти — слишком уж тяжело расставаться с волею». Она оказалась права, они шли «крещендо»,

только Веру Николаевну (мисс Джек-Блэк — это шутовское ее прозвище) ожидало худшее, чем просто каторга.

Зимой 1880—1881 годов готовилось покушение на Александра II, которое стало последним. В январе 1881 года по поручению Комитета В. Н. Фигнер и Г. П. Исаев организовали общественную квартиру в доме 25 по Вознесенскому проспекту. Здесь проходили все совещания Исполнительного комитета начала 1881 года. В феврале был поставлен вопрос о возможности вооруженного выступления одновременно с покушением на царя. Подсчитали силы, оказалось, что можно рассчитывать не более чем на 500 человек. Этого было слишком мало. От мысли о выступлении пришлось отказаться. Январь и февраль 1881 года были очень напряженным временем для Исполнительного комитета. Шла подготовка к покушению.

28 февраля в квартире Фигнер и Исаева на совещании Комитета было решено: на следующий день, 1 марта, действовать обязательно. Всю ночь в этой квартире Кибальчич, Н. Е. Суханов и М. Ф. Грачевский готовили снаряды; Фигнер помогала им, она отливала грузы, резала жечь, наполняла бомбы динамитом. 1 марта Фигнер оставалась дома, ожидая участников покушения. Но ее ожидание было напрасным: взрыва на Малой Садовой, как предполагалось, не произошло, так как царь поехал другим путем. Покушение все-таки состоялось на Екатерининском канале, царь был смертельно ранен. В ближайшие же дни в квартире на Вознесенском Исполнительный комитет принял текст письма к Александру III.

Ликование и подъем, царившие после удавшегося покушения не только в рядах партии, но и среди демократически настроенной интеллигенции и молодежи, позволяли рассчитывать на большой успех в организаторской работе. Однако аресты, усилившиеся еще до 1 марта, когда комитет потерял таких деятелей, как А. Д. Михайлов, А. И. Баранников, Н. Н. Колодкевич, А. И. Желябов, М. Н. Тригони, продолжались. После 1 марта попали в руки полиции С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, М. Ф. Фроленко. Комитет постановил, что большинство его членов должно покинуть Петербург. Дорожа возможностью использовать благоприятные условия, Фигнер добилась разрешения остаться. Но вечером 1 апреля Исаев не вернулся домой. Это означало, что он арестован. Вместо того чтобы немедленно покинуть квартиру, Фигнер решила спасти ценное имущество, ско-

пившееся при ликвидации других квартир: тут были типографские принадлежности, оборудование динамитной мастерской, паспортный стол, большое количество нелегальных изданий. Надеясь, что кто-нибудь из товарищей заглянет к ней, на следующий день с утра она принялась увязывать вещи. Зашедший к ней Грачевский сообщил, что друзья считают ее погибшей. Он привел Суханова и других офицеров, и к вечеру квартира была очищена. Хладнокровно рассудив, что Исаев адреса своего не назовет и что полиции он пока неизвестен, Вера Николаевна решила остаться в квартире еще на одну ночь. 3 апреля утром она напилась чаю, сожгла последние бумаги и ушла. Полиция явилась, когда угли в печи и самовар были еще теплыми.

В этот же день на Семеновском плацу в Петербурге состоялась казнь. Были повешены первомайтовцы — А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков. К весне 1881 года из трех десятков человек первоначального состава Исполнительного комитета на свободе оставалось только восемь. Террор съедал силы Комитета. Но в это же время на периферии продолжали действовать старые и росли новые группы и кружки. Решением Комитета Фигнер снова была направлена в Одессу. Она приняла участие в деятельности местной народовольческой группы, возобновила и расширила связи с офицерами Одессы и Николаева, подготавливая их к вступлению в Военную организацию «Народной воли». Наиболее авторитетным среди офицеров был подполковник 58-го Прагского полка М. Ю. Ашенбреннер, который вскоре вошел в состав Военного центра.

На юге свирепствовал военный прокурор В. С. Стрельников. Жестокий и циничный, он угрозами вымогал оговоры посторонних лиц, издевался над заключенными и их родственниками. На политических процессах он доказывал, что побудительными причинами действий революционеров были самые низменные интересы; перед ним тушевались не только адвокаты, но и судьи. Осенью 1881 года Фигнер поставила перед Исполнительным комитетом вопрос об убийстве Стрельникова, и оно было одобрено. За две недели она собрала все данные о жизни Стрельникова в Одессе, достала деньги для приобретения лошади и экипажа, на котором должны были скрыться участники нападения. 18 марта на городском бульваре Н. А. Желваков убил Стрельникова выстрелом из револьвера. Через три дня Желва-

кова и помогавшего ему С. Н. Халтурина повесили, даже не выяснив их настоящих имен. Из Одессы Вере Николаевне пришлось уехать: ее усиленно разыскивала полиция. Она обосновалась в Харькове, участвовала в работе местной группы.

В начале 1882 года в Петербурге состоялся процесс 20-ти народовольцев — процесс Исполнительного комитета. Суханов был казнен, Михайлова, Баранникова, Исаева, Колодкевича и других ожидала гибель в одиночках Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Морозову, Тригони, Фроленко предстояло многолетнее заключение там же.

Разгром организации продолжался. С лета 1882 года Вера Фигнер осталась единственным членом Исполнительного комитета в России. Началась тяжелая полоса в ее жизни. Были разгромлены ведущие центры в Петербурге, Москве, Одессе. Не стало опытных революционных кадров. Не было типографии, однако выход народовольческих изданий сообщал друзьям и врагам о том, что организация жива, действует. Не было денег. Нарушены связь между городами и группами. В этих условиях хаоса в революционной среде Фигнер являлась единственной, кто уцелел при разгроме. Революционеры, находившиеся на нелегальном положении, не имевшие ни приюта, ни денег, ни дела, являлись к ней. Ее авторитет в эти месяцы был очень велик. «Вера сказала», «Вера так считает» звучало, как безусловный аргумент, как приказ. Видевший ее в эти дни Михайловский спросил, что она будет делать. Вера Николаевна ответила: «Буду подбирать порванные нити и связывать в узелки». Все ее силы были направлены на восстановление организации. Она не понимала тогда, что это уже осуществить невозможно. Начать она решила с создания нового центра и привлекла в него А. А. Спандони, бежавшего из ссылки, и С. П. Дегаева. Бывший офицер Дегаев был проводником Исполнительного комитета в среду артиллеристов в Кронштадте и Петербурге и имел несколько лет революционного стажа. Однако оба они оказались безынициативны и во всем охотно соглашались с Фигнер. Приняли приглашение войти в центр офицеры Ашенбреннер и Рогачев. Но все остальные начинания рушились. Все, кого Фигнер направила в другие города для восстановления связей, были там арестованы. Устроили типографию в Одессе, но через пять недель ее обнаружила полиция. По словам Михайловского, Фигнер выгляде-

ла «усталою, разбитою», однако сломлена она не была. В письме к младшей сестре Ольге Фигнер изложила свое отношение к жизни: «<...> между великими идеями и идеалами, которые живут в душе, и жизненной действительностью такая страшная пропасть, такое колоссальное несоответствие целей с результатами, грандиозности задач с мизерностью выполнимости, что истинное величие в том-то и состоит, по-моему, чтобы твои глаза не перестали гореть энтузиазмом, а руки не лежали сложенными в бессилии. Делать кропотливое дело, медленно продвигаться вперед <...> имея утешение лишь в перспективе, в истории, и сохранить при этом бескорыстную преданность идее, не поступиться идеалом, не изменить друзьям, нести жизнь как крест, испытывать больше неудач, чем удач, много терять и оставаться верным себе, не отступить<...>». В последнем перед арестом письме родным есть такие строки: «<...> в жизни каждой партии, каждой организации были кризисы, переживать которые мучительно. <...> пожелайте мужества и силы, чтобы с пользой прожить до момента когда <...> партия снова начнет свое шествие вперед. Тогда можно с улыбкой идти на эшафот».

Фигнер жила в Харькове по документу ученицы фельдшерской школы и, как другие слушательницы, ежедневно в 8 часов выходила из дома. 10 февраля 1883 года она вышла как обычно и сразу встретила лицом к лицу с Меркуловым, предателем. Тогда она не знала, что Меркулов подослан для того, чтобы отвести подозрения от другого предателя — Дегаева. Еще несколько шагов — и она была окружена жандармами. На следующий день Фигнер отправили в Петербург.

Имя Веры Фигнер было хорошо известно властям, и сообщение о ее аресте вызвало в верхах чувство радости и облегчения. «Слава Богу! Эта ужасная женщина арестована», — отозвался Александр III. Ему была передана фотография Фигнер. Ее водили на показ министру внутренних дел, его товарищу и директору департамента полиции. Когда она проходила по коридорам департамента, вдоль стен выстраивались чиновники, желавшие посмотреть на знаменитую революционерку.

16 февраля 1883 года Фигнер привезли в Петропавловскую крепость, и она находилась здесь в течение 20 месяцев, до суда, состоявшегося 12 сентября 1884 года. Ее поместили в камеру № 343. Для содержания Фигнер была составлена особая инст-

рукция. На дверь ее камеры поставили дополнительный замок, ключ от которого находился не у надзирателей, как обычно, а у заведующего тюрьмой. Для входа в камеру Фигнер помимо двух надзирателей требовалось еще присутствие заведующего. Без него нельзя было также вывести узницу ни на прогулку, ни на свидание. Во время прогулки каждый раз проверялась прочность оконных решеток. Кроме того, соседние с камерой Фигнер номера оставались пустыми во избежание перестукивания. Когда же по указанию врача из камеры № 43, грязной и сырой, покрытой пылью и плесенью, в которой она провела 14 месяцев, ее переводили в другую, то выбрали № 55, бывший, в сущности, изолятором, так как по обе стороны от него находились цейхгаузы. Смену камеры Фигнер сравнила с переездом на дачу. Камера № 55 расположена на углу здания, где крепостная стена несколько отступает от тюрьмы, поэтому в окно можно было видеть небо, в ясный день заглядывало солнце, а если влезть на железный стол, прикрепленный к стене, то в окно виден был куст бузины, прилепившийся к кирпичной стене; его зеленая листва доставляла большое удовольствие узнице.

В тюрьме Фигнер писала свои показания. Она предложила это сама, для того чтобы избежать «словесных истязаний», как называла она допросы. Она смотрела на показания как на отчет перед грядущими поколениями о деятельности своей и своих товарищей. В них рассказывается о событиях 1 марта. Люди, с которыми эти события были связаны, уже были осуждены, и повредить им она не могла, а о себе ничего скрывать не хотела. Показания написаны правдиво, строго и интересно. Жандармский офицер говорил автору: «Они переходят из рук в руки, и мы читаем их как роман». В 1917 году, когда открылись царские архивы, показания Фигнер были опубликованы. Прочитав их через 34 года, Вера Николаевна испытала глубокое удовлетворение: они верно отражали ее отношение к революционному делу, не изменившееся за этот срок. В связи с написанием показаний происходил анализ собственной жизни. Его итог выразился в словах письма, адресованного родным: «Я считаю, что моя жизнь была счастливой».

Постоянное одиночество, абсолютная тишина и непрерывное молчание, полное отсутствие каких-либо впечатлений, какой-либо жизни — таковы особенности крепостного заточения. Пропадал голос, между словами возникали перерывы. Начинался

психический процесс, который сильнее развился в Шлиссельбурге и который сама Фигнер назвала «одичанием». Прежде человек живой, веселый, она теряла потребность общения, потребность в разговоре. Мать и сестра Ольга раз в две недели получали свидания. Но они были не столько радостны, сколько тягостны. Между узницей и родственниками две решетки: ни подойти, ни обняться. Говорить о том, что волнует — о ходе дела, о событиях революционной жизни — нельзя, «и не знаешь, что сказать, о чем просить». К тому же так трудно выйти «из одиночества, из молчания», чтобы через 20 минут, когда «представляешь из себя настоящее взбаламученное море», снова замереть на две недели. Однажды, когда ей было особенно плохо, Вера Николаевна просила позволить ей поцеловать руку матери — не разрешили: никакие нарушения правил в крепости не допускались.

Книги и раньше были единственным содержанием жизни в заключении, теперь они стали единственным спасением. «Чтобы мне умертвить нервы, одно средство — книги, — писала она родным в то время, — без отдыха и срока, с утра до вечера, когда, наконец, почувствуешь себя так, будто и не я, и голова моя — не моя, а затем сон, во время которого повторяешь бессознательно то, чем набивал голову днем, и губы шепчут: «to be, the mother» (быть, мать — англ.). В первые месяцы в крепости Фигнер занималась итальянским языком, теперь изучила английский. Письменные принадлежности в камерах иметь не разрешалось, после хлопот удалось получить только грифельную доску.

В крепости пережила Вера Николаевна глубокое нравственное потрясение, вызванное предательством. Однажды ее вызвали следователи и положили перед ней тетрадь показаний Дегаева. Человек с четырехлетним революционным стажем, близкий многим членам Комитета, человек, которому Фигнер верила безусловно, как товарищу, выдал все, что знал. В руки полиции была передана поголовно Военная организация, все оставшиеся силы партии. Начав с предательства, он оставался провокатором. «Испытать такую измену значило испытать ни с чем не сравнимое несчастье, уносящее моральную чистоту людей, красоту революции и самой жизни. С идеальных высот я была низвергнута в болото земли <...> мне хотелось умереть». Но она обязана была жить. Она — член Исполнительного комитета — была главным обвиняемым в предстоящем процессе. Она долж-

на была сказать свое слово в суде: к этому обязывала память о погибших товарищах. Она должна была заявить о тех нравственных побуждениях, которые ими руководили, и нарисовать тот идеал, к которому они стремились.

Фигнер проходила по делу о Военной организации «Народной воли», целиком основанному на предательских показаниях Дегаева. Одновременно с нею в крепости содержалось несколько десятков офицеров. Большинство их было наказано административным путем, вероятно, из желания не подрывать авторитет власти признанием факта революционного движения в армии. Суду предали только шесть офицеров, а вместе с гражданскими лицами на скамейке подсудимых сидело 14 человек.

В суд Вера Николаевна явилась, по словам ее товарища В. И. Чуйко, «совершенно больная, сильно изменившаяся <...> Она настолько слаба, что не в состоянии стоять, пока выведут всех товарищей и установят между жандармов, чтобы ввести в залу суда. Щеголеватый жандармский офицерик услужливо подносит ей стул.<...> Залитый ярким светом зал суда, обилие людей, шум после длительного пребывания в одиночке производят болезненное впечатление на Фигнер. В перерывах приходят мать и сестра, и разговор с ними утомляет настолько, что она просит: “Уйдите! Нет больше сил“». Чуйко продолжает: «Она не всегда в состоянии высидеть заседание суда, и ее уводят в камеру».

Наступил момент, когда председатель предоставил подсудимым последнее слово. Собрав все силы, Фигнер произнесла речь. Она говорила о формировании своих взглядов, о своей деятельности. «В программе, по которой я действовала, самой существенной стороной, имевшей для меня наибольшее значение, было уничтожение абсолютистского образа правления — единственный путь, которым данный порядок может быть изменен, есть путь насильственный». Поздравления товарищей и защитников показали, что речь произвела впечатление.

Фигнер принадлежала к числу людей, которые даже у врагов вызывали невольное уважение. Это чувствовалось в поведении тюремщиков, следователей, судей. Комендант крепости жестокий генерал Ганецкий разрешил ей пользоваться непереpletенными книгами, обычно недоступными для узников. Следователь, жандармский генерал Середа, войдя впервые в ее камеру, взял ее руку и поцеловал; это было признанием нравственной высоты женщины, смертный приговор которой он призван был

обосновать. А теперь еще один генерал, председатель суда, человек резкий и грубый, ни разу не посмел перебить ее последнее слово и во время заседания неоднократно оговаривался, называя ее уважительно: «Вера Николаевна» вместо положенного «подсудимая Фигнер».

Суд приговорил к смертной казни восемь человек, среди них была Вера Фигнер. Через смотрителя тюрьмы Штромберг попросил у Веры Николаевны совета, стоит ли подавать прошение о помиловании. «Скажите Штромбергу, что никогда я не посоветую другим сделать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама», — ответила Фигнер. «Какая вы жестокая!» — произнес смотритель.

Все осужденные 4 октября были возвращены в крепость и приняты на каторжное положение. Фигнер предложили раздеться, женщина обыскала ее, а затем обрядила в каторжное платье: крестьянскую рубаху из жесткого холста с массой кострики, которая терла кожу, солдатского сукна юбку и такой же халат. Он был пропитан потом, засален и имел такие размеры, что падал с плеч. На ноги дали портянки и туфли, которые сваливались на каждом шагу. Фигнер вновь поместили в № 43. Но вид камеры изменился: вместо обычной постели — соломенная подстилка, мешок с соломой под голову и кусок байки. Самое главное, не стало ни одной жилой принадлежности: книги, гребенка, зубная щетка — все исчезло, полотенце после умывания отбিরали. Только Евангелие лежало на столе.

Прошло два дня. Послышались звуки отпираемых и запираемых дверей, шаги. Комендант обходил камеры, сообщая осужденным о смягчении приговора. Шести смертникам казнь заменили каторгой, Вере Фигнер — пожизненной. 8 октября Н. М. Рогачева и А. П. Штромберга увезли в Шлиссельбург, и 10 октября они были там казнены. 12 октября стали отправлять туда же приговоренных к длительной каторге. Их увозили по два человека, ночью, на полицейском пароходе. Мужчины были в кандалах, женщины в наручниках. Фигнер отправили в первой партии.

Закончилась первая глава ее жизни, начиналась вторая, воспоминания о которой она назвала «Когда часы жизни остановились».

В Шлиссельбургской крепости в 1884 году была построена новая каторжная тюрьма. За первые три года в тюрьму поступило 46 человек. Большинство из них было народовольцами.

В тюрьме был установлен режим строгого одиночного заключения, с полной изоляцией узников от внешнего мира. Ни заключенные о родных, ни родственники о них ничего не должны были знать и не знали. Матери Фигнер товарищ министра внутренних дел Оржевский сказал: «Вы узнаете о своей дочери, когда она будет в гробу». Только через 13 лет разрешили переписку с родными два раза в год. Заключенных разобшили, погрузив в безнадежное одиночество в маленьких камерах-гробах, с черным полом и темно-серыми стенами. Их тело умерщвляли недоеданием, а душу убивали одиночеством, молчанием и отсутствием какого-либо дела, в то время как сознание их расстраивалось от отсутствия умственной пищи. Другой перспективы, кроме смерти или сумасшествия, не было. «Эта тюрьма — ваша могила», — заявил высокопоставленный жандармский генерал, посетивший тюрьму. Здоровых в тюрьме быть не могло; чахотка или цинга, расстройство психики и многое другое, а часто несколько заболеваний сразу одолевали каждого. Зловещую тишину, в которой тонула тюрьма, прорывали время от времени лишь стоны умирающего, пение душевнобольного или звуки расправы с кем-либо из товарищей, заставляя содрогаться цепеневших в своих одиночках заключенных. Атмосфера произвола и насилия, смерти и безумия царила здесь.

Шлиссельбуржцы видели в своем тюремном крестном пути продолжение борьбы за те идеалы, во имя которых они сражались на воле. Общее настроение выразила Фигнер в своем первом в жизни стихотворении, написанном в заключении:

Нам выпало счастье: все лучшие силы
В борьбе за свободу всецело отдать.
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело народа терпеть и страдать.
Терпеть без укоров, страдать без проклятий,
Спокойно и скромно в тиши угасать,
Но тихим страданьем своим юных братий
На бой за свободу и равенство звать!

Первое время в Шлиссельбурге Фигнер находилась в подавленном состоянии, близком к безумию. Монотонно текли серые, смутные тюремные дни, похожие на бесконечный сон, затуманивая сознание и волю, углубляя тоску. Помогали друзья:

началось перестукивание, которое несло поддержку и ласку. Однажды она услышала слова, переданные кому-то Г. А. Лопатиным: «Вера принадлежит не только друзьям — она принадлежит России», они напомнили о том, что общественная роль ее не окончена, и поставили ее на большую высоту. К этой высоте она обязана была стремиться, и это давало смысл жизни.

В Шлиссельбурге шла непрерывная война между узниками и тюремщиками. Нужно было или отвоевать минимум условий для существования, или умирать. Фигнер участвовала в протестах, была самой упорной в голодовке, сидела в карцере, где приходилось спать на холодном асфальтовом полу и питаться плесневелым хлебом. На третьем году заключения она выработала свою линию поведения в тюрьме. Идти на непрерывные схватки с жандармами, быть избитой, связанной и продолжать такую войну она не стала, и, с другой стороны, ее цельная натура не принимала протестов, если они не доводились до конца. Следовательно, надо терпеть, пока это возможно, но, если возникнет случай, за который стоит умереть, идти до конца.

Борьба узников против жестоких порядков, стоившая многих жертв, дала результаты. Появились занятия, позволявшие скрашивать бесцельность тюремного существования. Фигнер всегда была в центре работ. Она столярничала, переплетала книги, шила обувь, работала на токарном станке, сделала жестяной кофейник, соломенную шляпу, много читала, переводила с иностранных языков, делала гербарии.

В 1902 году произошло событие, которое едва не кончилось для Фигнер трагически. Заключенным объявили об отмене послаблений, которые завоевали они длительной борьбой, и введении первоначальных порядков. Проведшие в заключении по 15–20 лет, пожилые, больные, они не смогли бы вынести прежнего режима. Это был тот случай, когда следовало протестовать до конца. Вера Фигнер решила действовать, она сорвала погоны со зрителя; это было оскорбление действием. Нужно было ожидать военного суда, вероятно, казни, но вместе с тем должны были рассмотреть положение о заключенных. Она простучала товарищам о том, что произошло, и просила не производить беспорядков, так как иначе она не сможет сохранить самообладание. Тюрьма затихла, но все решили: в случае насилия над Верой Николаевной тоже идти до конца. В течение меся-

ца она ждала казни и готовилась к ней. Но власти нашли более удобным расценить поступок Фигнер как нервный припадок и оставить его без последствий. Однако серьезных ухудшений тюремных условий не произошло.

Вера Фигнер, маленькая и хрупкая, но строгая и волевая женщина, в последние годы — единственная среди мужского населения тюрьмы — занимала в ней особое место. Его определил Ашенбреннер: «Энергичная, отважная, самоотверженная, она всегда была впереди; и не удивительно, что в больших и малых делах все взоры невольно обращались к ней, ожидая от нее слова, знака или примера». Так же определил ее роль следователь, приезжавший в Шлиссельбург по делу о сорванных погонах: «Арестантка № 11 составляет как бы культ для всей тюрьмы, арестанты относятся в ней с величайшим почтением и уважением, она, несомненно, руководит общественным мнением всей тюрьмы, и ее приказаниям все подчиняются почти беспрекословно; с большой уверенностью можно сказать, что проявляющиеся в тюрьме протесты арестантов в виде общих голодовок, отказывания от гуляний, работ и т. п. делаются по ее камертону». Сама же Вера Николаевна, вспоминая о своих шлиссельбургских товарищах, писала: они «дали мне познать радость такой трогательной ласки и доброты, о которых в суровых условиях жизни на свободе я не имела представления».

В январе 1903 года Фигнер объявили, что царским изъятием, вследствие прошения матери бессрочная каторга заменена ей 20-летней. Известие было воспринято Фигнер как несчастье: она не хотела милости и была оскорблена тем, что мать нарушила слово, данное после суда. Через три дня пришло прощальное письмо от матери, объяснившее все: она умирала. Увидеть ее Вере Николаевне уже не пришлось.

29 сентября 1904 года Фигнер увозили в Петербург. Выйдя за пределы крепостного двора, она чуть не упала: новая обстановка вызвала головокружение. Повернувшись к окнам, в которых белели лица товарищей, она поклонилась. Уже на пароходе Фигнер разрыдалась: она расставалась с людьми, которые в течение 20 лет были для нее всем — товарищами, семьей, человечеством, теперь она оставляла их томиться в безнадежности.

Вновь Фигнер оказалась в Петропавловской крепости. В камере № 46 ей пришлось пробыть 26 дней, с 29 сентября по 14 октября. В квартире заведующего тюрьмой состоялись первые

свидания Веры Николаевны с родными. Они были тягостными. Фигнер помнила сестер молодыми девушками, а брата безбородым юношей. Теперь перед нею сидели солидные дамы и плотный красивый инженер. Трудно было узнать, трудно было говорить...

Первые два года после освобождения Вера Фигнер находилась в ссылке, сначала в Архангельской губернии в посаде Нёнокса на берегу Белого моря, затем на родине, в казанском имении родных. Все это время ее держали под гласным полицейским надзором.

Долгое время сказывались последствия тюремного заключения: цинга, временная потеря памяти, усталость, сильное расстройство нервной системы, при котором любой звук вызывал вскрик или слезы. Труднее всего было общение с людьми, даже присутствие кого-либо в соседней комнате держало ее в напряжении. Помогли нежное внимание, заботы и любовь родных и друзей.

Самым главным был вопрос, возникший еще перед освобождением: «Как жить? Чем жить? Зачем жить?» Человек, для которого все жизненные устремления состояли в общественной деятельности, Фигнер мучительно искала свое место в жизни. Ведь начав свою «вторую жизнь», она оказалась среди новых поколений, в незнакомых для нее условиях. Три товарища Фигнер, ранее покинувшие Шлиссельбург, покончили с собой — они не нашли своего места. Шел 1905 год. Газеты приносили известия о событиях первой русской революции. «<...> чувствую непобедимую усталость. Если бы не это, — писала Вера Николаевна брату, — я уехала бы, чтоб быть на улицах и площадях и участвовать со всеми в том, что со стороны представляется каким-то опьянением свободы».

В 1906 году Фигнер разрешили уехать за границу. Это было нужно для лечения и для того, чтобы почувствовать себя, наконец, свободной. За границей Фигнер нашла для себя важное дело. В 1910 году она участвовала в создании Парижского комитета помощи русским политическим заключенным. Комитет организовывал митинги, сборы денег, выступления в печати и оказывал, таким образом, материальную и моральную помощь жертвам деспотизма в России. Фигнер многократно выступала перед публикой в Лондоне, Париже, Льеже, Брюсселе и других городах, на митингах, в частных домах перед студентами, рассказывая о Шлиссельбурге и других русских тюрьмах. Она говорила всегда просто и строго на русском, французском, англ-

лийском языках. Ее выступления неизменно имели успех. Фигнер написала книгу «Русские тюрьмы», которая была издана на нескольких языках. За четыре года Комитет собрал и отправил в Россию около 137 тысяч франков. Деньги регулярно поступали не менее чем в 23 каторжные тюрьмы. Но русские власти стали чинить препятствия в передаче денег в тюрьмы, и к концу 1914 года она почти прекратилась.

Тогда Фигнер обратилась к литературной работе. Она считала долгом перед товарищами запечатлеть их и свою революционную деятельность. С началом Первой мировой войны Фигнер вернулась в Россию.

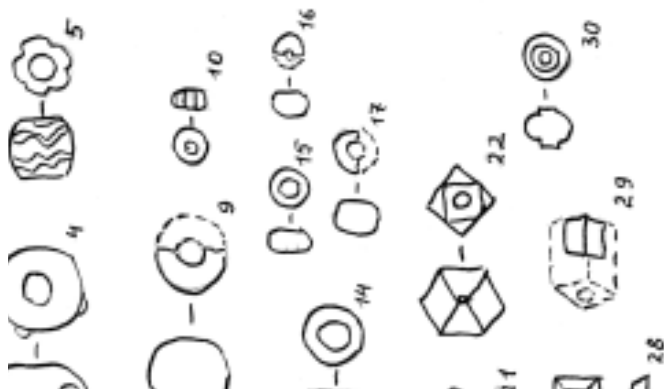
Когда произошла Октябрьская социалистическая революция, Фигнер было 65 лет. Воспитанной на революционных идеях иной эпохи, ей трудно было понять смысл происходивших событий. Но она всегда оставалась вместе со своим народом. В советское время Фигнер продолжала литературную работу. В 1921–1922 годах вышли два тома воспоминаний Веры Фигнер о ее революционной деятельности и о Шлиссельбурге, которые она назвала «Запечатленный труд». Эта работа, сочетающая в себе качества художественного произведения и исторического источника, была горячо встречена читателями и критикой. В 1932 году было издано полное собрание сочинений В. Н. Фигнер в семи томах. Несмотря на возраст, Вера Николаевна вела большую общественную работу. Она выступала перед молодежью, рабочими. Свой литературный гонорар она в значительной мере тратила на помощь школам, библиотекам.

В 1926 году советское правительство установило старой революционерке пожизненную пенсию. Ее 70-летие было отмечено торжественным заседанием в Музее Революции. Вера Николаевна умерла 15 июня 1942 года. В яркой личности Фигнер и ее судьбе отразились замечательные черты революционеров 1870–1880-х годов: их великая энергия, самоотверженность, безграничная преданность делу народа.

Архивные источники и литература

1. РГИА. Ф. 1405. Оп. 85. Ед. хр. 10897. Приговор Военно-окружного суда по делу 14-ти обвиняемых. 28 сентября 1884 г.
2. РГИА. Там же. Ед. хр. 10898. Дознание по делу В. Н. Фигнер. 1883 г.
3. ГАРФ. Ф. 98. Шлиссельбургская крепость 1781–1905 гг.

4. ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции.
5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3.
6. *Иванов С. А.* В. Н. Фигнер // Галерея Шлиссельбургских узников. СПб., 1907.
7. *Коваленский М.* Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1924. Кн. 3.
8. *Колосов Е. Е.* Государева тюрьма — Шлиссельбург. Пг., 1924.
9. *Матвеева И. Е.* Вера Фигнер. М., 1961.
10. *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Когда часы жизни остановились. М., 1964. Т. 2.

Ил. 8. Раскоп 11. Остатки фундамента дома XVII в.:

1 — известняковые плиты; 2 — кирпичная кладка; 3 — уголь, песок; 4 — песок;
5 — поздние ямы

Ил. 9. Печатка бронзовая

Ил. 10. Мортирная бомба 1702 г.

Ил. 11. Рыболовный инвентарь XIV–XV вв.:

1 — поплавок берестяной со знаком, 2 — поплавок из коры, 3–4 — грузила, 5 — острога

Ил. 12. Светец рыболовный.
Вторая половина XIV в.

Ил. 13. Клад сельскохозяйственных орудий.
Первая половина XIV в.

Ил. 14. Изделия из железа. XIV–XV вв.:

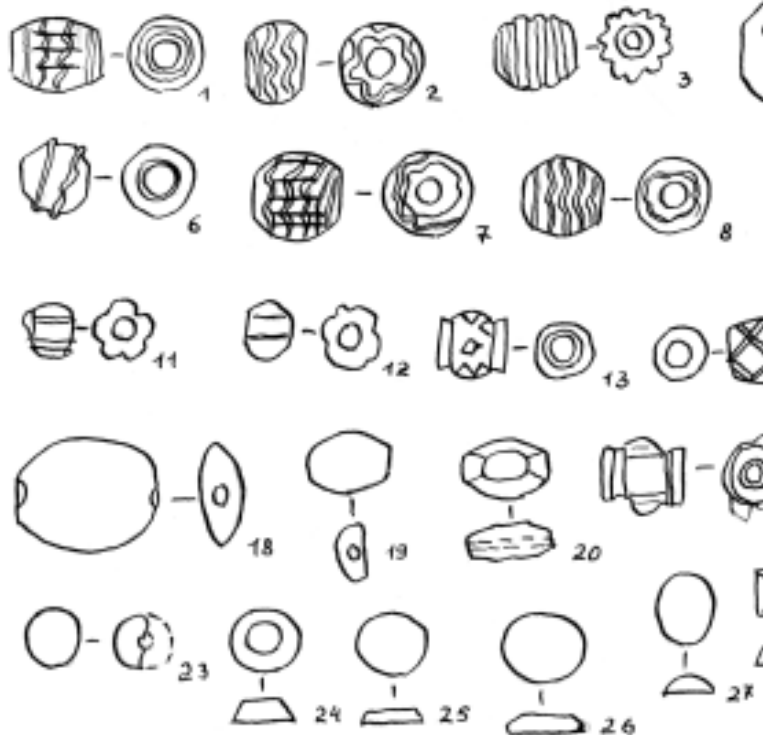
1–3 — замки; 4, 7–9, 12–13 — ключи; 10 — кресало; 5 — нож; 6 — игла; 11 — зубило; 14 — кочедык для плетения; 15 — булавка от прялки; 16, 18 — пробойники; 17 — циркульный резец; 19 — пряжка; 20 — ладейная заклепка.

Изделия из камня. 21 — шиферное пряслице

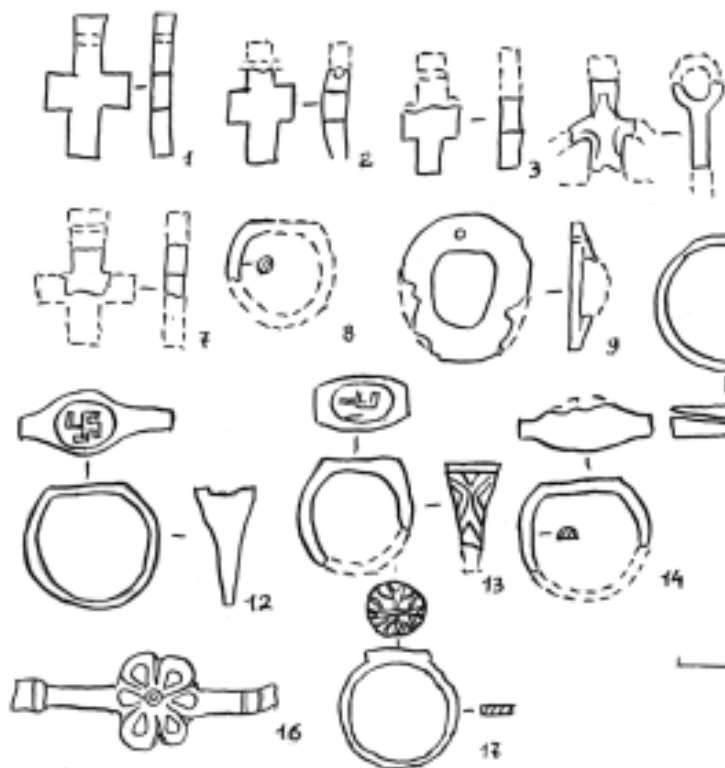
Ил. 15. Изделия из кости и рога:

1, 6 — гребни; 2 — клык-амулет; 3 — игла костяная; 4 — навершие; 5, 8 — заготовки из рога; 7, 11, 15 — обоймицы; 9 — нож с костяной рукоятью; 10 — костяная ложка для причастия (с линейным орнаментом); 12, 16 — игральные кости; 13 — обломок булавки с циркульным орнаментом; 14 — рукоять костяная; 17 — астрагал; 18 — шахматная фигурка первой половины XIV в.; 19 — проколка костяная

Ил. 16. Бусы:

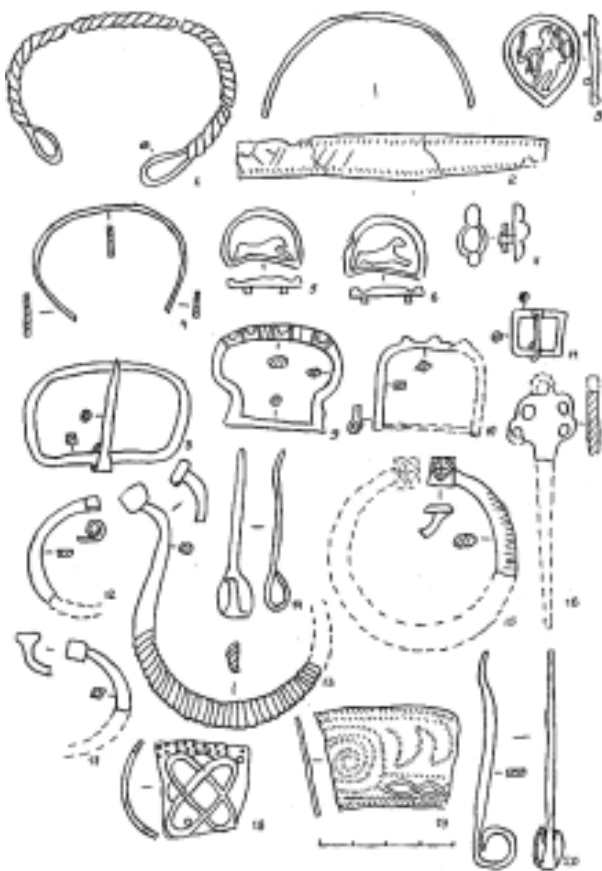
1–8, 10–12 — бусы с рельефным или волнистым орнаментом; 9, 15, 16, 30 — голубые бусы; 17–19, 23, 29 — янтарные бусы; 22 — хрустальная граненая бусина; 28 — янтарная вставка

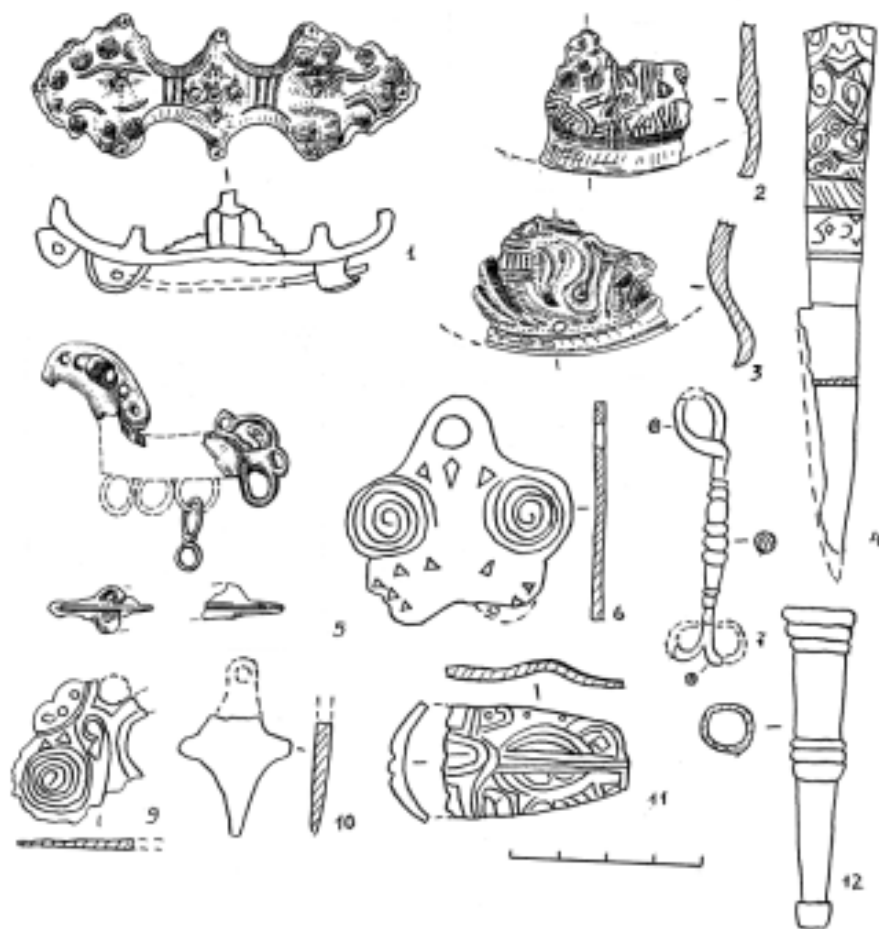
Ил. 17. Кресты: 1-3, 7 — янтарь; 4-6 — бронза. Украшения: 8 — обломок стекла. Перстни: 10-12, 14-16 — бронза; 13 — серебро, 17 — олово

Ил. 18. Крест бронзовый (1)
Фрагмент медной иконки (2)

Ил. 19. Украшения: 1-2, 4 — браслеты бронзовые; 3, 5-7 — накладки поясные; 8-11 — пряжки; 12, 13, 15, 17 — фибулы; 14, 20 — иглы от фибул; 16 — головка одежной булавки (железо); 18-19 — обломки орнаментированных оковок XVI в. (19 — серебро)

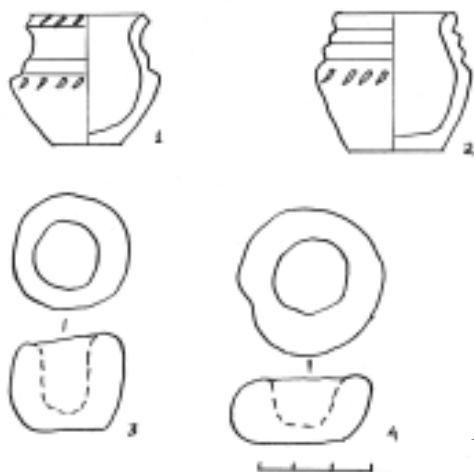

Ил. 20. Украшения карельского тип :

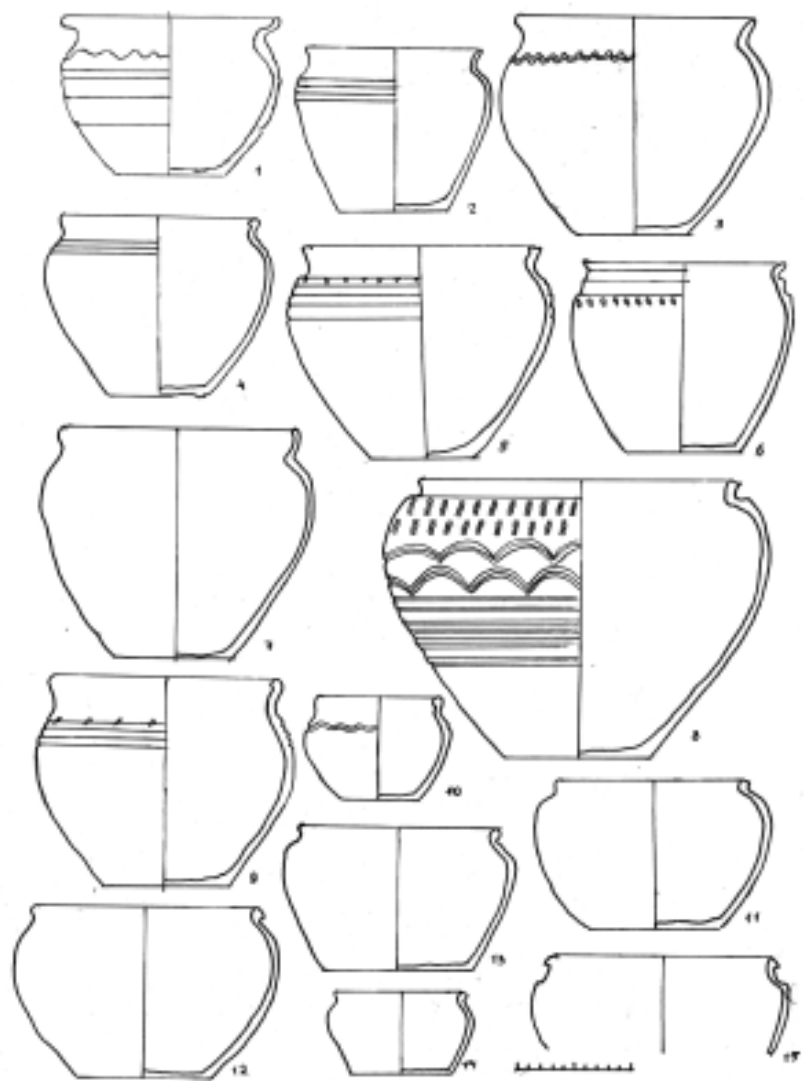
1 — равноплечная фибула; 2—3 — обломки скорлупообразных фибул; 4 — нож с бронзовой литой рукоятью; 5 — зооморфная подвеска; 6, 9 — цепочкодержатели; 10 — крестовидные подвески; 7 — звено цепи; 11 — обломок литого браслета; 12 — игольник

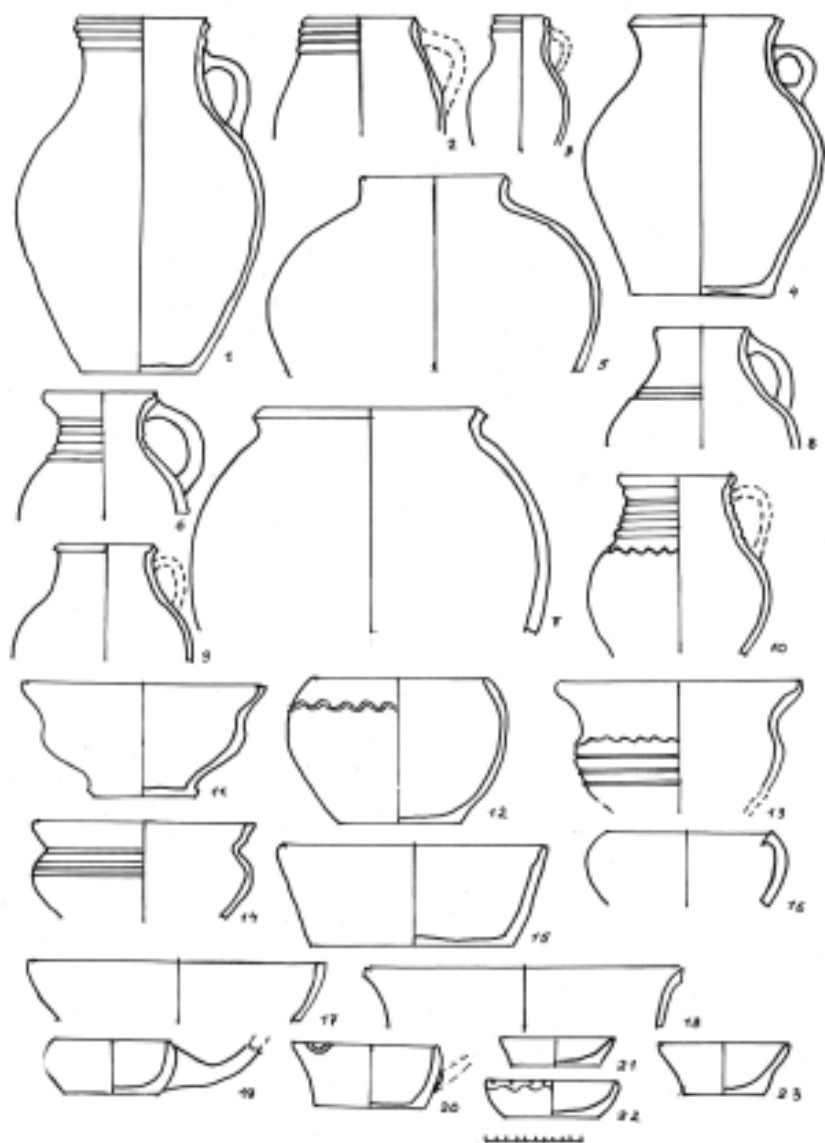
Ил. 21. 1 — рейнский кувшин-кружка (начало XIV в.); 2 — фрагмент глиняного сосуда с антропоморфным изображением; 3—4 — костяные накладки

Ил. 22. Глиняные сосуды-игрушки

Ил. 23. Керамика: горшки. 1, 3–10 — XIV в.; 2, 4 — XV в.; 12–15 — XVI в.

Ил. 24. Керамика: кувшины, миски, корчаги. 1–15, 19–23 — XIV–XV вв.; 16–18 — XVI в.

Ил. 1. «Вид и план крепости Нотебург». Фрагмент. 1634 г. Из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Шлезвиг, 1647

Ил. 3. Битва под Оршей. 1514 г. Московское войско. Фрагмент ксилографии из «Всемирной истории» Мартина Бельского

Ил.2. Неизвестный художник XVI в. Битва под Оршей. 1514 г. Фрагмент. Московское войско. Национальный Музей в Варшаве

Ил. 4. М. Вольгемут и В. Плейденвурф. Нюрнберг. Ксилография из «Всемирной хроники» Гартмана Шеделя. Нюрнберг. 1493

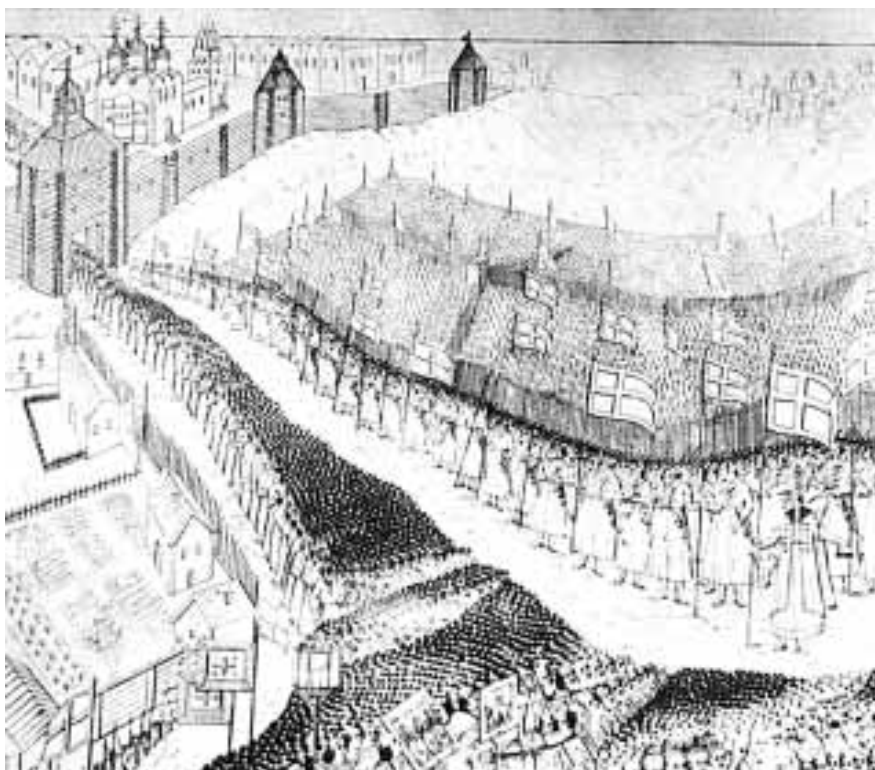
Ил. 5. Казанское знамя Ивана Грозного. 1552 г.

Ил. 6. Антоний Дымский. Фрагмент иконы. XVII в. Кижский музей-заповедник

Ил. 7. А. Шхонебек. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года. 1703 г. Офорт. Фрагмент. Светличная (Крестовая) башня

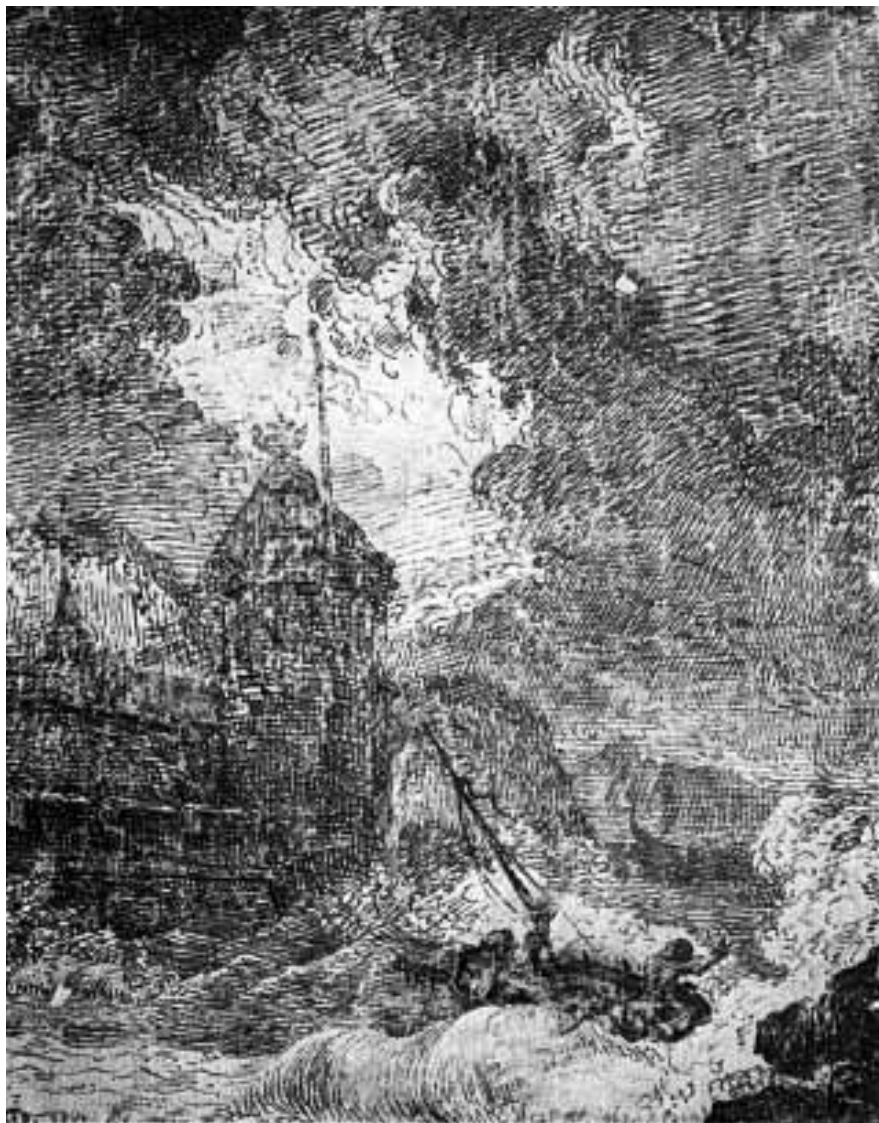
Ил. 8. Миниатюра из «Книги об избрании на царство Махаила Федоровича...». Прорись

Ил. 9. «Знамя въ полках свойство даетъ знати» // Букварь. Составлен Карионом Истоминым. Гравирован Леонтием Буниным. Москва, 1694

Ил. 10. Вид на башню Головина с правого берега Невы. Фотография. 2006 г.

Ил. 11. Ф. Васильев. «Партикулярная верфь» («верей»? — А. Г.) (шпиль принадлежит старому собору Иоанна Предтечи, флагшток — Флагшточной башне). Воспроизводится по книге: Гаврилова Е. И. Русский рисунок XVIII в. Л., 1983. Атрибутирован Гавриловой Е. И. как «Партикулярная верфь», опубликован как «Кроншлот. Партикулярная гавань» (Гаврилова Е. И. «Санкт-Петербург» 1718—1724 года в натуральных рисунках Федора Васильева // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. Под редакцией Т. В. Алексеевой. М., 1974. С. 123)

Ил. 1. П. Л. Антонов
Памятная доска с именами
воинов, павших при штурме
крепости Нотебург 11 октября
1702 года. Латунь. ГМИ СПб

Ил. 2. Неизвестный фотограф. Могила, в которой захоронены воины, павшие
при штурме крепости Нотебург 11 октября 1702 года. Часовня, построенная в
1903 г. в память о штурме Нотебурга. Начало XX в. Фотография

Н. И. Новиков

Г. А. Лопатин

В. Лукасинский

*Ил. 2. Неизвестный фотограф
Н. А. Морозов
1879 (до ареста в феврале 1881)
Фотография*

*Ил. 3. Н. А. Морозов в Шлиссельбурге
Фотография с рисунка И. И. Лукашевича,
сделанного в Шлиссельбурге*

*Ил. 4. Неизвестный фотограф
Н. А. Морозов после выхода из
Шлиссельбургской крепости.
1906. Фотография*

*Ил. 5. Неизвестный фотограф
Н. А. Морозов. Борок
1938. Фотография*

Царица Евдокия Лопухина

Зинаида Коноплянникова

Софья Гинзбург

Людмила Волкенштейн

Вера Фигнер

К статьям Н. К. Герасимовой, О. В. Левтоновой

Владимир Лихтенштадт

Владимир Левтонов

К статье Г. П. Игнатъевой «Побеги из Шлиссельбургской крепости»

Бронислав Шварце

Ил. 1. Неизвестный фотограф
Шкаф с книгами из тюремной
библиотеки. Около 1928
Фотография

Ил. 2. Фулье Альфред. История
философии.— Б. г. Б. м. Изда-
ние Д. П. Ефимова. Титульный
лист. Кат. № 11

Ил. 3. Мутер Р. История живописи
в XIX веке. — СПб.: изд. товари-
щества «Знание», 1900. Т. II. Вып.
III. Титульный лист. Кат. № 39

Ил. 4. Тарле Е. Е. История Ита-
лии в Новое время.— СПб.: изд.
Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901.
Титульный лист. Кат. № 43

Ил. 5. Письма А. П. Чехова. (1876—1887) — М.: кн. изд-во писателей в Москве. Б. г. Т. I. Титульный лист. *Кат. № 97*

Ил. 6. Дзиобек О. Курс аналитической геометрии. Ч. 1. Аналитическая геометрия на плоскости / Перевод с немецкого. — Одесса: изд. «Матезис», 1911. Титульный лист. *Кат. № 137*

Ил. 7. Ковалевский Гергард. Основы дифференциального и интегрального исчисления / Перевод с немецкого. — Одесса: изд. «Матезис», 1911. Титульный лист. *Кат. № 138*

Ил. 8. Морозов Николай. Начала векторальной алгебры в их генезисе из чистой математики. — С.-Петербург: изд. т-ва «Общественная польза», 1909. Титульный лист. *Кат. № 140*

Н. К. Герасимова

Узник двух крепостей

15 октября 1919 года комиссар 6-й стрелковой дивизии Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин) во главе небольшой группы бойцов преградил путь белогвардейцам, чтобы дать возможность обозам и артиллерии основного отряда отойти за село Русско-Высоцкое. Они дрались до конца и пали смертью храбрых... 14 декабря того же года прах В. О. Лихтенштадта был перенесен на Марсово поле.

Историки уже не раз писали о сложном пути в революции, который прошел этот человек: от участия в эсеровских террористических актах, заключения в Петропавловской крепости в ожидании смертного приговора, отбывания каторги в Шлиссельбурге до боев под Петроградом на стороне большевиков.

В 1990-х годах, благодаря ранее не опубликованным источникам, у нас появилась возможность уточнить некоторые страницы биографии Лихтенштадта, по-иному взглянуть на пройденный им путь.

По роду своей музейной деятельности мне посчастливилось познакомиться с дочерью жены Владимира Осиповича Марией Михайловной Тушинской¹. Мы встретились при подготовке к печати воспоминаний заведующего арестантскими помещениями Петропавловской крепости полковника Георгия Алексеевича Иванишина². Несколько страниц в «Записках...» было посвящено В. О. Лихтенштадту и его жене Марии Михайловне Звягиной, узникам тюрьмы Трубецкого бастиона. И вот тогда-

¹ Мария Михайловна Тушинская (1915 г. р.) — врач-терапевт, окончила биофак Ленинградского государственного университета, аспирантуру при I Медицинском институте им. академика И. П. Павлова, кандидат медицинских наук, доцент, много лет проработала в поликлинике АН СССР.

² Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 477–575.

то Мария Михайловна Тушинская и предоставила нам уникальные письма³ Владимира Осиповича к ее матери, которые ныне хранятся в рукописно-документальном фонде ГМИ СПб. Письма, повествующие об удивительной истории любви, которая тесным образом сплелась с Историей. Синтез разнообразных источников — устных рассказов, писем, «Записок» Г. А. Иванишина — позволил выявить не только детали, связанные с революционными судьбами узников тюрьмы Трубецкого бастиона, но и увидеть за политическими коллизиями живую ткань человеческих отношений.

Как странно, как удивительно... Этих людей уже давно нет в живых. Он убит, она умерла в 1942-м. А перед нами лежат письма, и чувства, заключенные в них, продолжают жить...

История этой любви началась осенью 1904 года. В дачном поселке Райвола (ныне пос. Рошино) под Петербургом познакомились двое молодых людей. Он — студент Петербургского университета, 1882 года рождения, сын статского советника. Она — слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов, 1886 года рождения, дочь статского советника. Романтически настроенные, широко образованные (Владимир долго жил за границей, учился в Лейпцигском университете, изучал химию, математику, знал несколько языков, увлекался философией, Мария Михайловна изучала французский, писала стихи), они вскоре стали необходимы друг другу. 3 февраля 1906 года молодые люди обвенчались в Александро-Невской церкви Санкт-Петербургской тюрьмы, в народе прозванной «Крестами», попав туда случайно: просто проходили мимо.

Обычное начало, но у каждой любви свой неповторимый путь. Путь этой молодой семьи был тесно связан с революционным движением. С лета 1906 года Лихтенштадт, не вступая в члены партии эсеров-максималистов (левое крыло партии эсеров), стал активным помощником организации. Он принимал самое непосредственное участие в подготовке двух крупнейших акций, совершенных максималистами в Петербурге в 1906 году. Одна из них в настоящее время широко известна — это покушение на

³ Архив Лихтенштадта насчитывает около 800 единиц хранения. Частично материалы были опубликованы в историческом альманахе «Минувшее». М.; СПб, 1996. Вып. 20 / Письма В. О. Лихтенштадта к М. М. Тушинской / Публикация Н. К. Герасимовой и А. Д. Марголиса.

министра внутренних дел П. А. Столыпина 12 августа на Аптекарском острове. Другая менее известна — это крупнейшая экспроприация периода Первой русской революции.

14 октября 1906 года, около 11 часов утра, на углу Екатерининского канала и Фонарного переулка карету помощника казначея Петербургской портовой таможни Германа, конвоируемую шестью конными жандармами, остановили взрывы бомб. Служащие таможни, сопровождавшие груз, и жандармы в страхе разбежались, оставив в карете два мешка с деньгами. Экспроприаторы перенесли мешки в пролетку, в нее вскочила «дама под вуалью» Адель Каган, и пролетка умчалась прочь. Похищено было около 400 тысяч рублей.

Примкнув к организации незадолго до 12 августа, Лихтенштадт принимал участие в подготовке снарядов для упомянутых акций, так как в течение августа-октября в его ведении находились все технические средства. Мы можем только предполагать, почему одухотворенный, интеллектуальный юноша, каким был Владимир Лихтенштадт, вступил на столь жестокий путь борьбы. Отчасти объяснение этому поступку мы находим в протоколах его допросов и в одном из писем, написанных в крепости: «<...> в возможность социального переворота не верю, террору большого значения не придаю, а некоторые формы его считаю недопустимыми, тем не менее считаю террор проявлением чувства мести по отношению к силам, враждебным конституционализму, и сочувствую людям, берущим на себя роль мстителей <...> Я согласился принять участие в деятельности организации. Присутствуя затем на общем собрании, я отказался на нем от голосования поднятых вопросов, но остался затем при организации, исполняя различные поручения, т. е. переноску различных вещей, оружия, устройства явок, передача писем <...>»⁴. Кроме того, нельзя не принимать во внимание и ту атмосферу революционного фанатизма и жертвенности, которая царила в умах многих молодых людей тех лет.

После дерзкой акции 14 октября вся полиция Петербурга была буквально поднята на ноги. В полицейские участки попало несколько десятков человек, многие — по недоразумению.

Владимира Осиповича и Марию Михайловну арестовали 15 октября 1906 года на даче в Лесном. И с первого же дня

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 203. Д. 10475. Л. 527.

заточения из «Крестов» полетели письма «Ея Высочеству Марии Михайловне Лихтенштадт в Дом предварительного заключения». Привычка обмениваться письмами, записками сложилась у молодых людей с первых же недель знакомства и стала нормой их существования. Из «Крестов» Владимир Осипович писал жене так часто, как позволяли тюремные правила — два раза в неделю.

28 октября 1906 года: «<...> мы увидимся, конечно, увидимся, у нас будут опять слова — понятные, непонятные, близкие, далекие, смеющиеся, тоскующие, воскрешающие жизнь или погребаящие ее <...> у нас будут наши тайны — будет наша весна и наша осень»⁵.

6 ноября 1906 года: «Маруся, Маруся, родная, дорогая, моя Маруся, как я люблю тебя! Если бы были у меня все цветы земли, я закидал бы тебя ими, тебя, мою Марусю! И если бы были у меня все звезды мира, я засыпал бы ими тебя, тебя, моя Маруся! И я собрал бы все звуки и все краски, какие есть во вселенной, и из них построил бы тебе замок — тот замок, ты помнишь, я обещал тебе его когда-то? И высоко, высоко над землей, над ее пошлостью и грязью, вознеслась бы моя царевна, моя единственная царевна <...>»⁶.

В письмах он продолжал непрерывный разговор с любимой обо всем на свете: о М. Сервантесе, Г. Гейне, И. С. Тургеневе, А. Шопенгауэре, М. Штирнере, о философских категориях.

«Когда я теперь думаю о тебе, — писал Владимир в письме от 9 ноября 1906 года, — мне кажется, что мы с тобой всегда были вместе, что ты сопровождала меня во всех моих рыцарских странствиях и исканиях, во всех моих радостях и печалях <...>»⁷.

Сквозь сдержанные неторопливые повествования 27 ноября 1906 года прорываются отчаянные нотки: «Где ты? Где ты, моя Маруся, — откликнись, Расскажи мне о себе <...> Если бы я только знал, что ты на свободе и здорова — я больше ни о чем не спрашивал бы <...>»⁸.

Лишь через шесть недель после разлуки он получил от нее первое письмо. Столь долгое молчание, по всей вероятности, было

⁵ ГМИ СПб. РДФ. КП-410033.

⁶ Там же. КП-410035.

⁷ Там же. КП-410036.

⁸ Там же. КП-410038.

вызвано переводом подследственного в Петропавловскую крепость, к узникам которой письма доходили сквозь многочисленные цензурные барьеры. С этого момента его письма напоминают лекции, которые он «читает» ей, — о А. Шопенгауэре, о М. Штирнере, о философии, но во всех хоть одна строчка о Марусе: «Твои письма — самые яркие минуты в моей жизни сейчас <...>»⁹.

Жизнь узников, действительно, не отличалась яркостью и многообразием. Нелегкие условия существования усугублялись тревогой за будущее. После ареста Лихтенштадта обыск в Лесном практически ничего не дал. Мария Михайловна Тушинская вспоминала, что ее матери удалось передать брату на волю информацию о взрывчатке, хранившейся в подвале дома. Взрывчатка была уничтожена. При повторном обыске полиция ничего не нашла.

1 ноября 1906 года подследственного Лихтенштадта перевели в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В ходе следствия с помощью «откровенных» показаний двух членов организации была определена степень его участия в подготовке акций максималистов. Почти десять месяцев просидел Владимир Осипович в крепости, ожидая суда. Из нескольких процессов по делу организации эсеров-максималистов его дело было выделено особо. Он имел все основания думать, что его казнят. Прекрасно сознавая свое положение, узник держал себя бодро и продолжал работу. В крепостной камере перевел нашу-мевшую в ту пору книгу «Пол и характер» рано ушедшего из жизни австрийского писателя Отто Вейнингера. Для редакции «Нового времени» — программное произведение немецкого философа Макса Штирнера «Единственный и его достояние». Делал переводы предшественника французского символизма Шарля Бодлера. Здесь же написал пьесу «Мечты и жизнь», посвященную событиям начала Первой российской революции, интересную содержащимся в ней анализом возможных путей развития общества в революционную эпоху. Работа над пьесой была для Владимира Осиповича способом разобраться в недавних событиях, участником которых он был.

И, конечно, узник много читал: В. Корнелиуса и Б. Спинозу, Г. Риккерта и Н. А. Бердяева, а для души — А. П. Чехова, Г. Ибсена, К. Гамсуна, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Андреева.

⁹ Там же. КП-410039.

Марию Михайловну после полутора месяцев пребывания в Доме предварительного заключения перевели в камеру № 60 того же Трубецкого бастиона. Она оказалась совсем рядом с мужем, который находился в камере № 66, но переписываться и иметь свидания им, как проходившим по одному делу, было строжайше запрещено.

15 марта 1907 года Марию Михайловну освободили «за недостаточностью улик». Вскоре Владимир Осипович был переведен в камеру № 60, где зимой сидела его жена. После ее освобождения переписка между супругами возобновилась.

Военно-окружной суд по делу Лихтенштадта назначили на 21 августа 1907 года. Обвиняемому инкриминировали оказание помощи лицам, совершившим 12 августа 1906 года на Аптекарском острове покушение на убийство председателя Совета министров П. А. Столыпина. О дате суда объявили за несколько дней.

Владимир Осипович отказался от защиты, мотивируя это следующим образом в письме к жене от 18 августа 1907 года: «<...> ужасно наивно думать, будто две-три фразы защитника могут повернуть все дело. Лично-то я убежден, что приговор уже предreshен, но если даже нет, то защита нисколько не может, скорее, испортит. <...> Так, что если соглашусь на защиту, то будет хуже <...> А о жизни не просят — это так, молчат»¹⁰. И все-таки он согласился. Защищал его отставной генерал-лейтенант Александр Фомич Бобянский.

Накануне суда Владимир Осипович написал Марии Михайловне очень длинное письмо, которое трудно назвать письмом, скорее, это запись того нескончаемого разговора, который он вел с женой на протяжении всей разлуки. Письмо-рассуждение о пережитом, о прочитанном, о любви, трусости, силе, слабости. Письмо-воспоминание, признание, желание до конца раскрыться перед любимым человеком, высказать все сокровенное, чего уже не будет возможности сказать потом. В нем есть такие строки: «Знаешь, это действительно глупо, что я все о себе. Надо бы именно о тебе писать, потому что через тебя же я буду жить дальше <...> Я не представляю себе тебя одну и не представляю ни с кем из тех людей, которых я знаю <...> Собственно говоря, я представляю тебя с собой, ну, а если нет, то <...> И я думаю, такой же должен найтись. Он в одном будет похож на меня,

¹⁰ Узники Шлиссельбургской крепости: Сб. Л., 1978. С. 292.

в другом — нет. И ты ему будешь много рассказывать обо мне. Так что я буду жить не только в тебе, но и в нем <...>»¹¹.

На следующий день военно-окружной суд вынес Лихтенштадту смертный приговор. 23 августа 1907 года осужденный написал жене прощальное письмо.

«Примем и это: последнее прощание на бумаге. Знаешь, что значит — последнее? Что приобретено право не думать о будущем <...> что оно не имеет больше власти над нами, оно не может уже ворваться и разрушить то, что сложилось, не может изменить прошлого <...> Значит, решено: я исчезаю и в то же время остаюсь с тобою навсегда <...>

К тебе и о тебе мое последнее слово. Владимир»¹².

Марии Михайловне не суждено было получить это письмо. Оно не дошло до адресата, осело в недрах департамента полиции, впоследствии превратилось в единицу хранения Государственного архива Российской Федерации. Письмо было задержано до подтверждения приговора. После решения суда адвокат Бобянский, мать Владимира Осиповича, Марина Львовна¹³, и жена, Мария Михайловна, послали в высшие судебные инстанции прошения о помиловании близкого им человека. Теперь трудно сказать, что повлияло на решение сильных мира сего: недостаточность улик, мольбы родственников или изменившаяся политическая ситуация, но так или иначе смертная казнь приговоренному была заменена бессрочной каторгой. Но тогда, 23 августа 1907 года, он еще не знал об этом, знали только его близкие. Вот какую запись сделал в этот день в своем дневнике заведующий арестантскими помещениями крепости Иванишин: «<...> предо мной предстала жена Лихтенштадта, Мария Михайловна. Глаза ее сияли радостью, на лице улыбка, на груди приколоты ветка пунцовой розы. Она схватила мои руки своими двумя маленькими ручками: Вы слышали о нашей радости? Волodyю помиловали: смертная казнь заменена ему пожизненной каторгой. Я ответил, что слышал. Она не выпускала моих рук из

¹¹ Минувшее. М; СПб., 1996. Вып. 20. С. 130.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 203. Д. 10475. Л. 177–177-а.

¹³ Марина Львовна Лихтенштадт (Гросман) (1852–1935) — переводчица. В 1907–1917 гг. целиком посвятила себя работе в «Группе помощи политзаключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы». Впоследствии переводчица ленинградского отделения ГИЗа.

своих, жала их крепко, и начала просить, чтобы я сообщил Володе. Но я сказал, что не имею права этого сделать, пока не получу официальное уведомление, иначе можно породить надежды и вдруг окажется жуткое разочарование, в случае, если это известие несправедливо <... > Вы хотя бы войдите к нему с веселым лицом, и он догадается. Я все ж таки не мог дать ей на это согласие. Она продолжала держать мои руки и стояла вся трепещущая любовью к своему Володе»¹⁴.

В РДФ ГМИ СПб хранятся два коротких письма от помощника главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа М. А. Газенкампа¹⁵ (от этого человека зависело окончательное утверждение приговоров военно-окружных судов). Письма были адресованы М. М. Лихтенштадт в ответ на просьбы о помиловании мужа. Вот одно из них от 18 сентября 1907 года:

«Теперь пребывают сии три: вера,
надежда, любовь, но любовь —
всегда больше»
(1-е послание на Коринф. 13;13)

Глубоко потрясло меня Ваше письмо, Мария Михайловна: сохраняю его на память. Счастлив, что мог пощадить бесценную для Вас жизнь любимого человека, не отступая от долга присяги и согласно с верховным голосом совести.

Сохраните любовь, которая все превозможет. Верьте, надейтесь, и эта вера Ваша, да будет с Вами! Благословенье Господне на Вас! М. Газенкампа»¹⁶.

На внутренней стороне конверта, в котором хранится письмо, рукой Марии Михайловны была сделана карандашная, едва различимая теперь надпись: «Это ты прочтешь после моей смерти — может быть, в этом единственном счастье умереть раньше тебя судьба мне не откажет. Может быть, тебе бросят когда-нибудь, как мне, обвинение в том, что я унижалась и “вымали-

¹⁴ ГМИ СПб. РДФ. КП–352712.

¹⁵ Михаил Александрович Газенкампа (1843–1913) — генерал от инфантерии, военный деятель и писатель, профессор кафедры военной администрации Николаевской академии Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В указанной должности состоял с 1905 по 1913 г.

¹⁶ ГМИ СПб. РДФ. КП–420080.

вала” твою жизнь. Я хочу, чтобы ты сам судил, сделала ли я что-либо предосудительного, чтобы защитить тогда мою любовь. Куда пропал черновик, я не знаю, сохранился ответ, который я всегда вспоминала, когда мне приходила на память фраза — “вы висели на сапоге у Газенкампа”. У меня и сейчас бьется сердце от этих слов. Я часто думаю, что почувствуешь ты, если услышишь что-либо подобное и мне казалось, что было значит и в любви моей что-то властное, что-то понятное и для тех с кем не могло быть общего языка».

Так случилось, что эти строки Владимиру Осиповичу не суждено было прочесть никогда. Началась «бессрочная каторга», которая «по милости» властей должна была закончиться смертью осужденного. Сколько ему предстояло прожить на каторге, никто в ту пору не знал, а жить было надо и жить достойно. А ей предстояло ждать, ждать и ждать...

В эти годы она дружила с Е. И. Васильевой (урожденная Дмитриева; литературный псевдоним Черубина де Габриак), была знакома с Н. С. Гумилевым и М. А. Волошиным, который оставил в своих дневниках запись о знакомстве с ней и посвятил ей стихотворение (январь 1913). Елизавета Ивановна Васильева также писала о ней в своих стихах (1907–1908).

Переписка между супругами продолжалась, но письма из Шлиссельбурга приходили все реже и реже. Сказывалось воздействие Времени. В 1914 году, через восемь лет после ареста, Мария Михайловна встретила того, «другого человека», которого оба они не могли представить себе в 1907. Но жизнь, стремление продолжить ее в детях, оказалась сложнее и сильнее высоких представлений о ней. В 1915 году Марии Михайловне разрешено было свидание с узником Шлиссельбургской крепости для развода. После него Владимир Осипович сделал в своем дневнике следующую запись: «4. X. 15 г. Сегодня была Маруся: у нее девочка. Я сказал ей — и написал маме, что я рад за нее. Меня все эти годы тяготило, что я приковал и ее к тюрьме, к каким-то ожидаемым возможностям, не давая ничего в настоящем. Какая-то сверхплатоническая любовь <...> Как странно! Ведь уже года два я очень мало думал о ней — больше скользил мыслью, наше будущее на воле отчасти даже пугало меня — и вдруг такое глубокое ощущение отрыва, одиночества, грусти <...>»¹⁷.

¹⁷ Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 132; ГМИ СПб. РДФ. КП-412232.

Шлиссельбургский период заключения Лихтенштадта продолжался с марта 1908 по 1917 год.

Никогда не расставаясь с книгой, он продолжал и здесь читать, учиться и творить все эти годы. Его товарищ по каторге И. П. Вороницын вспоминал: «То он интересуется новейшими течениями в физике, то изучает испанский язык, чтобы в подлинниках прочесть новейшие произведения испанской литературы. Его лингвистические познания были огромны. Кроме английского, французского и немецкого языков, в тюрьме он изучил итальянский, датский, испанский, в совершенстве знал греческий и латинский.

Учит грамоте крестьян, аграрников, когда его перевели к ним в камеру. В то же время со словарем Даля он учится у них, собирает слова, корни, отыскивает происхождение различий в обозначениях одних и тех же вещей, орудий земледельческого труда. Кое-что из собранного материала он послал в редакцию Словаря»¹⁸. В эти годы он написал книгу «Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания», которая была издана в Петрограде в 1922 году уже после смерти ее автора.

Владимир Осипович был одним из самых деятельных организаторов шлиссельбургской тюремной библиотеки, которая была составлена благодаря огромной помощи его матери Марины Львовны Лихтенштадт. К 1917 году библиотека насчитывала до 10 тысяч томов¹⁹. Кроме того, он вел большую работу по оказанию помощи нуждающимся заключенным. Вместе с Мариной Львовной, возглавлявшей «Группу помощи политическим заключенным Шлиссельбурга», он наладил снабжение подарками и медикаментами всех, кто в этом нуждался. Список его начинаний можно было бы продолжить.

Благодаря своей деятельности, а также прекрасным личным качествам, Владимир Осипович был известен всей тюрьме.

«Отзывчивость Лихтенштадта, — вспоминал шлиссельбуржец В. Градский, — участие в общественной жизни и выдающееся

¹⁸ Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков, 1922. С. 73.

¹⁹ Подробно о тюремной библиотеке см.: Игнатьева Г. П. К истории библиотеки Шлиссельбургской крепости; Книги библиотеки Шлиссельбургской крепости. Каталог. Публикуются в настоящем издании. С. 194–262.

самообладание, не дававшее никогда почувствовать обращающимся к нему с серьезными или пустяковыми вопросами, что он ставит себя на высшую ступень, создавали ему в каторжанской среде громадную популярность и всеобщее уважение. Та независимость и прямота, которой он держался в сношениях с администрацией и надзирателями, лишь усиливали уважение и делали его образцом для поведения всех остальных»²⁰.

Владимир Осипович, конечно же, оказался в гуще событий, которые произошли в Шлиссельбурге после 28 февраля 1917 года. Освобожденный восставшими рабочими Шлиссельбургского порохового завода в числе первых политзаключенных, Лихтенштадт был избран членом революционного комитета завода. Комитет решал вопросы освобождения заключенных, снабжения их одеждой и пищей, устройства их на работу, отправки на родину и др. Каторжанам выдавались особые удостоверения, в которых говорилось, что они получили свободу по воле восставшего народа.

В феврале 1917 года Владимир Осипович снова встретился с Марией Михайловной. Теперь она носила фамилию мужа — Тушинская²¹. И чувство любви друг к другу, вероятно, никогда не исчезавшее, вспыхнуло вновь. К этому моменту она была уже свободна от обязательств перед отцом своего ребенка, но развод не был оформлен. Из-за многих сложных семейных обстоятельств они не смогли вновь соединить свои судьбы, но переписка между ними продолжалась до самой гибели Владимира Осиповича.

Мария Михайловна, уехавшая из Петрограда в сентябре 1917 года к своей матери в Геленджик, вернулась в начале 1920-х годов. Работала служащей в различных учреждениях города, умерла в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года, похоронена на Серафимовском кладбище.

Документы В. О. Лихтенштадта и письма к М. М. Тушинской 1917—1919 годов позволяют до некоторой степени восстано-

²⁰ Градский В. Шлиссельбургская каторга. Былое. 1924. № 26. С. 130—131.

²¹ Мария Михайловна Звягина (Лихтенштадт) в 1914 г. вышла замуж за врача Михаила Дмитриевича Тушинского (1882—1962; впоследствии академик АМН СССР), рассталась с ним в 1917 г. и перестала носить его фамилию.

вить его биографию послетюремного периода, которая была плохо известна историкам. Благодаря этим источникам, мы можем почти с полной уверенностью сказать следующее. После освобождения из тюрьмы, в марте 1917 года, он был избран членом революционного комитета Шлиссельбургского района, исполнял функции по оказанию помощи в дальнейшем устройстве бывшим политзаключенным. В июне Лихтенштадт был послан Исполкомом Петросовета в качестве представителя группы Освобожденных шлиссельбуржцев, в составе делегации рабочих, сопровождавших первомайские подарки для солдат, на Западный фронт. В Минске он заболел воспалением легких и был вынужден месяц провести на больничной койке. В конце июля вернулся в Петроград. С сентября 1917 года работал в Рождественской районной управе Городской думы в культурно-просветительной комиссии и в комиссии по охране труда. В ноябре был членом Рождественской участковой комиссии по выборам в Учредительное собрание, после роспуска большевиками эсеро-меньшевистской Городской думы — в Союзе защиты Учредительного собрания. Весной 1918 года от Союза городов принимал участие в экспедиции по спасению конского состава в прифронтовой зоне под Петроградом. Под началом Союза городов весной того же года им была создана юношеская земледельческая колония в Александрино (бывшее имение графа А. Д. Шереметева на старой Петергофской дороге). Колония насчитывала около 90 человек. Несмотря на то, что дела у коммунаров шли неважно (урожай оставлял желать лучшего), к началу 1919 года Лихтенштадту удалось, преодолевая бесчисленные бюрократические препоны, добиться расширения обрабатываемых земель до тысячи десятин, создать ферму, конюшню, оранжерею. На базе земледельческой артели была создана школа трудового воспитания подрастающего поколения.

Казалось, жизнь начала налаживаться, мечты начали сбываться, но именно в этот период Владимир Осипович пережил серьезнейший духовный кризис, состояние борьбы с самим собой в поисках единственно верного жизненного пути. Дело в том, что, выйдя из Шлиссельбурга, он примкнул к лагерю меньшевиков, что по понятным причинам до некоторых пор опускалось из опубликованных материалов его биографии, так как нарушало прекрасно выстроенную легенду о прямой трансформации эсера-террориста в большевика-ленинца под влиянием узников Шлиссельбурга, таких как Г. К. Орджоникидзе. Но

Владимир Осипович прошел гораздо более сложный путь духовных исканий. С осени 1918 года переход на сторону большевиков стал основной темой его писем к Тушинской. Особенно повлияло на его выбор известие о революции в Германии. В январе 1919 года он написал заявление о вступлении в Российскую коммунистическую партию и одновременно просил направить его на фронт, ибо только такой путь он считал честным после своих негативных высказываний в адрес большевиков. Это очень характерный поступок для Лихтенштадта — быть честным прежде всего перед самим собой.

Весной 1919 года Владимир Осипович получил партийное поручение — принять участие в организации и выпуске первого номера журнала «Коммунистический Интернационал». Он стал заведующим издательством «3-го Интернационала», с честью выполнил это задание. Сутками не выходя из редакции и типографии, он завершил работу в срок.

Летом 1919 года Лихтенштадт ушел на фронт. Перед отъездом он послал Марии Михайловне письмо, в котором были строки, как бы подводящие итог его исканиям: «Вступаю на этот новый путь, внешне, может быть, “ужасный” для мягких душ, но внутренне самый честный, откровенный и чистый в наше кошмарное время. — Сейчас особенно ярко горит любовь, и я верю, что прав в войне и прав в любви, все-таки прав, несмотря ни на что»²².

²² Цит. по: *Кибальчич В. Л.* Владимир Осипович Лихтенштадт в редакции «Коммунистического Интернационала» (перевод с французского). ГМИ СПб. РДФ. КП-426928.

О. В. Левтонова

Последний Шлиссельбург (1907–1917)

Владимир Николаевич Левтонов (1889–1938) был одним из представителей революционного движения в России. Вступив в партию социалистов-революционеров еще в гимназические годы, он решил посвятить себя борьбе за социальную справедливость. Канва его жизни — арест в 18 лет, венчание в тюрьме, вынужденная эмиграция, шлиссельбургская каторга, кандалный путь в Сибирь — могла бы показаться романтической, если бы не трагический конец: расстрел в 1938 году.

В 1930-е годы отец мой задумал написать воспоминания. Его побудила к этому мысль о том, что прославленный Шлиссельбург «имеет прекрасно обработанные первые страницы своей истории с самого своего возникновения и не имеет последней страницы, которая еще не написана. <...> То обстоятельство, что эта последняя страница истории Шлиссельбурга не написана еще до сих пор, несмотря на многочисленность политкаторжан, сидевших в Шлиссельбурге последних лет его существования, заставляет предполагать наличие каких-то специфических трудностей»¹.

¹ Воспоминания В. Н. Левтонова здесь и далее цитируются по книге: *Левтонова О. В. Шлиссельбуржец Владимир Левтонов*. Калуга: издание семьи Левтоновых, 2000. В сборнике «На каторжном острове» его редактор Ю. Д. Марголис упоминает о том, что в 1930-е годы руководство страны считало нецелесообразным публиковать такого рода воспоминания. И даже во второй половине 1960-х ситуация оказалась не менее сложной». Приведу выдержки из переписки Ю. Д. Марголиса с моей матерью, М. А. Левтоновой: «14.12.1965 г.: <...> надеюсь крепко, нет, почти уверен, что в “Шлиссельбургском сборнике” воспоминания Владимира Николаевича увидят свет, — в 1966 году, как я писал. ... 8.01.1968: <...> думаю, что теперь удастся опубликовать и самые воспоминания В. Н., а не только его портрет (что само по себе было большой победой)».

Сознавая, что время не ждет, отец хотел своим личным примером «вызвать еще живых товарищей по Шлиссельбургу на воспоминания, но не в порядке бессистемного перечня тех или иных еще не забытых фактов ... а в порядке мобилизации своей памяти под определенным углом зрения — подтверждения или опровержения некоторых обобщений и выводов по истории русского революционного движения периода последнего Шлиссельбурга». Исходя из этих соображений, автор воспоминаний, озаглавленных «Последний Шлиссельбург», пытался сопоставить его со старым, народовольческим Шлиссельбургом, определить тип «революционеров-массовиков», в отличие от отдельных личностей, отдельных революционеров, каковыми являлись народovolьцы. Он подчеркивал особую роль Шлиссельбурга: «Как в природе встречаются земляные обнажения среди гор, по которым, не сходя с одного и того же места, можно изучать наслоения и образования земли, так и в истории революционного движения Шлиссельбург, составом своих заключенных и своим режимом, отражает все основные вехи, пути и повороты социально-революционной борьбы в России».

В своих воспоминаниях отец не только дал представление о новом типе «революционера-массовика», но и об изменившемся к этому времени внешнем облике Шлиссельбурга, так описывая эти преобразования: «В 1906 году Шлиссельбургский остров подвергся капитальной достройке и перестройке. Военно-жандармская крепостная бутафория упраздняется. Над двухэтажной казармой, которая превращается в тюремный — с восьмью камерами по 15–20 человек в каждой — корпус № 1 (“Зверинец”), надстраивается новый, третий этаж — больница (человек на 100, с особо изолированным, заразным отделением, человек на 45), где, впрочем, все время содержались на карцерном положении каторжане не по назначению врача, а по усмотрению тюремной администрации.

“Старая” тюрьма тоже получает надстройку и превращается в двухэтажный тюремный корпус № 2, человек на 100–200, — по существу, тоже большой светлый карцер. Народовольческий корпус (так называемая “новая” тюрьма) остается без изменения и получает наименование корпус № 3. Но вокруг него возводится ряд служебных построек — кухня, баня, прачечная, водонапорная башня.

Заново строится 4-этажное (считая и полуподвальный этаж) массивное здание 4-го корпуса, с двадцатью одной общими

камерами — 20–22 человека каждая, — с сорока одиночками и с большими ткацкими и столярными мастерскими.

Наконец, возводятся два четырехэтажных надзирательских корпуса. Все это строительство вылезает поверх старых крепостных стен, единственно оставшихся признаков “крепости”.

Остров начинает жить довольно кипучей жизнью. На каждом шагу, в каждой мелочи видна связь с вольной жизнью, и из верхних этажей каторжане видят вольные пейзажи. А воля видит из-за как-то снизившихся, ставших менее заметными стен выпиравшую из-за них Шлиссельбургскую Образцовую Центральную Каторжную тюрьму, которая связана многочисленными, самыми разнообразными, неразрывно-крепкими нитями с вольной жизнью».

Особое внимание Левтонов уделил описанию начальника этой новой образцовой тюрьмы — Зимберга: «Лишенный какого бы то ни было внутреннего содержания, мелочно-расчетливый и хитрый, он имел большое стремление к тому, чтобы все у него было “как полагается”, в полном порядке — не хуже чем в Европе <...> Из эстонцев по происхождению, он изо всех сил старался сойти за немца. В результате получался вполне приличный грим “под европейца” — довольно солидная начальническая видимость <...> он окончательно утвердил в Шлиссельбурге режим законности, как ее определял XIV том царского свода законов, носивший именование тюремного устава.

Режим этот покоился на двух принципах:

во-первых, не давать ни малейшего формального повода для обвинения администрации в незаконности...

во-вторых, не давать никоим образом сколачиваться коллективу — в камере, в корпусе, в мастерской...

Нагайки и плети не свистели в Шлиссельбурге, зубы не сыпались из каторжных челюстей, и кровь не текла из их носов под кулаками администрации. Но на карцерах, на удлинении кандалного срока, на систематических переводах из камеры в камеру, из корпуса в корпус, на моральных унижениях, на целом ряде с виду мелочных лишений — игра велась очень хитро и подло, доводя многих до тихой и незаметной смерти, а других — до какой-то жути, от которой хотелось самому, как угодно, но разорвать эту липкую паутину тюремной законности и добиться перевода в другую тюрьму».

Каким же образом целому ряду политических заключенных удавалось в столь чудовишно-беспощадных условиях тюремной

изоляции сохранять присутствие духа и человеческий облик? Ответ на этот вопрос можно найти на страницах воспоминаний. Характерной чертой для последнего Шлиссельбурга являлось, по утверждению моего отца, неуклонное стремление к массовому коллективному самообразованию. Значительную роль в этом играла библиотека, созданная усилиями родных политзаключенных, которые добились ее пополнения научной литературой. Будучи некоторое время библиотекарем, отец получил возможность негласно проводить активную революционно-просветительскую работу среди заключенных самого разного толка и степени образованности, начиная от малограмотных и включая тех, кто изучал иностранные языки, математические дисциплины, промышленную технику и сельское хозяйство, а также классическую литературу и историю. В рукописи отца приводятся интересные сведения о содержании библиотеки, постепенном расширении ее тематики, благодаря вытребованному разрешению на заказ книг самими заключенными².

Свойственная отцу увлеченность во всем, за что он брался, умение убеждать и найти подход к каждому собеседнику воодушевляли тех, кто нуждался в моральной и духовной поддержке. На его занятиях велась конкретная подготовка к жизни на воле, к той будущей жизни, которая настанет после выхода из тюрьмы, в арестантов вселялась надежда и уверенность в своих силах. Эта особенность натуры отца проявлялась и в дальнейшем — в различных областях его профессионально-творческой деятельности, а также в семейном быту, особенно в воспитании детей. Причем, не только своих — нас было трое: помимо меня, еще старшие брат и сестра, — но и наших сверстников. Немалую роль играл необычный подбор книг, которыми и мы, и наши друзья зачитывались.

Характеризуя обстановку в Шлиссельбурге, автор рукописи писал: «В других тюрьмах было явное насилие живого врага, со стороны которого была видна живая вражда, ненависть, были

² Подробно о тюремной библиотеке см.: *Игнатьева Г. П.* К истории библиотеки Шлиссельбургской крепости; Книги библиотеки Шлиссельбургской крепости. Каталог. Публикуются в настоящем издании. С. 194–262. В нашей семье сохранились книги со штемпелями «Шлиссельбургская каторжная тюрьма»; среди них: «Историческая физика», «Аналитическая геометрия», логарифмические таблицы и др.

какие-то признаки яростной борьбы и пафоса этой борьбы. Здесь, в Шлиссельбурге, было мертвяще тихое, почти вежливое насилие законности, которую ничтожество в лице Зимберга сделало пьедесталом своего мелкого благополучия, кошачьей игры с сотнями закованных людей. Именно поэтому к Зимбергу нельзя было придаться ни по служебно-ведомственной линии, ни — что особенно важно — по линии общественного мнения, которое было в достаточной мере мобилизовано вокруг Шлиссельбургской каторжной тюрьмы <...>

Революционеры, вмененные в меньшинстве в массу уголовных, принуждены были вести борьбу на два фронта: с администрацией, с одной стороны, и с уголовными сокамерниками, с другой стороны <...> В Шлиссельбурге эти две полярные группировки — несомненных революционеров, с одной стороны, и несомненных уголовных — с другой — составляли немногим больше половины всех заключенных: что-нибудь около трех пятых, причем из этих трех пятых одна пятая приходилась на политических, а две пятых — на уголовных.

Что же представляли из себя остальные две пятых каторжанской массы? Эта промежуточная часть каторжан не была однородна; в ней следует различать три неравных слоя. Один — самый небольшой по количеству слой — это люди, которые сами искренне или фальшиво считали себя ярыми, самыми “настоящими” революционерами, но объективно таковыми не были. <...>

Второй — довольно многочисленный промежуточный строй (что-нибудь около 1/6 части всей тюрьмы) — состоял из непрофессиональных уголовников: <...> уголовные преступники, попавшие в тюрьму в первый раз и сразу — на каторгу, без предварительной “блатной” подготовки. <...>

Наконец, третий и последний промежуточный слой каторжанской массы, по количеству приблизительно равный предыдущему, <...> состоял из людей, которые сами не подозревали и не думали, что они — революционеры, но объективно преступления, приведшие их на каторгу, были неразрывно связаны со стержневым течением революции <...> Это были в основном крестьяне-аграрники, а также солдаты и матросы, попадавшие пачками на каторгу не за определенно революционные военные восстания <...>, а за одиночные воинские преступления, главным образом за оскорбление начальства. <...> В борьбе между двумя основными полярными группами — несомненными революционерами и профессионалами-уголовниками — два пос-

ледних промежуточных слоя <...> — решительно примыкали к революционерам. У этих последних они находили объяснения, понимание и обоснование своих преступлений, своего прошлого, своего будущего. <...>

Примкнув к революционерам, аграрники и военные сразу же решили и вопрос о перевесе в их пользу результатов борьбы с уголовниками <...> Больше того, известная часть этой глубоко деклассированной шпаны иногда <...> в той или иной мере тянулась к революционерам, к их укладу, к их способам превозмогать и преодолевать физическое и моральное разложение, которое причиняли каторжные условия.

В чем же заключался этот уклад, эти способы политкаторжан, позволявшие не только перенести всем известные страдания и мучения, но и не быть раздавленными ими, поддерживать и вести за собой вышеуказанные промежуточные слои каторжан и сохранять силы для революционной борьбы после выхода из каторги? <...> На этом мы прежде всего ощущали связь с народовольческим Шлиссельбургом, преемственность между ними и нами. В этом отношении наше положение облегчалось, ибо у нас были образцы для подражания и дальнейшего развития».

Вошедшая в повседневный быт каторжан самого разного толка учеба не только способствовала их сплочению, но также пробуждала творческую энергию. Это проявлялось главным образом в сочинении стихов. Мне кажется вполне уместным привести здесь стихи Г. К. Орджоникидзе, сочиненные в Шлиссельбурге в 1913 году³. Они запомнились мне с детства, когда звучали наряду с песнями из сборника «Песни каторги и ссылки» во время встреч некоторых бывших политкаторжан с отцом у нас в доме:

Друг, мужайся! День настанет!
В алом блеске солнце встанет!
Синей бурей море глянет,
Волны песней загудят!
Будет весел многоводный

³ Автор стихов, обычно приписываемых Г. К. Орджоникидзе, — узник крепости Ю. Светогор. Стихи посвящены Н. А. Морозову (см. *Игнатьева Г. П.* «Новый Шлиссельбург» в воспоминаниях, дневниках и письмах узников // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Вып. II. СПб., 1997. С. 125) — Прим. сост.

Пир широкий, пир свободный,
 Он сметет грозой народной
 Наш гранитный каземат.
 Мы расскажем миру тайны
 Долгих лет и долгих мук,
 Вспомнишь ты, сосед случайный,
 Стук приветный, стук ответный,
 Голос азбуки заветной,
 Голос камня: тук... тук... тук!
 Голос друга: «Здравствуй, друг!»

Но бывали случаи, когда некоторые политкаторжане не выдерживали гнетущей атмосферы заключения, уходили в себя и оказывались подавленными своими личными переживаниями. В своих воспоминаниях отец рассказал о двух таких шлиссельбуржцах: «Здесь мне невольно вспоминаются два товарища, умерших в Шлиссельбургской тюрьме на моих глазах. Этих товарищей ни в малейшей степени нельзя упрекнуть ни в малодушии, ни в обращении к врагу за милостью, ни в каком бы то ни было нарушении революционной этики. Но у них как-то потускнела уверенность в том, что дело революции всеобъемлюще, что только в ее победе, в коллективной подготовке этой победы, в коллективной реализации ее результатов может быть найдено решение “проклятых”, больных вопросов личной жизни. Личные тяжелые переживания слишком завладели этими товарищами и заслонили, подменили собой здоровые и живительные — особенно в тюрьме — коллективные переживания по тщательной проверке пройденных и по наметке и подготовке себя к грядущим этапам революции.

Я говорю об Энгельгардте и Еленеве.

Энгельгардт был типичным, так сказать, стопроцентным потомственным интеллигентом. У него, в его революционном прошлом, была тяжело переживавшаяся им ошибка. В качестве члена одной из боевых организаций с. р. г. максималистов, он участвовал в ошибочной (а может быть, и сознательной, злонамеренно подстроенной) казни человека, заподозренного в предательстве. Сам Энгельгардт участвовал в этом деле наряду с некоторыми другими, как один из исполнителей инструкций, исходящих из высших партийных инстанций. Но в его интеллигентском сознании, в его мучительных переживаниях на этот счет ответственность за это участие переросла свои реальные размеры, и сознание этой ответственности давило его тем сильнее, что он прожи-

вал все это замкнуто, не вынося своих переживаний на широкую коллективную проверку. <...> На почве этих переживаний болезнь (язва желудка) быстро разрушила организм Энгельгардта, значительно более крепкий физически, чем у многих других.

Еленев — тоже представитель интеллигенции, но с некоторым налетом дворянской обывательщины, которой не было у Энгельгардта, и гораздо старше его по летам (Энгельгардт был почти юноша, несмотря на отпущенную в тюрьме бороду). Еленев до ареста был некоторое время земским начальником в Смоленской губернии. Он не был типичным революционером своего времени. Он был скорее типичным спутником, сочувствующим революции, который не отказался в нужный момент перейти границы простого сочувствия, и за это он поплатился каторгой. Он не раскаивался в этом, не мучился и не терзался этим. Он без перебоев шел в ногу со всеми политкаторжанами, он не давал ни им, ни тюремщикам ни малейшего повода отделять его от всего политкаторжанского коллектива, он до конца оставался подлинным и искренним сочувствующим революции. Но внутренне он был одинок и беззащитен. <...>

Что мог он противопоставить мрачной яркости красок Шлиссельбургской каторги, этого режима систематического, законно и автоматически действующего унижения и оскорблений? Шлиссельбург безжалостно задавил его. Задавил как-то незаметно, мимоходом, без каких бы то ни было “достаточных” оснований в смысле болезней. Да и сам Еленев не сопротивлялся: он просто ослабел физически, простился с товарищами по третьему корпусу, где он сидел, пошел в больницу, лег на койку и в несколько дней умер».

По воспоминаниям отца, самыми трудными и сложными были подспудно протекавшие так называемые межпартийные дискуссии. Они проявлялись как своего рода отголоски прошлых партийных баталий и одновременно как смутное улавливание происходивших на воле событий, находивших отражение в иноказательных письмах родных, случайно найденных обрывках газет и услышанных разговорах служителей тюрьмы. Под влиянием всего этого происходила переоценка ценностей: «Очень скоро стало ясно, что не эти словесные “бои” и не эти программы — программа-максимум и программа-минимум, — носившие прокламационно-пропагандистский характер, сейчас нужны; а нужен прямой лаконичный ответ на вопрос: как сделать революцию так, чтобы в результате очутиться не на каторге, а у власти,

чтобы распоряжаться по-своему; иначе тобой будут распоряжаться вот так же, как распорядилось с нами самодержавие, несмотря даже на всю правоту и силу шедшего с нами народа.

Для этого не нужны были межпартийные дискуссии, не нужны и эти разношерстные партии, которые, по существу, были даже не партиями, а наскоро сколоченными партизанскими отрядами революционно настроенной вольницы... Для этого нужно единство цели и действия, военная дисциплина, регулярная армия революции со своими кадровиками, а не партизанщина <...> Эти мысли загорались, бродили, тушились привычными формулами из партийных программ, сами гасли от недостаточного фактического материала, снова вспыхивали <...>».

Новым рубежом в ситуации, сложившейся на шлиссельбургской каторге, стала война 1914 года. «И без того подгнившие партийные перегородки и стершиеся меж окончательного рухнули, и каторга раскололась на две части: пораженцы — с одной стороны, а с другой — сравнительно небольшая группа совсем потерявших революционное чутье и “опатриотившихся” (до победного конца, а там, мол, посмотрим). Между ними была быстро таявшая промежуточная группа, считавшая, что война должна быть принята, как способ повсеместного вооружения народа, и как борьба с германским империализмом; а братания должны организовываться не на основе сдачи оружия русских перед немцами, а на основе взаимного прекращения военных действий».

Приближался последний этап шлиссельбургской каторги. В рукописи приведены сведения о количестве смертей среди неизлечимо больных заключенных, страдающих прежде всего туберкулезом: таковых было 30 процентов в период с 1910 по 1912 год. Подытоживая пройденный путь, автор воспоминаний проследил постепенный переход от народовольческого Шлиссельбурга к Шлиссельбургу последних лет: «Между старым и новым, народовольческим Шлиссельбургом и Шлиссельбургом последним был короткий, не принадлежащий ни тому, ни другому, как бы смыкающий их период, когда там сидели первые социалисты-революционеры: Гершуни, Карпович и другие. Этот период определяется следующими объективными признаками и хронологическими датами.

Народовольцы поступали в Шлиссельбург партиями и по одиночке — всего 55 человек, из них 9 — казнены в течение 1884, 1885, 1887 годов. С 1889 по 1901 год в Шлиссельбург новых заключенных не поступало. За эти 10 лет заключенные там

народовольцы частично умерли, а частично были переведены в другие места заключения и ссылки. К началу 1901 года в Шлиссельбурге оставалось только 13 заключенных народовольцев.

В течение 1901–1906 годов в Шлиссельбург были привезены 13 (первых) ранних эсеров-террористов, из которых шесть были казнены.

Остававшиеся до революции 1905 года в Шлиссельбурге народовольцы — всего восемь человек — были освобождены из Шлиссельбурга осенью 1905 года. Сидевшие же там в это время семь эсеров-террористов были отправлены зимой 1906 года на Нерчинскую каторгу, после чего Шлиссельбургская крепость была превращена в массовую каторжную тюрьму.

Таким образом, в течение 1901–1905 годов в Шлиссельбурге находились одновременно и народовольцы, и революционеры-террористы. Но это были два различных поколения, два отличных друг от друга социально-психологических и организационных типа русских революционеров.

Народовольцы, при всех их идеологических разновидностях, представляя собой в социально-психологическом и организационном отношении тип кадрового профессионала-революционера, члена революционной организации в полном смысле этого слова. Организация эта была очень немногочисленна и оторвана от масс, но внутренне она была построена как организация регулярной службы революции. <...>

Признавая правильность и необходимость социально-политической революции, народовольцы были убеждены, что народ (крестьянские массы) готов действительно воспринять эту идею и сумеет уже сам, в силу своих здоровых инстинктов, наполнить ее конкретным содержанием — надо только эту идею довести до сознания народа, надо только ее так выявить, так осветить, чтобы победить расстояние, отделявшее от народа носителей и глашатаев этой идеи. Были испробованы все средства. Другого, лучшего “горючего”, кроме собственных жизней, не оказалось, — и этот факел были народовольцами бестрепетно зажжены. Одни — сгорели моментально, разбудив ярким светом своей жертвы многих от политического сна. Другие — остались стойко и мужественно держать пост революционной службы, учрежденный историей Шлиссельбурга, и не выдали знамени врагу до прихода смены. <...>

Между ними и новой, уже в полном смысле этого слова — регулярной и на этот раз победоносной армией революции (каковой оказалась партия большевиков), был период революци-

онной партизанщины, имевшей два русла, два периода: партизаны-террористы, представителями которых были ранние социалисты-революционеры (Гершуни, Карпович, Балмашов и др.) — и партизаны-массовики. К последним и принадлежали в основной своей массе политкаторжане последнего Шлиссельбурга. <...>

Но большинство так называемых сознательных революционеров нашего поколения, захваченного революционной партизанщиной, относились к большевикам как к людям излишне требовательным в организационном отношении, а также в отношении исключительности и чистоты пролетарско-марксистской идеологии. Но, придя в Шлиссельбург, эти партизаны, массовики революции, под влиянием всей обстановки в Шлиссельбурге, его народовольческой традиции, своего личного положения более или менее долгосрочного каторжанина, довольно скоро начинали сознавать, что партизанщина кончена и дальше — либо отход от революции (и тогда отчаяние от загубленной в каторге собственной жизни), либо регулярная (а не любительская, партизанская) служба революции, требующая профессиональной выучки и дисциплины. Однако полной осознанности, четкости определения нового этапа далеко еще не было. Приходилось идти на ощупь. Руководствовались главным образом народовольческим типом кадрового революционера и стремлением теоретически подготовиться для регулярной службы революции.

В этом была актуальная преемственная связь с народовольческим Шлиссельбургом. В этом был основной смысл учебы. Таков путь, на который вступали еще в Шлиссельбурге лучшие из революционеров-партизан, путь, который не закончен многими еще и в нынешние дни <...>».

Хроника дальнейших событий жизни моего отца была такова. Вернувшись из ссылки в 1917 году, он решил посвятить себя просветительской деятельности. Возможно, будучи в какой-то мере толстовцем (он даже некоторое время носил так называемую рубашку-«толстовку»), он руководствовался высказыванием великого писателя о том, что никакие внешние изменения ни к чему не приведут, а только при воздействии на внутреннее сознание людей могут произойти перемены в обществе.

Получив «вид на жительство» в городе Пензе, Левтонов принял участие в Губернском съезде по внешкольному образованию в начале 1919 года. Весной того же года его делегировали в Москву с докладом на Всероссийский съезд того же профиля.

В дальнейшем отец не избежал участи многих бывших членов партии социалистов-революционеров, несмотря на то что в 1918 году официально вышел из этой партии. Объяснение об отходе от политической деятельности было следующим: «Активное участие в партии принимал с 1905 по 1910 г. Затем, по выходе из партии, в течение ближайших трех месяцев убедился в необходимости отойти вообще от политической работы, по причине своей сильной оторванности от общественно-политической жизни за время каторги, сознания необходимости новых ориентировок и смутного сознания того, что переживаемые революционные процессы не укладываются в заранее предусмотренные партийными программами рамки».

Далее последовали аресты различной продолжительности: в 1918 году — во время командировки в город Ломов, без каких-либо серьезных последствий, всего на несколько дней; в августе 1920 года — уже на несколько месяцев; в 1929 году — краткий (из-за необычного вмешательства мамы); и, наконец, последний — в ночь с 29 на 30 ноября 1937 года. В некоторых обстоятельствах, сопутствовавших арестам, отразилась динамика политической ситуации в стране. Так, в 1920 году, по просьбе моего деда Н. Д. Левтонова, за отца заступился видный революционный деятель А. Л. Теплов, лично его знавший по совместной работе. В своем письме В. Д. Бонч-Бруевичу Теплов писал:

«Дорогой Владимир Дмитриевич.

Узнал печальную весть. Мой товарищ Владимир Николаевич Левтонов арестован у вас в Москве и отправлен теперь в Ярославль. Могу за него ручаться, что он за все время моего пребывания в России, т. е. за два с половиной года, никакой политической не занимался и все время посвящал культурно-просветительской работе... Так что я нахожу его арест большой ошибкой, и этим арестом родина лишается очень ценного работника на ниве просвещения. За последнее время мы так нуждаемся в работниках вообще, а тем более таких, как Левтонов, с трудом едва сыщешь.

Пожалуйста, похлопочите о нем, чтоб он был выпущен немедленно. Я ручаюсь за него, что он совершенно не виновен... Я смело могу взять его на поруки.

Прилагаю письмо его отца и его жены.

Ваш А. Теплов».

Можно лишь порадоваться тому, что тогда подобного рода

заступничество, а тем более поручительство еще не только принимались во внимание, но — и это, пожалуй, главное — не отражались пагубно на судьбе поручителя.

В 1929 году отец находился под арестом недолго, освобождение пришло неожиданно. Случайно узнав, что одним из «важных начальников» тогдашних органов внутренних дел был М. А. Трилиссер⁴, отбывавший до революции вместе с отцом каторгу в Шлиссельбурге, мама решила пойти к нему на прием. По счастливой случайности она беспрепятственно поднялась наверх в его кабинет. Сидевший за столом Трилиссер удивленно вскинул на нее глаза и с улыбкой спросил: «Напомните мне, где мы с вами раньше встречались?» Мама подошла ближе к столу и с обезоруживающе застенчивой улыбкой произнесла: «Нет, я с вами лично не знакома, но...» Трилиссер тут же потянулся к кнопке дежурного и к оружию. Но мама, не дав ему опомниться, поспешно изложила ему суть дела. Не вдаваясь в довольно интересные подробности их разговора, скажу лишь, что, подходя к дому, мама издали увидела папу, входившего в ворота. Однако дни полуромантических историй со счастливым концом были уже сочтены. Приближались суровые в своей беспощадности 1930-е годы. Очевидно, в предыдущее десятилетие советская власть еще не усвоила, а тем более не превзошла все методы царских тюремщиков, если даже в конце 30-х годов отец мог допускать мысль, что он вернется. Кроме того, он настолько верил в своего рода иммунитет, приобретенный в Шлиссельбурге, что при последнем, роковом для него аресте сказал маме в момент прощания: «Маруся, за меня не беспокойся: я знаю, как вести себя в тюрьме, чтобы не погибнуть. Но если это случится с тобой, сможешь ли ты преодолеть все невзгоды тюремной жизни? И неужели такая же участь ждет Сашу?»

В ночь со 2 на 3 октября 1938 года арестовали маму и вскоре выслали в Казахстан. Саша ушел добровольцем на финский фронт в 1939 году. Он погиб под Ленинградом 24 февраля 1942 года.

⁴ М. А. Трилиссер был одним из помощников Ф. Э. Дзержинского, заведующим иностранным отделом ВЧК. По недоразумению, в одном из очерков в журнале «Прометей» при редактировании эта должность была приписана В. Н. Левтонову (*Левтонова О. В. Шлиссельбуржец Владимир Левтонов. С. 104–105*).

Самое парадоксальное в реабилитации моего отца было то, что для обоснования прекращения дела за отсутствием состава преступления те самые «вновь открывшиеся обстоятельства» оказались теми же фактами его дореволюционной биографии (и еще некоторые другие нелепые обвинения), которые послужили причиной его обвинения и расстрела на основании закона от 1 декабря 1934 года.

Моя мама, умершая 7 декабря 1978 года, так и не узнала, что ее муж был расстрелян еще до ее ареста. А от нее требовали признать его виновным в антисоветской деятельности, от чего она категорически отказалась, хотя ей обещали, что тогда ее отпустят к детям. Мама предполагала, что отец погиб на фронте, так как в «липовой» справке о его смерти стояла дата: 13 февраля 1942 года.

Род Левтоновых не прервался. Выросли дети, внуки, появились правнуки и даже праправнук старшего брата отца Александра. Хочется надеяться, что все животворное, заложенное в них природой и предшествующими поколениями, принесет свои плоды.

Г. П. Игнатьева

Побеги из Шлиссельбургской крепости

Публикаций на эту тему в научной литературе не имеется. В архивах, научной и мемуарной литературе сохранились лишь незначительные сведения, касающиеся побегов из Шлиссельбургской крепости. Видимо, тюремному начальству не хотелось придавать гласности свои просчеты и нечеткое выполнение обязанностей охраной. Скупые архивные документы кратко сообщают о происшествиях, связанных с подготовкой к побегам, и мерах по их пресечению.

Шлиссельбургская крепость стала тюрьмой еще в XVIII веке. С тех пор побеги оттуда казались совершенно невозможными в силу многих причин: расположение крепости на острове, быстрое течение незамерзающей Невы в истоке из Ладожского озера, мощные крепостные стены, многочисленная охрана. Однако заключенных никогда не покидали мысли о побегах, и составление самых фантастических планов никогда не прекращалось. Узник крепости, народоволец М. В. Новорусский, который провел в одиночном заключении 18 лет (1887–1905), писал в своих воспоминаниях: «Ни о чем так долго, упорно и мучительно не мечталось, как о побегах <...> Мечтали об этом и в бессонную ночь и днем, мечтали и в зимнюю вьюгу, которая слепит глаза часовому, и в яркий летний полдень, который так заманчиво манит на простор полей. Мечты эти были безнадежные и фантастичные. В последние годы, когда дошли до нас сведения о подводных лодках, я мечтал о применении их для устройства подкопа под крепостную стену прямо в один из огородов, откуда можно было бы бежать»¹. Конечно, сам узник не верил в осуществление такого фантастического плана, но отказаться от мечты о свободе было невозможно.

Исследователь тюремной психологии профессор М. Н. Гернет писал: «Побег, покушение на побег и даже подготовка к

¹ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933. С. 277–279.

нему — события громадного значения не только в жизни непосредственных их участников, но и всей тюрьмы. На фоне гнетущего однообразия повседневного распорядка тюремного регламента побег — настоящая ракета. Он яркий протест против режима лишения свободы»². Далее: «Ни высота, ни толщина тюремных стен, ни нахождение места заключения на острове, или на далеком расстоянии от селений, ни время года не служат препятствием для проникновения в одиночные и общие камеры целого роя мыслей о побегах»³.

Особенно обострялись эти мечты с наступлением весны. Каторжанин В. Ф. Гончаров вписал: «Каждая весна приносила тюрьме психические боления исканием путей к свободе, в первую очередь посредством бегства. Это боление носило эпидемический характер, разговоры о побеге вносили в жизнь тяжелое ощущение скованности, страстно манили сбросить долой цепи и лететь на свободу. Пробуждалось какое-то животное желание вольности, простора. И весной вырабатывались самые утопические планы, которые дебатировались и смаковались до мельчайших подробностей. Так отражалось пробуждение природы к новой жизни на тюремных пленниках каждую весну. Вместе с весной росли и расцветали надежды; вместе с ее уходом они увядали, бледнели и осенью погружались в зимнюю спячку»⁴.

Тюремные побеги выливались в самые разнообразные и невероятные формы, и самые фантастические планы претворялись в действительность. История побегов показывает, что такие места лишения свободы, из которых не происходило побегов или, по крайней мере, попыток произвести их, являются величайшим исключением. Шлиссельбургская крепость не составила такого исключения и знает удавшиеся и неудавшиеся попытки побега из нее.

За 200 лет существования тюрьмы в Шлиссельбургской крепости был только один случай удачного побега. Единственный человек, которому это удалось, был Иван Ромашов — узник крепости, проведенный в ней 21 год.

² Гернет М. Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. Харьков, 1930. С. 215.

³ Там же. С. 233.

⁴ Градский В. (псевдоним В. Ф. Гончарова). Шлиссельбургская каторга. Былое. 1925. № 1(29). С. 137.

Иван Афанасьевич Ромашов, дворянин Харьковской губернии, родился в 1814 году, воспитывался в Харьковском университете. Закончив курс, он поступил в 1835 году старшим учителем в Житомирскую гимназию, а в 1840 году вышел в отставку для устройства своего разоренного имения. В апреле 1846 года он занял должность смотрителя Гдовского уездного училища.

Когда возникло подозрение, что Ромашов виновен в подделке ценных бумаг, он скрылся, присвоив себе чужой паспорт, но был арестован в Нарве, закован в кандалы и доставлен в Петербург⁵. При аресте у Ромашова были найдены разные бумаги: шесть тетрадей с текстом проекта конституции, собрание стихов, одно из них за подписью К. Ф. Рылеева «в весьма многих экземплярах», фальшивые «билеты» Харьковского приказа общественного призрения, коробка с поддельными печатями и типографскими буквами⁶.

На допросе 30 октября 1846 года Ромашов «показал, что либеральными идеями он проникся в университете, посещая лекции профессора Павловского, которого он называл “волтерянцем”»⁷. Павловский рассказывал студентам о государственном устройстве Северо-Американских штатов. Ромашов показал, что в 1838 году в Житомире он узнал о «возмущении поляков» с целью отделения Польши от России. Сочувствуя полякам, он посчитал, что Польша могла бы остаться в составе России, если заменить монархическое правление республиканским. «Предавшись мыслям о республиканском правлении», Ромашов в 1839–1841 годах составил проект конституции, предполагая напечатать ее на деньги графа Шереметева и распространить по России 20 тысяч экземпляров. Но этот план исполнить ему не удалось. Тогда он решил представить свои предложения о преобразовании государственного правления России императору Николаю I и наследнику цесаревичу Александру Николаевичу. «Чтобы сделаться достойным внимания Августейших Особ», он «напрягал все силы своего ума по части разных изобретений»⁸:

⁵ ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп. 1846. Ед. хр. 232. Ч. 1. Л. 13. Дело 3-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии о чиновнике 9 класса Ромашове. О противозаконных его действиях и о заключении его в Шлиссельбургскую крепость.

⁶ ГАРФ. Там же. Л. 23–24 об.

⁷ Там же. Л. 29–30 об.

⁸ Там же. Л. 32.

написал грамматику для солдатских детей, составил военную игру вроде шахматной для старших воспитанников военно-учебных заведений, предлагал способы облегчения податей для бедных, улучшения вооружения тяжелой кавалерии на время атак, осушения окрестностей Чудского озера, управления аэростатами и прочее.

Еще одно преступление Ромашова состояло в «двоебрачии»: он женился второй раз, рассчитывая получить хорошее приданое (15 тысяч рублей) и таким образом улучшить свое материальное положение. 31 октября 1846 года Ромашов и обе его жены были доставлены в Санкт-Петербургскую крепость и «посажены в покои дома Алексеевского равелина под № № 7, 2 и 9». Ромашов был признан «виновным в сочинении бумаг возмутительного содержания, распространении и переделке билетов кредитных учреждений и в разных других фальшивых и безнравственных действиях»⁹. Он был навсегда заключен в Шлиссельбургскую крепость и посажен в одно из помещений верхнего этажа «нумерной» казармы¹⁰.

Во время следствия над Ромашовым власти не забыли и профессора Харьковского университета Павловского: несмотря на его положительные характеристики, управляющему Харьковским учебным округом генерал-адъютанту князю Долгорукову было предложено сообщить в Министерство народного просвещения «точнейшие сведения о нравственных качествах и образе мыслей Павловского»¹¹.

В ночь с 4 на 5 апреля 1849 года Ромашов, «подготовив стоявшего в карауле за ефрейтора рядового подвижной инвалидной № 22 роты Федора Дудкина», бежал из крепости, но через два часа после побега оба были пойманы¹². Ромашова заключили в еще более тяжелые условия: местом его содержания определили Секретный дом в цитадели, однако дух и энергия беглеца не были сломлены. Он составил целый ряд проектов по раз-

⁹ Там же. Ф. 98. Ед. хр. 36. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Ф. 109. 1 эксп., 1846. Ед. хр. 232. Ч. 10. Л. 9.

¹¹ Там же. Ед. хр. 232. Ч. 1. Л. 67–69 об.

¹² ГАРФ. Ф. 109, 1 эксп. 1846–1849. Ед. хр. 232. Ч. 10. Л. 8, 13 об. Дело 3-го отделения с. Е. И. В. Канцелярии о побеге чиновника Ромашова с подговоренным часовым рядовым Дудкиным из Шлиссельбургской крепости. 1849 г.

ным отраслям хозяйства, в том числе по военному ведомству. Его проект скорострельной пушки (1854), особых щитов для предохранения солдат от ружейных выстрелов (1862) вызвали одобрение Военного министерства. Оно «ходатайствовало об облегчении участи преступника, употребившего огромные усилия своей посильной доли на общественную пользу» и призывало принять во внимание благородное стремление изобретателя «быть полезным Отечеству живым участием к успеху русского оружия»¹³. Но император отказался облегчить участь узника.

Ромашов находился в крепости уже несколько лет, но следствие по его делу все еще продолжалось. Только в 1852 году Святейший Синод принял решение о «двоебрачии» Ромашова: «второй брак его с дочерью ротмистра Софьей Беклемишевой, как повенчанный еще при жизни первой его в жены в 1844 году, признать недействительным, позволить ей, если пожелает, вступить в супружество, очистить совесть свою исповедью пред духовником ее, а Ромашова подвергнуть церковной епитимии на семь лет»¹⁴.

Шел шестнадцатый год заключения Ромашова в Шлиссельбургской крепости. В 1862 году комендант Лепарский в рапорте в 3-е отделение писал: «Узник ведет себя тихо и кротко, положение свое переносит терпеливо, но грустит и сам сознается, что он готов бы решиться бежать, если бы представился случай». Не считая его благонадежным, комендант сомневался, чтобы облегчение участи арестанта было ему полезным, и потому «полагал бы оставить его в секретном замке и при постоянном за ним наблюдении следить за его образом мыслей»¹⁵. На этом докладе резолюция Александра П: «Оставить». Дочь Ромашова, проживавшая в Сумах, вела с ним переписку, не зная, где он находился.

Неволя тяготила Ромашова. В 1864 году, чувствуя себя крайне одряхлевшим, он подал «слезную просьбу» о помещении его в монастырь, хотя «под строгим присмотром», чтобы «в уединении раскаиваться в прошедших заблуждениях и грехах»¹⁶.

Санкт-Петербургский митрополит не дал своего согласия на принятие Ромашова в Валаамский монастырь, исходя из того, что в летнее время монастырь посещается «значительным чис-

¹³ Там же. Ед. хр. 232. Ч. 1. Л. 156, 184.

¹⁴ Там же. Л. 142–143 об.

¹⁵ Там же. Л. 179.

¹⁶ Там же. Л. 209.

лом сторонних лиц и не имеет никаких средств для необходимого надзора за подобными личностями»¹⁷. Настоятель и валаамские братья убедительно просили «пощадить их монастырь и избавить от помещения в оный арестантов»¹⁸. Митрополит рекомендовал отправить Ромашова в Бабаевский монастырь Костромской епархии, удаленный от столицы, где бы настоятель кроме надзора за образом его жизни мог «руководствовать его наставлениями к исправлению»¹⁹.

21 июля 1864 года Ромашова увезли в Бабаевский монастырь, но через три месяца жандармы вновь вводили его в ненавистный секретный замок, поместив в камеру № 6 «с отпуском ему по-прежнему порционных по 30 копеек в сутки»²⁰. Такова была воля Александра II в ответ на жалобу игумена монастыря, который опасался, что сильный волей Ромашов мог «вредно подействовать на монастырскую братию» и бежать из обители, расположенной на берегу Волги. Игумен добавлял, что раскаяния в нем, к сожалению, до сих пор не видно.

Коменданту крепости Лепарскому было предложено объявить Ромашову, что возвращение его в Шлиссельбургскую крепость было признано необходимым.

В апреле 1867 года Ромашов обратился с новым прошением. Он просил вернуть его в Николо-Бабаевский монастырь из «каземата, который он уже привык считать своим гробом». Ему хотелось бы умереть в монашеском чине, а перед смертью видеть небо «не через подавляющую душу решетку тюрьмы и видеть свободную землю и воду»²¹.

Третье отделение предложило коменданту крепости в день Пасхи объявить узнику монаршую милость: перевести его в один из монастырей, если он будет «впредь держать себя хорошо и скромно, не будет распространять своих политических убеждений»²². Каким образом мог это делать заключенный одиночной камеры?! Синод решил, что заключенный Ромашов может быть помещен «с удобностию» в Соловецкий монастырь, но затем

¹⁷ Там же. Л. 217 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 18 об.

²⁰ Там же. Ф. 109, I эксп. Ед. хр. 232. Ч. 10. Л. 255 в.

²¹ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 8 об.

²² Там же. Л. 24.

изменил свое мнение в пользу Кирилло-Белозерского монастыря Новгородской епархии, куда и прибыл Ромашов «в сопровождении двух жандармов 25 мая 1867 года в 8-ом часу утра»²³. За ним был учрежден полицейский надзор. Он писал оттуда в Третье отделение, что «его свобода протекает как будто за тысячью замками, в голодной нужде»²⁴. Жандармское управление ограничивалось присылкой 50 рублей в год, правда, деньги пришлось высылать недолго: Ромашов умер в монастыре 1 мая 1873 года²⁵.

В январе 1866 года неудачную попытку побега из одиночной камеры секретного дома предпринял Бронислав Шварце. Участник польского восстания 1863 года, он был осужден «за политическое преступление в каторжную работу»²⁶ и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где провел семь лет. С первого дня заключения арестантом владела «одна постоянная настойчивая дума: бежать, уйти как можно скорее»²⁷. В своих воспоминаниях Шварце рассказал, как он пытался осуществить побег: имея в качестве инструмента «ржавый гвоздь», узник начал «проламывать потолок над печью, чтобы затем вылезти на крышу. Следы «инженерной работы, которая производилась по ночам», он скрывал от жандармов, приклеивая жеваным хлебом к потолку случайно уцелевший у него лист белой бумаги и намазывая его соскобленной со стены известью. «Муравьиный», по словам Шварце, труд продолжался несколько недель, за это время он «успел только проделать в потолке такое отверстие, в которое едва можно было просунуть голову и плечи». Чтобы ускорить работу, он решил использовать свечу, о чем писал так: «Приблизить свечу к дереву и через полминуты сосновая доска уже тлеет; вот она обуглилась, — и гвоздь погружается в нее, как в масло, дело идет быстро, сердце наполняется радостью. Однако этот, столь удобный для меня способ работы, изобретением которого я так гордился, сделался причиной моей гибели»²⁸. 1 февраля от пламени свечки загорелись доски на крыше. Узнику пришлось позвать смотрителя, а затем признаться ко-

²³ Там же. Ф. 109, I эксп. Ед. хр. 232. Ч. 10. Л. 268.

²⁴ Там же. Л. 295.

²⁵ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 13.

²⁶ *Шварце Б.* Семь лет в Шлиссельбурге. М., 1929. С. 77.

²⁷ Там же. С. 93.

²⁸ Там же. С. 102.

менданту в приготовлении к побегу. Крепостные стражи предпочли скрыть эту историю от начальства, но надзор за узником усилили, его перевели в другую камеру, отняли книги, не выпускали на прогулку. «Итак, клетка заперлась снова, — вспоминал Шварце, — и потянулись однообразные дни и ночи, еще более несносные, чем сначала, потому что убавилось здоровья, энергии и прибавило лет, усилилось чувство слабости и беспомощности»²⁹.

После того как в 1907 году начала действовать каторжная тюрьма, было совершено несколько неудавшихся попыток освобождения и один побег, участникам которого удалось хотя бы ненадолго достигнуть желанной цели — свободы. Первая попытка побега произошла в 1907 году. О ней рассказал в своих воспоминаниях политический заключенный, участник восстания в Севастополе 1905 года И. П. Вороницын³⁰.

Политические заключенные Я. С. Аронович и Б. Ф. Сперанский задумали совершить побег из 4-й камеры нижнего этажа третьего корпуса (бывшей народовольческой тюрьмы) зимой 1907 года³¹. Они отломали от железной койки ножку и заострили ее конец, обточив его об асфальтовый пол, раздобыли пилку, чтобы перепилить решетку, приготовили веревки из простынь, по которым можно было бы спуститься с крепостной стены. Это был поистине каторжный труд. Тяжесть работы возрастала от необходимости производить ее с наименьшим шумом, с целым рядом предосторожностей. Но жажда свободы помогала им преодолеть все трудности. Глухой морозной ночью Аронович и Сперанский, сняв кандалы, вылезли из окна. Часовой, закутанный в тулуп, с винтовкой в руках спал в своей будке. Нападение на него обоих беглецов закончилось неудачей, когда в крепости поднялась тревога, они укрылись в бане, сдались при условии, что не будут избиты. Оба узника в январе 1908 года были преданы военному суду, им грозила смертная казнь, которую заменили каторгой: Сперанского приговорили к 20 годам, Ароновича — к 12³².

²⁹ Там же.

³⁰ Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905—1917. Харьков, 1922.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 7. Ед. хр. 348. Л. 3, 44.

³² Симонович В. А. В новом Шлиссельбурге. М., 1934. С. 102—104; Градский В. Шлиссельбургская каторга. С. 138—139.

В летописи Шлиссельбургской крепости весьма знаменательным оказался 1912 год: в октябре двое уголовных арестантов, Вальков и Роговой, осужденные на долгие сроки, бежали с острова. Целый ряд условий, одним из которых была их совместная работа, облегчил осуществление их плана. «Оба были на все руки мастера. В крепости они были печниками, малярами, каменщиками и по целым дням, с утра до вечера, работали то в тюрьме, то за стеною крепости, то в квартирах администрации»³³. В день побега погода была самая подходящая, шел дождь со снегом, с Ладоги дул сырой холодный ветер. Часовые прятались от непогоды в своих будках. Получив наряд на ремонт печи в квартире помощника начальника, Вальков и Роговой вечером отправились с надзирателем за крепостные стены в сарай, где хранились необходимые для работы инструменты. Убив надзирателя, один из беглецов переоделся в его одежду, затем оба вышли на берег и на тюремной лодке переправились в город Шлиссельбург. Во время вечерней поверки обнаружили их исчезновение и снарядили погоню. На свободе беглецы оставались недолго. Военный суд приговорил их к смертной казни, которая была заменена пожизненной каторгой.

В марте 1914 года группа заключенных задумала побег из 10-й камеры 2-го тюремного корпуса, перестроенного в 1908 году из Старой тюрьмы в двухэтажное здание с общими камерами. Автор воспоминаний о Шлиссельбургской каторжной тюрьме 1907–1917 годов В. А. Симонович писал: «По ночам в течение месяца они (арестанты. — Г. И.) разбирали потолок, приходилось работать без необходимых инструментов, только железным ножом, соблюдая величайшую осторожность, избегая опасного шума»³⁴. С наступлением рассвета нужно было замаскировать проделанное в потолке отверстие. При помощи похищенного в тюремной больнице ланцета узники разрезали лист железной крыши и выбрались наверх. Часовой, стоявший на крепостной стене, увидев их, открыл стрельбу. Поднялась тревога. Двое беглецов Демидов и Аксенов были задержаны на крыше, остальным заговорщикам удалось спуститься в камеру. Организацию и подготовку к побегу взяли на себя Демидов и Аксенов, заявив начальнику, что остальные сокамерники в побеге участия не принимали. Оба были жес-

³³ Симонович В. А. В новом Шлиссельбурге. С. 140–142.

³⁴ Цит. по: Симонович В. А. В новом Шлиссельбурге. С. 143–147.

токо избиты и преданы суду. Демидов суда не дождался, от полученных побоев он умер в тюремной больнице.

В конце 1914 — начале 1915 года два каторжанина Лизандер и Желудковский решили совершить побег из карцеров четвертого тюремного корпуса. Побег из карцеров были исключительно редким явлением в истории тюрем, ибо заключенные в них всегда находились под усиленной охраной. Стражники проспали всю ночь, уверенные в том, что все спокойно и беспокоиться о заключенных не следует. Утром они обнаружили, что двери карцеров и еще несколько дверей в коридорах взломаны, а решетка на окне мастерской, из которой беглецы хотели выйти на крепостной двор, частично распилена. Но арестанты в обоих карцерах оказались на месте. В ходе расследования выяснилось, что в полночь Лизандер открыл отмычкой дверь своего карцера и освободил Желудковского. Совместными усилиями они открыли дверь из карцерного в общий коридор, потратив много времени и сил, чтобы разрезать железный лист, которым была обита дверь. Таким же образом им пришлось открывать еще несколько дверей, они надеялись выйти на тюремный двор, преодолеть крепостную стену и спуститься на берег. Но у них не хватило времени до рассвета перепилить решетку в окне столлярной мастерской. Наступило утро, раздались свистки, поднимающие каторжан, и беглецы сами вернулись в свои карцеры. Нетрудно представить разочарование людей, преодолевавших многие преграды, но вынужденных вернуться в карцеры с разбитыми надеждами.

Г. П. Игнатьева

К истории библиотеки Шлиссельбургской крепости. XIX — начало XX века

В литературных и архивных источниках не сохранились сведения о том, какие книги читали узники в XVIII — первой половине XIX века, находясь в шлиссельбургском заточении. Известно, что читал император Иоанн Антонович, писатель-просветитель, книгоиздатель Н. И. Новиков, экономист и алхимик Ф. Беликов. Его заключили в Шлиссельбург не за преступления, а для того чтобы он, находясь в изоляции от окружавшего мира, написал книги, полезные для государства.

Через 150 лет после того, как Шлиссельбургская крепость стала «государевой тюрьмой», в 1849 году была утверждена инструкция об условиях содержания узников. Главное в ней сводилось к обеспечению строгой изоляции и полному устранению возможных побегов¹. Однако 4-я статья инструкции допускала чтение в тюрьме: «Комендант может дозволить арестантам читать книги, но не иначе как по собственному его назначению, преимущественно избирая для сего книги священные и строго наблюдая, чтобы в числе даваемых арестантам книг не было зараженных превратными политическими понятиями»². Этим правилам строго следовало тюремное начальство.

Руководитель польского восстания 1863 года Бронислав Шварце, провел в крепости семь лет (1863—1870). Из разговора с комендантом он узнал, что в тюрьме не полагалось иметь казенной библиотеки. Тем не менее по просьбе заключенного комендант принес ему несколько книг, оставшихся от других узников: это были журналы «Морской сборник» и «Русский вестник»,

¹ См. статью Г. П. Игнатьевой «Побеги из Шлиссельбургской крепости». Опубликовано в данном сборнике. С. 184—193.

² ГАРФ. Ф. 3, отделение 1 эксп. 1849. Л. 120; Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1957. Т. 2. С. 57.

французские и немецкие повести, английские философские сочинения, сочинения Н. В. Гоголя, О. И. Сенковского, И. С. Тургенева, Ч. Диккенса, А. Дюма. Однако все книги были без начала и конца — «обломки литературы, оставшиеся от обломков жизни», как писал Шварце³. Ему даже разрешали покупать книги на собственные деньги. Через коменданта он выписывал книги на французском языке, на английском, чтобы изучать язык, и «Журнал для всех». Шварце вспоминал о коменданте крепости: «Видя мои занятия литературой, генерал Лепарский принес “Жизнь Иисуса” Ренана, чтобы показать мне, что я имею дело с либеральными чиновниками»⁴.

Начало уникальному собранию книг, о котором вспоминали многие заключенные, было положено в 1890-х годах. Тогда узниками были народовольцы. В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, М. В. Новорусский с огромной теплотой писали, каким лучом света в тюрьме были книги. Они спасали от апатии, сумасшествия, гибели. Узники шли на смерть, чтобы отстоять свое право на чтение. Защищая это право в борьбе с тюремной администрацией, пожертвовал своей жизнью Егор Минаков. Его бунт начался с того, что он потребовал книг нерелигиозного содержания (в тюрьме разрешали только Библию). Получив отказ, он провел недельную голодовку. Своим товарищам путем перестукивания он передал, что умрет, но не откажется от своих требований. Чтобы добиться смертной казни, он ударил тюремного врача. Военный суд приговорил его к расстрелу «за оскорбление действием начальствующего лица». Приговор был приведен в исполнение 21 сентября 1884 года в 8 часов утра.

Узники решительно отстаивали право читать книги по своему усмотрению. Борьба за это продолжалась. В 1887 году Департамент полиции запрещал книги исключительно за то, что в заглавии они содержали термин «социальный». Например, «Историю древнего Рима» разрешили, а «Социальную историю древнего Рима» запретили. Это дало повод Г. А. Лопатину, человеку ироничному, предложить изгнать навсегда из списков литературы, которые составляли заключенные, термин «социальный», а писать вместо этого «салициловый»⁵.

³ Шварце Б. Семь лет в Шлиссельбурге. М., 1930. С. 57.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. М., 1933. С. 191.

М. В. Новорусский вспоминал, какую бурю эмоций в 1890 году, через шесть лет после заключения, вызвало разрешение читать журнал «Паломник». Это был луч света из другой, свободной жизни. «Как ни мизерно его содержание и как ни мало оно соответствует нашему мировоззрению, но его читали все поголовно. До такой степени сильно было желание видеть бумагу, недавно вышедшую из типографии, в тщетной надежде найти там какие-нибудь отголоски общественной жизни <...> Самое изображение года 1890, доселе нигде больше не виданное в печати, было уже приятно <...> Эта ниточка привязывала нас к современности, давала приятную иллюзию, что мы живем вровень со своим временем и как будто участвуем в его жизни»⁶.

На восьмом году заключения в 1892 году узникам разрешили знакомиться с журналами «Нива», «Звезда», «Исторический вестник», «Живописное обозрение», «Природа и люди», «Родина», «Луч», «Будильник», «Стрекоза», вышедшими в прошлом году. Журналы поступали под предлогом их переплета и потом оставались в библиотеке.

С 1895 года Департамент полиции ассигновал 140 рублей в год на приобретение книг, но тематика их целиком зависела от чиновников этого ведомства. В 1896 году министр внутренних дел Горемыкин после посещения крепости разрешил иметь все журналы за прошлый год, в том числе «Вестник Европы», «Русское братство», «Научное обозрение», «Вестник финансов», «Ремесленная Россия», с 1898 года — еженедельник «Times», в 1900 году стал поступать журнал «Новое время». Новорусский называл 1898–1901 годы «эпохой просвещения в мертвом замкнутом мире одиночной тюрьмы»⁷.

Полный запрет на любую научную и беллетристическую литературу постепенно сменился доступом к книгам с серьезным научным содержанием. Это было достигнуто в результате титанической борьбы узников, их протестов и голодовок. Каждый протест заключенных включал требование сохранить и расширить библиотеку. Большинство узников были высоко интеллектуальными людьми, обладали глубокими знаниями в различных областях науки, их неудержимо влекло к серьезной умственной работе. Н. А. Морозов за 20 лет пребывания в тюрьме

⁶ Там же. С. 196–197.

⁷ Там же.

ме написал более 20 томов научных трудов по химии, физике, астрономии, математике, истории. И. Д. Лукашевич провел в Шлиссельбурге 18 лет и написал исследование «Неорганическая жизнь земли», за которое получил серебряную медаль Географического общества и премию Академии наук в 1907 году, когда вышел на свободу.

Народовольческий период в истории крепости закончился в 1905 году. Согласно манифесту императора Николая II узники, оставшиеся в живых (27 человек из 68), были освобождены.

В 1906 году крепость стала местом паломничества петербуржцев. Путешествия на остров принимали характер демонстраций. В это время в газете «Киевская речь» печатались секретные материалы архива Департамента полиции о тайнах Шлиссельбургской крепости. Были опубликованы воспоминания Л. А. Волкенштейн «13 лет в Шлиссельбурге». Вскоре посещение крепости было запрещено.

В 1907 году Главное тюремное управление открыло здесь каторжную тюрьму на 1000 человек. Новое поколение узников 1907–1917 годов создавало библиотеку, как это было и раньше, в упорной борьбе. Громадная заслуга в комплектовании библиотеки принадлежала шлиссельбуржцам, их упорству в борьбе за право читать, а значит — и жить. Надо было обладать неиссякаемой энергией и огромным запасом творческих сил, чтобы за короткий промежуток времени (1907–1916) собрать значительное число книг по различным отраслям знаний. Объяснить это можно прежде всего тем, что за крепостными стенами оказались высокообразованные люди, готовые к самопожертвованию. Они рассматривали создание библиотеки, которой смогли бы пользоваться многие сотни каторжан, как великое общественное служение. Собранные на полках книжных шкафов лучшие творения русской и иностранной литературы и науки того времени позволили сохранить и развить умственные и нравственные силы многим заключенным. Книги дали возможность узникам почерпнуть в тюрьме знания, которых у них ранее не было. Общие тюремные камеры превращались в своеобразные учебные классы, в лаборатории, где каждый мог заняться самообразованием. Горячие споры и дискуссии в камерах длились днями и неделями.

В первые годы существования каторжной тюрьмы в 1907–1908 годах заключенные могли индивидуально выписывать книги на деньги, заработанные в мастерских или полученные от род-

ственников, но вскоре это было запрещено. Новые правила пополнения библиотеки действовали до 1917 года. Раз в месяц библиотекари составляли списки изданий, которые просматривал начальник тюрьмы, вычеркивая книги, имеющие, с его точки зрения, неблагонадежные названия, особенно по социологии и философии. «Урезанный список утверждало Главное тюремное управление, где он подвергался вторичной, столь же свирепой обработке. Только после этого заказ поступал в издательство П. Сойкина для исполнения»⁸.

Издательства «Просвещение», «Знание», А. Ф. Маркса передавали в Шлиссельбург книги в виде пожертвований. Наибольшая часть книг приобреталась в книжном магазине Вольфа, журнал которого «Книжные известия» выписывался в Шлиссельбурге. И. П. Вороницын не без юмора вспоминал, что магазин Вольфа, будучи «поставщиком двора его величества, одновременно является, в еще большей степени, поставщиком Шлиссельбургской каторжной тюрьмы»⁹.

В 1908 году в Шлиссельбургскую крепость был переведен В. О. Лихтенштадт (1882–1919), один из самых выдающихся узников. Получивший образование в Петербургском и Лейпцигском университетах, приговоренный к смертной казни, он, ожидая исполнения приговора, в одиночной камере тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости переводил на русский язык книги Отто Вейнингера «Пол и характер» и Шарля Бодлера «Искания рая»¹⁰. При конфирмации приговора смертная казнь была заменена ему бессрочной каторгой в Шлиссельбургской крепости, где Лихтенштадт находился до освобождения 28 февраля 1917 года. Кандалы и тюрьма не убили в нем творческих сил, он переводил на русский язык философские произведения Чемберлена, в которых анализировались философские воззрения Аристотеля, Гердера, Леонардо да Винчи, Канта, Спинозы, Шопенгауэра, написал исследования о твор-

⁸ Колосовский В. В. Наша библиотека / На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907–1917). Л., 1967. С. 134.

⁹ Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков, 1922.

¹⁰ Книга вышла в издательстве «Сириус» в 1908 г. О Лихтенштадте см.: Герасимова Н. К. Узник двух крепостей. Статья опубликована в данном сборнике. С. 156–168.

честве и мировоззрении Гете¹¹. «Начитанный, образованный, он стремился свои знания передать другим. Он всегда с кем-нибудь занимался, но одновременно работал и над собой»¹². С его появлением в Шлиссельбургской тюрьме началось быстрое развитие библиотечного дела. Его мать Мария Львовна руководила «Группой помощи политкаторжанам Шлиссельбурга», которая снабжала заключенных вещами, деньгами, книгами. Казначей «Группы» Я. М. Каплан, библиограф Публичной библиотеки в Ленинграде, в 1927 году написал воспоминания¹³, в которых рассказал о материальной поддержке узников крепости известными представителями демократической интеллигенции. К. С. Станиславский, О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Качалов передали «Группе» сбор от двух спектаклей Московского Художественного театра; средства периодически поступали от известного музыканта А. И. Зилоти, артистов П. М. Садовского и Н. Н. Ходотова, художников Е. Е. Лансере, А. Н. Бенуа, В. А. Серова, Б. М. Кустодиева. Не следует, разумеется, преувеличивать размеры этой помощи. Значительные передачи тюремное начальство принимало два-три раза в год. Несомненно, что это примечательная страница не только истории Шлиссельбурга, но и летописи демократической русской культуры. Денежные средства переводил парижский комитет помощи политическим каторжанам, во главе которого стояла В. Н. Фигнер¹⁴.

Усилиями многих политкаторжан за девять лет была собрана обширная библиотека. Выписка книг была обставлена различными преградами. Чудеса изобретательности надо было проявить, чтобы обманывать бдительность тюремного начальства и получать нужную литературу. Иногда помогало невежество тюремщиков. Например, «Капитал» Карла Маркса был определен как «пособие для людей, готовящих себя к коммерческой деятельности».

К началу 1917 года библиотека крепости представляла собой солидное книгохранилище. В ней насчитывалось около 10 ты-

¹¹ *Лихтенштадт В. О.* Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания. Пг., 1922.

¹² ЦГАСПб. Ф. 507. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 8.

¹³ ЦГАСПб. Ф. 507. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 32. *Каплан Я. М.* Работа по обслуживанию «нового Шлиссельбурга».

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. 00. Ед. хр. 1281. Ч. 1–2. 1905. Л. 111.

сяч томов, составлявших собственность библиотеки, и почти две тысячи экземпляров учебников и справочников, принадлежавших отдельным заключенным и приобретенных на личные средства. Эти книги поступали в общее пользование всех узников. Многие шлиссельбуржцы в своих воспоминаниях характеризовали библиотеку как «превосходную, заставляющую забывать все невзгоды».

В тюрьме в это время содержалось около тысячи узников. Обслуживали их 4–5 библиотекарей: В. О. Лихтенштадт, В. Д. Малашкин, М. Д. Закгейм, В. В. Колосовский, В. Н. Левтонов. Они могли свободно перемещаться по всем корпусам и камерам и без ограничения времени проводить беседы с читателями. Это дало им возможность стать связующим звеном между разобщенными корпусами и камерами. Так библиотека постепенно превратилась в штаб политкаторжан¹⁵.

Через переплетную мастерскую, в которой работало около 10 заключенных, в библиотеку поступали запрещенные книги и журналы. Они переплетались вместе с «Житиями святых» или маскировались под обложками издания «Трехсотлетие дома Романовых»¹⁶. В таком случае «на корешке запрещенной книги ставился особый знак в виде бубнового туза», и библиотекарь знал, что такую книгу нельзя предъявлять какому-либо ревизору¹⁷.

«Группа помощи политкаторжанам Шлиссельбурга» установила связь с рабочими Шлиссельбургского порохового завода, которые с большим риском согласились переплетать запрещенные книги и журналы для тюрьмы. Так библиотека пополнялась самой свежей периодической литературой, дающей заключенным энергию и силы для преодоления жуткой каторжной действительности, с ее голодом, кандалами и одиночеством.

Узник тюрьмы И. К. Гамбург писал: «Мы живем только веселыми с воли и только это придает нам силу сопротивляться среде». И далее: «Какое счастье быть с книгой! Тогда одиночество не страшно!»¹⁸ А. Мекси, член социал-демократической партии Латвии, осужденный на 10 лет каторги, в письме к сестре уко-

¹⁵ Цит. по: *Колосовский В. В.* Наша библиотека. С. 137.

¹⁶ *Муравин Г. М.* Пять лет в Шлиссельбургском центре / На каторжном острове. С. 184.

¹⁷ *Градский В.* Шлиссельбургская каторга. Былое. 1925. № 1. С. 151.

¹⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Ед. хр. 75. Л. 59.

рял ее за то, что ему не сообщают никаких новостей, так как якобы нет «никаких новостей» на воле: «Вы не читаете газет и ни за чем не следите, а живете просто, по-обывательски. И если нет ничего такого, что резко бросается в глаза, то, по-вашему, выходит, что ничего нет. А нам вообще интересно знать, что происходит на всем белом свете, а вернее, во всей вселенной»¹⁹.

О большой роли книги узники Шлиссельбургской крепости рассказали в своих воспоминаниях, на страницах дневников и писем²⁰. Почти в каждом дневнике встречаются записи о прочитанных книгах, цитаты, конспекты. Так, Мекси писал: «Я теперь стал иметь такую страсть к книгам, какой у меня раньше никогда не было. Философских книг, например, я почти совершенно не читал. К этим книгам особенно потянуло после того, как я прочитал Ницше “По ту сторону добра и зла”<...> Если теперь меня лишить книг, то это было бы самое тяжелое наказание для меня»²¹.

Списки книг отражают индивидуальные наклонности и интересы читателей, каждый из которых стремился овладеть знаниями и подготовиться к жизни на свободе. Малограмотные и неграмотные узники заполняли тетради упражнениями по русскому языку, переписывали стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, С. Я. Надсона, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Апухтина и других поэтов, а также стихи узников Шлиссельбургской крепости 1884–1905 годов народовольцев В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова.

В личном архиве Г. К. Орджоникидзе сохранилось несколько тетрадей с записями, которые он вел в тюрьме. В основном это выписки из книг, огромное количество которых он прочитал в Шлиссельбурге за три года (1912–1915). «Круг его интересов был чрезвычайно широк: развитие капитализма, прошлое человечества, империалистическая война, рабочее движение в России и Западной Европе, вопросы современной техники, естествознания, педагогики, психологии, русской и западноевропейской художественной литературы, иностранные языки. По самоучителям он овладел немецким языком»²².

¹⁹ Там же. Ед. хр. 243. Л. 182.

²⁰ Там же. Ф. 1280. Оп. 6, 7.

²¹ Там же. Оп. 6. Ед. хр. 243. Л. 180.

²² Орджоникидзе З. Г. Путь большевика. М., 1956. С. 127–128.

М. П. Ремизов в письмах к родным писал: «Самое главное в тюрьме — не терять интереса к знаниям <...>. Стараюсь наполнить жизнь чтением газет и книг. Библиотека здесь сравнительно хорошая: хороший отдел беллетристики, много учебников, есть литература по общественным вопросам, по истории. Читаю почти по всем вопросам. Пополняю пока свои знания вообще <...> Здесь тоже жизнь идет и многому учит, здесь я многому научусь и выйду на волю более подготовленным к жизни <...> Тюрьма многого лишает, но и многое дает, и я теперь занимаюсь тем, что беру от нее все, что могу брать для себя хорошего <...>. Я не отстану от жизни в тюрьме, а пойду дальше»²³.

Почти все заключенные выучили в тюрьме по два, три, даже четыре иностранных языка. Широко распространен был среди них интерес к международному языку — эсперанто. Для заключенных Шлиссельбурга лозунг «Все люди братья!» был не пустым звуком, они считали, что для общения разных людей на земле необходим один язык. Многие готовили себя к будущей жизни на свободе, изучали ремесла, прикладные науки, стремились приобрести специальность.

В общих тюремных камерах узники-политкаторжане организовали занятия для заключенных солдат, матросов, крестьян и рабочих. Был разработан план политического самообразования, который включал в себя изучение истории, литературы, философии, математики, экономической теории, иностранных языков. Лекторами и руководителями занятий выступали узники Ф. Н. Петров, врач по образованию, студенты Петербургского университета В. Н. Левтонов, В. О. Лихтенштадт, В. Д. Малашкин, офицер саперного батальона Б. П. Жадановский. «Вся тюрьма превратилась в школу, хотя и не особенно хорошо обставленную», — писал Р. М. Семенчиков²⁴.

Тюремный, или «романовский», университет, как называли заключенные свою учебу, функционировал в необычайно трудных условиях. Слушатели часто были в ножных или в ручных кандалах, в переполненных камерах было душно, требовалось колоссальное напряжение сил, чтобы заниматься успешно. «Физически оторванные от всего мира, — писал Д. А. Трилиссер, —

²³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Ед. хр. 311. Л. 65, 76–77, 94–95.

²⁴ Рябинин А. Н. Материалы к биографии Р. М. Семенчикова. М., 1922. С. 45.

закованные по рукам и ногам, мы стремились создать свой особый духовный мир, свою общественную жизнь, которая так много помогла в борьбе с тюремной администрацией, с упадочным настроением, с преодолением нудно-серых дней, похожих один на другой, и это изо дня в день, в течение ряда лет»²⁵.

Представление обо всем богатстве книжного собрания дает каталог, хранящийся в фондах Государственного музея политической истории России, составленный в 1917 году библиотекарем В. В. Соколовским, узником Шлиссельбургской тюрьмы.

Два больших тома каталога написаны каллиграфическим почерком, цветной тушью выделены фамилии авторов, титульный лист первого тома украшен цветными рисунками, изображающими статую Аполлона, лиру, палитру, нотный лист. В предисловии составитель написал: «Только знание дает силу человеку, а знание можно приобрести <...> из книг <...> Книга нужна тому, кто хочет изучить ремесло, и тому, кто хочет понять, как устроен мир, как идет жизнь на земле, какое место занимает человек в природе»²⁶. В каталоге книги на русском языке разделены на три больших отдела: религиозно-нравственный, беллетристика и научный. Каждый отдел имеет несколько разделов. Многие книги рассчитаны на тех узников, кто занимался изучением русского языка: это — азбука, буквари, прописи, сборники диктантов, грамматика.

В разделе по истории литературы насчитывалось около 110 библиографий русских писателей и более 40 — иностранных. Отдел беллетристики составляла русская литература и переводная: славянская, романская, англо-саксонская, германская, восточная, античная.

Во втором томе каталога представлена литература научного содержания, расположенная по темам: математика и механика, химия и физика, биология и анатомия, история и право; статистика, педагогика, медицина и т. д. Для изучения любой дисциплины в библиотеке имелись учебники, популярные сочинения и университетские курсы. Особое место в каталоге занимает раздел философии. В тюрьму проникали новинки философской лите-

²⁵ ЦГАСПб. Ф. 507. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 7.

²⁶ Соколовский В. В. Каталог книг Шлиссельбургской крепости. 1917. Рукопись. Л. 1 / Государственный музей политической истории России.

ратуры, биографии философов, критика их произведений, сочинения классиков: Платона, Декарта, Ницше, Канта, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра и других авторов. Особенно много сочинений Вл. С. Соловьева.

В письме из тюрьмы 26 марта 1907 года заключенный Семенчиков писал: «Только что кончил Декарта и, признаюсь, в восхищении от его метода. Такого сильного впечатления не производил на меня ни один философ. Жаль, что до сих пор был знаком с ним лишь по отрывкам, иначе не делал бы многих глупостей»²⁷. Из его же письма от 26 августа 1907 года: «<...> вот уже год, как я на каторге <...>. Для расширения моего умственного горизонта он [Декарт] дал очень много. В этот год я вырос в этом отношении, не менее чем за предыдущие 10 лет»²⁸.

Заключают каталог обширные разделы по прикладным знаниям, ремеслам, особо выделены энциклопедии, справочники, словари.

После освобождения из Шлиссельбургской крепости всех заключенных в мартовские дни 1917 года около 10 тысяч книг были переданы в библиотеку Шлиссельбургского порохового завода на правом берегу Невы (ныне и завод, и поселок носят имя Н. А. Морозова).

Как свидетельствует писатель А. Я. Вересов²⁹, в 1950–1960-х годах большая часть шлиссельбургской библиотеки была уничтожена: книги отправляли на Светогорский бумажный комбинат как макулатуру для переработки. Сохранилось немного. Судьба библиотеки оказалась такой же трагической, как судьба многих узников крепости.

В настоящее время имеется две коллекции шлиссельбургских книг.

Одна насчитывает 356 книг на иностранных языках (немецком, английском, французском, итальянском, польском, латышском) и находится в Музее политической истории России. В составленном в 1988 году каталоге³⁰ книги распределены по

²⁷ Семенчиков Р. М. Моя тетрадь / На каторжном острове. С. 60.

²⁸ Там же.

²⁹ Вересов А. Я. Шлиссельбургские повести. Л., 1965. С. 312–313.

³⁰ Книги библиотеки Шлиссельбургской крепости (конец XIX – 1917 год). Каталог. / Государственный музей революции. Составитель Т. О. Свирина. Л., 1988. С. 1.

следующим тематическим разделами: философский, религиозный, исторический, художественный, учебная литература и разное, куда отнесены путешествия, природоведение, география, астрономия и т. д.

Вторая коллекция в количестве 155 единиц хранится в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Она поступила в музей в 1960-х годах из библиотеки завода имени Н. А. Морозова, бывшего Шлиссельбургского порохового завода, благодаря усилиям старшего научного сотрудника музея В. С. Соломко. Научные интересы привели Валентину Степановну на завод имени Н. А. Морозова. В результате ее встреч с сотрудниками заводской библиотеки остатки книг Шлиссельбургской каторжной тюрьмы стали музейными предметами. Часть книг передали в Музей сами бывшие шлиссельбуржцы или их родственники.

Ценность этих приобретений увеличивается, если иметь в виду, что в 1965 году решилась судьба Шлиссельбургской крепости: она стала филиалом Государственного музея истории Ленинграда.

В публикуемом каталоге собрания книги распределены по следующим тематическим разделам: философский, исторический, художественный, учебная литература, литературоведение, искусство. На многих томах сохранились штампы Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, а также автографы узников.

**Книги библиотеки Шлиссельбургской крепости
(конец XIX века — 1917 год)**

Каталог

Составитель *Г. П. Игнатьева*

Философская литература

1. Дени Леон. После смерти. Научные и моральные выводы философии / Перевод с французского В. К. Изд. 3-е. — СПб.: изд. В. И. Губинского. 213 с. + I—III с.

20,0 × 13,0

КП-211306

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе, переднем и заднем форзаце: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

2. Иодль Фридрих. История этики в новой философии // До конца XVIII века (с 2-мя вводными главами о Греко-римской и христианской этике) / Пер. с немецкого под ред. В. Соловьева. — М.: изд. К. Т. Солдатенкова, б. г. Т. I. I—XVI с. 1—284 с.; Примечания с. 1—71.

23,0 × 14,5

КП-211311

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок кожаный с золотым тиснением: «История этики»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем форзаце, на оригинальном переплете, титульном листе, с. V, I: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы:

«Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На оригинальном переплете: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

3. Кант Иммануил. Критика практического разума. — СПб.: изд. книжного магазина М. В. Попова, 1897. 193 с. + I–IV с.

23,3 × 15,0

КП-211307

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Кант. Критика практического разума»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

На оригинальном переплете: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

4. Кант Иммануил. Критика чистого разума.— СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1907. 464 с. + I–VIII с.

25,0 × 17,0

КП-211308

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок кожаный с золотым тиснением: «Кант. Критика чистого разума»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем форзаце, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

На переднем форзаце: штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время

получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», овалы штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

5. Минто В., проф. Дедуктивная и индуктивная логика / Перевод с английского С. А. Котляревского. 5-е изд. — М.: типография Товарищества И. Д. Сытина, 1905. 542 с. + I—XXIV с. 19,5 × 13,0
КП-211319

Переплет жесткий, коленкоровый; на корешке и на обложке тиснение: «В. Минто. Логика. Пятое издание. Цена 1 р. 75 коп.».

На авантитуле и переднем форзаце: круглые штампы Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овалы штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, штампы «Просмотрено Нач. Шлисс. каторж. тюрьмы», прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На титульном листе: овалы штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

6. Мюнстерберг Гуго, проф. Психология и учитель/ Перевод с английского А. А. Громбаха.— М.: изд. Т-ва «Мир», 1909. 345 с. + I—II с.

20,0 × 13,0

КП-211320

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзаце, на авантитуле, титульном листе: овалы штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

7. Спиноза Бенедикт. Этика / Пер. с латинского под ред. В. И. Модестова. 4-е изд. — СПб.: изд. Л. Ф. Пантелеева, 1904. 327 с.

Суханов Н. Сборник статей.— СПб., 1916. 122 с. прил. / В одном переплете.

21,5 × 15,5

КП-211312

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На титульном листе, авантитуле, на оригинальном переплете: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и оригинальном переплете: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

На оригинальном переплете, на авантитуле: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. Надпись карандашом: «В. Лихтенштадт, 1914».

8. Философия Декарта. Рассуждения о методе, с пояснениями / Перевод / Изложение учений Декарта о мире и человеке Н. А. Любимова. — СПб.: типография В. С. Балашева, 1886. 434 с. + I—VI с.

24,0 × 15,5

КП-211309

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

9. Фишер Куно. История новой философии / Перевод с немецкого. — СПб.: типография А. Е. Колпинского, 1901. Т. IV. 632 с. + I—XX с.

23,5 × 15,5

КП-211310

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, авантитуле, с. V: овальные штампы Шлиссельбургской каторжной тюрь-

мы. На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

10. Фулье Альфред. История философии.— Б. г. Б. м. Изд. Д. П. Ефимова. 500 с. + I—XX с.

22,0 × 14,5

КП-211314

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. Надпись карандашом: «А. Соколов. № 196, Закл. Янв. 15. 1907».

11. Фулье Альфред. История философии.— Б. г. Б. м. Изд. Д. П. Ефимова. 500 с. + I—XII с.

22,0 × 15,0

КП-211313

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки коленкорové; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: печать Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, штамп «Просмотрено. Нач. Шлисс. каторж. тюрьмы». На титульном листе: печать Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, штамп «Просмотрено. Нач. Шлисс. каторж. тюрьмы», овальный штамп народной библиотеки-читальни

Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. Надписи карандашом: «мая 29—07 г. Шлиссельб. к. т. А. Соколов» и «Прошу не делать пометок карандашом ни в тексте, ни на полях и не пачкать. А. С.».

Историческая литература, литературоведение, искусство

12. Блос Вильгельм. История французской революции / Перевод с немецкого.— Пг.: гос. тип., 1918. 423 с. + I—IV с.

20,5 × 14,0

КП-211346

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

13. Блос Вильгельм. Революция в Германии. История германского движения в 1848 и 1849 годах / Перевод с немецкого.— СПб.: тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1906. 681 с.

17,8 × 12,8

КП-211345

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

14. Брандес Георг. Литературные характеристики. Вильям Шекспир. Ч. III / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», 1911. 406 с.

17,5 × 12,0

КП-211281

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете и авантитуле: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова

15. Брандес Георг. Главные течения в литературе XIX века. I. Литература эмигрантов. 2. Романтическая школа в Германии (начало) / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. Т. V. 388 с.

18,8 × 12,7

КП-211276/1-2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле, титульном листе, с. 1 и 388: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

16. Брандес Георг. Натурализм в Англии. Романтическая школа во Франции / Перевод с датского // Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. Т. VIII—X с. 352 с. + 354 с. + 362 с.

18,5 × 12,0

КП-211278/1-3

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

17. Брандес Георг. Реакция во Франции / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. 410 с.

18,0 × 12,0

КП-211277

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете и авантитуле: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

18. Брандес Георг. Литература XIX века в ее главных течениях. Французская литература / Перевод с немецкого. — СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1895. 391 с. + I—XIV с.

23,0 × 15,0

КП-211283

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 391: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

19. Брандес Георг. Литература XIX века в ее главных течениях. Немецкая литература / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1900. 308 с.

24,0 × 15,5

КП-211284

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

20. Брандес Георг. Литература XIX века в ее главнейших течениях. Английская литература / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1898. 339 с.

24,7 × 16,6

КП-211337

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: штамп «Просмотрено. Помощник Начальника. Заведывающий Корпусом», прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

21. Брандес Георг. Польша. Впечатления: Романтическая литература Польши. Анатолий Франс. Франк Ведекинд / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. 418 с.

17,7 × 12,0

КП-211282

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете и авантитуле: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

22. Брандес Георг. Литературные характеристики. Лассаль. Ницше / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. 386 с.

18,0 × 12,0

КП-211280

Переплет жесткий, поздний; корешок, передняя и задняя стороны тканевые. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном мягком переплете и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З.

им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

23. Брандес Георг. Литературные характеристики. Французские писатели / Перевод с датского / Собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва «Просвещение», б. г. Т. XIII. 402 с.

19,0 × 12,5

КП-211279/1-2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле, титульном листе, с. 1, 3: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

24. Ватсон М. Ада Негри / Критико-биографический очерк. — СПб.: тип. т-ва «Общественная Польза», 1903. 88 с.

18,0 × 11,0

КП-211287

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, титульном листе и с. 17.: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

25. Ватсон М. В. Данте. Его жизнь и литературная деятельность / Биографический очерк / / Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Жизнь замечательных людей. — СПб.: тип. газ. «Новости», 1891. 90 с.

18,2 × 11,6

КП-211213

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце штамп: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки

при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

26. Зомбарт Вернер. Современный капитализм. Генезис капитализма / Перевод с немецкого. — М.: изд. С. Скирпунта., б. г. Т. I. 584 с. + I—XXXIX с.

26,0 × 17,5

КП-211335

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки кожаные; на корешке золотое тиснение: «Зомбарт. Современный капитализм»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился мягкий бумажный переплет.

На переднем и заднем форзацах, мягком переплете и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

27. История Греции со времени Пелопонесской войны / Сб. статей — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, б. г. Вып. 2-й. 502 с. + I—XX, I—VI с.

19,5 × 13,0

КП-211299

Переплет жесткий коленкорový.

На верхнем (поврежден) и нижнем форзаце, авантитуле, титульном листе, с. 1 и 502: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

На авантитуле и титульном листе: восьмиугольный штамп «Просмотрено С. П. Б. Перес. тюрьмы», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

28. Кауфман Г. Политическая история Германии в XIX веке / Перевод с немецкого. — СПб.: тип. М. А. Александрова, 1909. 696 с.

24,0 × 15,3

КП-211348

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

29. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 1. 194 с.

18,0 × 11,5

КП-211550

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе, с. 194: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

30. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 2. 292 с.

18,0 × 11,5

КП-211551

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

31. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Мартовская революция и ее последствия / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 3. 256 с.

18,0 × 11,5

КП-211552

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

32. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Реакционные последствия Мартовской революции / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 4. 238 с.
18,0 × 11,5
КП-211553

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

33. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 5. 218 с.
18,0 × 11,5
КП-211554

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 218: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

34. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 6. 307 с.
18,0 × 11,5
КП-211555

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 307: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

35. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Объединение партий / Перевод с немецкого.— СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 7. 206 с.

18,0 × 11,5

КП-211556

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

36. Меринг Франц. История германской социал-демократии / Под действием закона против социалистов / Перевод с немецкого. — СПб.: изд. т-во «Просвещение», б. г. Вып. 8. 290 с.

18,0 × 11,5

КП-211557

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

37. Мутер Р. История живописи в XIX веке. Т. I. — СПб.: изд. товарищества «Знание», 1900. Вып. I. 152 с.

25,5 × 18,0

КП-211315

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой; обложка оформлена по рисунку Л. Бакста. На обложке типографская надпись: «Третий выпуск. 1900 год».

На титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова, штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». Надпись чернилами на середине титульного листа: «Т. 1», ниже «вып. 1».

На переднем форзаце: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

38. Мутер Р. История живописи в XIX веке. — СПб.: изд. товарищества «Знание», 1900. Т. II. Вып. II. С. 153–300.

25,5 × 18,0

КП-211316

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой; обложка оформлена по рисунку Л. Бакста. На обложке типографская надпись: «Седьмой выпуск, 1901 год».

На самодельной копии титульного листа: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

39. Мутер Р. История живописи в XIX веке. — СПб.: изд. товарищества «Знание», 1900. Т. II. Вып. III. С. 300–484, утрачены с. 307–312.

25,5 × 18,0

КП-211317

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой; обложка оформлена по рисунку Л. Бакста. На обложке типографская надпись: «1902 год».

На самодельной копии титульного листа: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. Надпись черными чернилами: «Т. П. Выпуск III. 1900». На переднем форзаце: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

40. Ренар Жорж. Республика 1848 года / Перевод с французского.— СПб.: изд. Вятского тов-ва, 1907. 460 с. + I–VIII с.

20,5 × 13,6

КП-211347

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

41. Римская империя / Сб. статей. — М.: изд. т-ва И. Д. Сытина, 1900. 668 с.

19,5 × 12,7

КП-211300

Переплет жесткий, коленкорový.

На переднем форзаце, титульном листе, с. 1, 667: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: печати Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и авантитуле: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для

занятий или книгу для чтения», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На авантитуле и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

42. Ришар Жеро. XVIII век. История Франции 1789—1791 / Перевод с французского.— Б. м. Изд. «Даль», 1909. 867 с. + I—VIII с. 27,2 × 17,4
КП-211336

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и авантитуле: овальные штампы «Промсмотрено. Шлиссельбург. каторжн. тюрьма», овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

43. Тарле Е. Е. История Италии в новое время.— СПб.: изд. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 190 с. 20,5 × 13,6
КП-211334

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, оригинальном переплете: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На оригинальном переплете и верхнем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На титульном листе надпись узника черными чернилами: «№ 374 — 8/IX—16».

44. Тэн Ипполит. Лекции об искусстве / Перевод с французского. — М.: изд. «Польза», В. Антик и К°, б. г. 112 с. 14,0 × 9,5
КП-211318/1—5

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

Художественная литература

45. Аксаков С. Т. Записки об уженье рыбы // Собрание сочинений. — СПб.: изд. А. А. Каспари, б. г. Т. II. 584 с.

20,5 × 13,0

КП-211201

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, авантитуле и с. 1: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки рабочего клуба им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

46. Аксаков С. Т. Семейные и литературные воспоминания, очерки, письма, стихотворения // Собрание сочинений. — М.: изд. А. А. Карцева, 1902. Т. III. 440 с.

22,0 × 14,0

КП-211202

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда

или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», восьмиугольный штамп библиотеки рабочего клуба им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

47. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника // Собрание сочинений. — М.: изд. А. А. Карцева, 1902. Т. VI. 327 с.

22,0 × 14,0

КП-211203

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе (нижняя часть повреждена), с. 1 и 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На авантитуле: восьмиугольный штамп библиотеки рабочего клуба им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

48. Венгеров Р., Микулич В., Михайлов М. Повести. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1902. 95 с.

26,5 × 18,0

Б/н

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

49. Гауптман Гергарт. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1908. Т. III. 560 с.

20,0 × 13,0

КП-211204

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Сочинения Гергарта Гауптмана. 3»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского

порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

50. Гете Иоганн Вольфганг. Собрание сочинений. — СПб.: тип. В. Безобразова, 1879. Т. VII. 534 с. + I–II с.

19,7 × 14,0

КП-211205

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Гете. VII»; передняя и задняя стороны коленкоровые.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле, титульном листе, с. II: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

51. Гете Иоганн Вольфганг. Лирика и драмы // Собрание сочинений. — СПб.: тип. В. Безобразова, 1879. Т. IX. 416 с.

19,8 × 14,0

КП-211206

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «[Гете]. IX»; передняя и задняя стороны коленкоровые.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

52. Гете Иоганн Вольфганг. Поэзия и правда // Собрание сочинений. — СПб.: тип. В. Безобразова, 1880. Т. X. 682 с.

19,8 × 14,0

КП-211207

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «[Гете]. X»; передняя и задняя стороны коленкоровые.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной

тюрьмы. На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

53. Гомер. Илиада / Перевод Н. И. Гнедича. — СПб.: изд. А. С. Суворина, 1892. 440 с. + I—XXXV с.

18,0 × 12,0

КП-211209

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе и с. 1: овальные и круглые штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце и титульном листе: штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или всю книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения» и «Просмотрено. Нач. Шлисс. кат. тюрьмы».

54. Гомер. Илиада / Перевод Н. М. Минского. — М.: изд. К. Т. Солдатенкова, б. г. 416 с. + I—X с.

19,0 × 13,0

КП-211208

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Илиада Гомера перевод Н. Минского»; уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах и титульном листе, на с. 1: круглые и овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце и титульном листе: штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На титульном листе: восьмиугольный штамп биб-

лиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и на с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

55. Горбунов И. Ф. Полное собрание сочинений. 3-е издание. — СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1904. Т. I. 384 с.

19,5 × 13,0

КП-211210

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На заднем форзаце, титульном листе, с. 1, 3, 5, 384: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

56. Горький М. Пьесы: Дачники. Дети Солнца. — СПб.: изд. Т-ва «Знание», 1907. Т. VII. 300 с.

20,5 × 14,0

КП-211211

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

57. Гофман Эрнст Теодор Амадей. Житейская философия Кота Мура. Повести и рассказы // Собрание сочинений. — СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1899. Т. VII–VIII. 319 с. + 264 с.

20,0 × 13,0

КП-211212/1-2

Переплет жесткий коленкорový (поврежден), на корешке золотое тиснение: «Гофман. 7–8» (корешок отделен).

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохово-

го завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

58. Данте-Алигиери. Божественная комедия. Рай. — СПб.: тип. Дома Призр., 1894. 228 с.

20,5 × 14,5

КП-211215

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный бумажный переплет.

На оригинальном переплете и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе: два восьмиугольных штампа библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На титульном листе надпись узника черными чернилами: «№ 529. 3/XII—16 г.».

59. Данте-Алигиери. Божественная комедия. Чистилище.— СПб.: тип. Дома Призр., 1894. 328 с.

20,5 × 14,5

КП-211214

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный бумажный переплет.

На оригинальном переплете и на титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На титульном листе надпись узника черными чернилами: «№ 530. 3/XII—16 г.».

60. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. Из московской жизни сороковых годов.— СПб.: изд. т-ва «Онни», 1911. 284 с. + I—XV с.

22,6 × 17,4

КП-211288

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

61. Дневник Льва Николаевича Толстого. 1895–1899. — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1916. Т. I. 292 с. + I–XX с.

21,7 × 15,0

КП-211289

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете, авантитуле, титульном листе, заднем форзаце, с. 292: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и оригинальном переплете: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На оригинальном переплете и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

62. Дневник Н. Г. Чернышевского. 1852–1853. 237 с. Вечера у княгини Старобельской. 142 с. (В одном переплете). Выходные данные отсутствуют.

25,3 × 17,0

КП-211558

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

63. Достоевский Ф. М. Критические статьи. Дневник писателя за 1873 г. // Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркса, 1895. Т. IX. Ч. 2. 474 с.

20,0 × 13,0

КП-211218

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе, с. 3: прямоугольные штампы библиотеки С. П. Б. Временной тюрьмы. На переднем форзаце надпись синими чернилами: «За повреждение книги, у арестанта, кроме дисциплинарного взыскания, высчитывается стоимость ее». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и на с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова; прямоугольный штамп «Проверено 1936».

64. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. // Полное собрание сочинений. — СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1882. Т. XI. 406 с.

24,4 × 15,5

КП-211216

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, авантитуле, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

65. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. и за 1880 г. // Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1895. Т. XI. 548 с. + I–IV с.

19,5 × 13,0

КП-211217

Переплет жесткий, составной, поздний (поврежден), отсутствует нижняя сторона, верхняя сторона оклеена бумагой; сохранился старый бумажный корешок с надписью: «Сочинения Достоевского. XI».

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце надпись красными чернилами: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского Порохово-

го завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

66. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. VII, 112 с. Т. VIII, 130 с. Т. IX, 152 с. (в одном переплете). — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1902.

23,0 × 16,0

КП-211221/1—3

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «Жуковский Сочинения. Т. VII—VIII—IX, 1902 г.»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе т. VII: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского Порохового завода». На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

67. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. X, 148 с. Т. XI, 144 с. Т. XII, 168 с. (в одном переплете). — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1902.

23,0 × 16,0

КП-211222/1—3

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «Жуковский. Сочинения. Т. X, XI, XII. 1902 г.»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульных листах т. X и т. XI: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

68. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. IX, 147 с. Т. X, 152 с. (в одном переплете). — СПб., изд.: А. Ф. Маркс, 1902.

23,0 × 16,5

КП-211220

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и верхнем форзаце: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

69. Жуковский В. А. Полное собрание баллад.— СПб.: Изд-во И. Глазунова, 1892. 295 с. + I—II с.

21,3 × 16,0

КП-211219

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

70. Жуковский В. А. Дневники. — СПб., 1901. 536 с.

24,0 × 15,0

КП-211340

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: прямоугольные штампы библиотеки С. П. Б. Временной тюрьмы. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

71. Ибсен Генрик. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд-т-ва А. Ф. Маркс, 1909. Т. II. 644 с.

20,0 × 13,0

КП-211225

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и на с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

72. Ибсен Генрик. Пер Гюнт. Драматическая поэма в пяти действиях / Перевод с датско-норвежского А. и П. Ганзен. — М.: изд. С. Скирмунта, 1905. 243 с.

21,5 × 14,5

КП-211223

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь или книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

73. Ибсен Генрик. Строитель Сольнес. Драма в трех действиях / Перевод с датского А. и П. Ганзен. — М.: изд. С. Скирмунта, 1904. 124 с.

21,3 × 15,0

КП-211224/1–2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова и прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

74. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника // Избранные сочинения. — СПб.: изд. И. Глазунова, 1892. Ч. 2. 272 с. + I–VIII с.

21,3 × 16,0

КП-211228

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На титульном листе и верхнем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

75. Козлов И. И. Стихотворения. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1892. 344 с.

21,0 × 14,0

КП-211226

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского Порохового завода». На авантитуле и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На авантитуле надпись черными чернилами: «Из книг В. Корсакова».

76. Козлов И. И. (1779–1840). Стихотворения. Поэмы. — СПб.: изд. И. Глазунова, 1906. 314 с.

21,5 × 16,0

КП-211227

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки

при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

77. Ломоносов М. В. Сочинения в стихах.— СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1893. 352 с.

21,0 × 14,0

КП-211230

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: прямоугольные штампы библиотеки С. П. Б. Временной тюрьмы, овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, штампы Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Просмотрено», овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

78. Ломоносов М. В. Сочинения в стихах. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1893. 352 с.

21,0 × 14,0

КП-211229

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 71: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

79. Майков А. Н. Полное собрание сочинений. Т. I, с. 318 + I—XIV с. Т. II, с. 224 (в одном переплете).— СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1914.

21,0 × 14,0

КП-211236/1—2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе первого тома: восьмиугольный штамп

библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

80. Майков А. Н. Полное собрание сочинений. Т. I. Выходные данные отсутствуют (утрачен титульный лист). 600 с. + I—XII с.

19,5 × 13,3

КП-211231

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «А. Н. Майков, Т. I»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и авантитуле: овальные штампы «Попечительства о народной трезвости. Шлиссельбургская чайная», народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

81. Майков А. Н. Полное собрание сочинений // Выходные данные отсутствуют (утрачен титульный лист). Т. II. 560 с. + VII—VIII с. (с. 1—6, I—VI утрачены).

20,0 × 13,5

КП-211232

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и авантитуле: штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права на всегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На переднем форзаце, авантитуле и с. 101: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На авантитуле: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

82. Майков А. Н. Поэмы. Проза // Полное собрание сочинений / Приложение к журналу «Нива» на 1914 г. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс. Т. III, 285 с.; Т. IV. 368 с. (с. 301—342 утрачены).

21,0 × 14,0

КП-211237/1–2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, с. 3 (Т. IV): штампы «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На переднем форзаце, переплете и титульном листе (Т. III): восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17 (Т. III): прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

83. Майков А. Н. Поэмы // Полное собрание сочинений: в 4 т. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1901. Т. III. 506 с. + I–II с. 19,5 × 14,0

КП-211233

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На авантитуле: штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения». На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переплете и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

84. Майков А. Н. Полное собрание сочинений: в 4 т. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1901. Т. IV. 618 с. 20,0 × 13,5

КП-211234

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

85. Майков А. Н. Лирика // Полное собрание сочинений: в 3 т. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1893. Т. I. 592 с. + I—XVI с.

20,0 × 13,8

КП-211235

Переплет жесткий, тканевый, с тиснением.

На переднем и заднем форзацах, авантитуле, титульном листе, с. 592: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переплете и титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На титульном листе: штамп «Книжный склад. Магазин. Библиотека Е. П. Распопова в Одессе. Основан в 1862 г.».

86. Метерлинк М. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915. Т. III. 412 с.

21,0 × 14,0

КП-211239

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, с. 9: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

87. Метерлинк Морис. Жизнь пчел. — СПб.: изд. А. Е. Колпинского, 1902. 242 с.

19,0 × 12,5

КП-211238

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 1, 2: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

88. Мей Л. А. Полное собрание сочинений: в 2 т. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1911. Т. I. 622 с.

20,7 × 14,0

КП-211241

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный, с тиснением: «Л. А. Мей. I»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

89. Мей Л. А. Стихотворения // Полное собрание сочинений: в 2 т. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1911. Т. I. 622 с.

21,0 × 14,5

КП-211240

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, прямоугольные штампы «Просмотрено. Шлиссельбургская каторжная тюрьма». На переднем и заднем форзацах, с. 5: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

90. Мольер. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. Т. I 388 с.; Т. II. 390 с. (в одном переплете).

21,0 × 14,0

КП-211244/1—2

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением «Мольер. Т. I—II»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле и с. 5 I тома: овальные штампы библиотеки Собрания служащих Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе

им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

91. Мольер. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. Т. II. 390 с.

21,3 × 14,5

КП-211243

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены коленкором.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

92. Мольер. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. Т. IV. 355 с.

20,5 × 14,0

КП-211242

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

93. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1909. Т. I. 635 с.

29,5 × 19,5

КП-211241

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штампы библиотеки С. П. Б. Временной тюрьмы, овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе Ш. П. З. им. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

94. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1912. Т. III. 575 с.

28,0 × 19,0

КП-211342

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского Порохового завода». На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

95. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1913. Т. VI. 627 с.

28,0 × 19,0

КП-211343

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

96. Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: в 6 т. — СПб.: изд. Ф. Павленкова, 1913. Дополнительный выпуск. 315 с.

28,0 × 19,0

КП-211344

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода», восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

97. Письма А. П. Чехова. (1876—1887). — М.: кн. изд-во писателей в Москве, б. г. Т. I. 464 с. + I—XXVIII с.

21,0 × 14,0

КП-211272

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Письма Чехова. I»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

98. Письма А. П. Чехова. (1890—1891). — М.: изд. М. П. Чеховой, 1913. Т. III 364 с. + I—XII с.

21,0 × 14,0

КП-211273

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением: «Письма Чехова. 3»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, титульном листе, с. 362: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

99. Полежаев А. И. Стихотворения. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1892. 328 с.

21,0 × 14,0

КП-211245

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок коленкорый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе, с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце: штамп: «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе, с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

100. Ростан Эдмонд. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1914. Т. II, кн 4. 474 с.

21,0 × 14,0

КП-211247

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете, титульном листе, с. 3, 472, 474: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

101. Рылеев К. Ф. Сочинения и переписка. — СПб.: издание газеты «Правда», типолитография С. Ф. Яздовского и К°, 1893. Т. II. 168 с. + 73 с.

20,5 × 14,0

КП-211246/1-2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штамп библиотеки С. П. Б. Временной тюрьмы, овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

102. Салтыков М. Е. (Н. Шедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1905. Т. II. 542 с.

21,0 × 14,0

КП-211250

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкорové; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

103. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1905. Т. II. 542 с. (II экз.).

20,0 × 13,0

КП-211248

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах: овальные штампы Шлиссельбургской библиотеки попечительства о народной трезвости, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: овальный штамп Шлиссельбургской библиотеки попечительства о народной трезвости и народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

104. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. История одного города. [Полное собрание сочинений]. Т. III. 664 с. Без выходных данных (титульный лист утрачен).

20,0 × 13,5

КП-211252

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением «Салтыков-Щедрин. III»; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

105. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1905. Т. III. 664 с.

20,0 × 13,0

КП-211251

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, с. 3, 7, 19: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

106. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. V. 540 с.

21,0 × 14,0

КП-211253

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 19: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

107. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. V. 540 с.

21,0 × 14,0

КП-211254

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе, с. 3, 540: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе, с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

108. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. V. 502 с.

20,5 × 13,0

КП-211255

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

109. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. VI. 500 с.

21,0 × 14,0

КП-211256

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского Порохового завода». На титульном листе: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

110. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. VI. 500 с. (II экз.).

21,0 × 14,0

КП-211257

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок кожаный коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

111. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. VI. 500 с. (III экз.).

20,0 × 13,0

КП-211258

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

112. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. VII. 512 с.

21,0 × 14,0

КП-211259

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

113. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. VIII. 556 с.

20,0 × 13,0

КП-211260

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце и с. 11: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

114. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. IX. 502 с.

20,0 × 13,0

КП-211261

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «Салтыков-Щедрин. IX»; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

115. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. X. 500 с.

20,0 × 13,0

КП-211264

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «Салтыков-Щедрин. X»; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

116. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. X. 500 с.

20,0 × 13,0

КП-211263

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

117. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. X. 500 с.

20,0 × 13,0

КП-211265

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На с. 3 и 19: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

118. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. XI. 614 с.

21,0 × 14,0

КП-211266

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце и с. 17: овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода.

119. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. XI. 614 с.

20,0 × 13,0

КП-211267

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с тиснением: «Салтыков-Щедрин. XI»; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и с. 17: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

120. Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1906. Т. XII. 688 с.

21,0 × 14,0

КП-211268

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; уголки коленкоровые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и с. 17: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

121. Толстой А. К. Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. А. Ф. Маркс, 1907. Т. I. 540 с.

20,0 × 13,0

КП-211269

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный с золотым тиснением; передняя и задняя стороны коленкоровые.

На переднем и заднем форзацах и с. 540: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

122. Толстой А. К. Драматическая трилогия / Полное собрание сочинений. — СПб.: изд. книжного склада М. М. Стасюлевича, 1899. Т. III. 560 с.

22,0 × 15,0

КП-211270

Переплет жесткий, составной; корешок кожаный; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце: штамп «Из библиотеки кружка рабочих Шлиссельбургского порохового завода». На титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

123. Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. — СПб.: изд. т-ва «Огни», 1912. 224 с. + I–XIV с.

23,0 × 16,0

КП-211271/1–2

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

124. Чуковский К. От Чехова до наших дней. — СПб.; М.: изд. М. О. Вольф, 1908. 268 с. + I–VI с.

20,5 × 14,0

КП-211285

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На оригинальном переплете, титульном листе и с. 1, 267, 268: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе, с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

125. Шекспир В. Король Ричард Третий. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1902. 88 с.

26,5 × 18,0

КП-211330

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

126. Шиллер Фридрих. Мария Стюарт. Трагедия в 5-ти действиях. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1902. 86 с.

26,5 × 18,0

КП-211326

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы народной

библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

127. Шиллер Фридрих. Турандот, принцесса китайская / Сказочная трагикомедия. (Сюжет Гоцци). — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. Т. III. 53 с.

26,5 × 18,0

КП-211325

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

128. Шиллер Фридрих. Философия, эстетика и критика. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. IV. 290 с.

26,5 × 18,0

КП-211323

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

129. Шиллер Фридрих. Драматические отрывки. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. 79 с.

26,5 × 18,0

КП-211328

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной

библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

130. Шиллер Фридрих. Семела. Разбойники. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. 98 с.

26,5 × 18,0

КП-211329

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе: овальный штамп библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

131. Шиллер Фридрих. Сочинения: надписи, мелочи, стихотворения. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. 71 с.

26,5 × 18,0

КП-211322

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

132. Шиллер Фридрих. История тридцатилетней войны. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. 203 с.

26,5 × 18,0

КП-211331

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им.

т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

133. Шиллер Фридрих. Вильгельм Телль. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1901. 87 с.

26,5 × 18,0

КП-211321

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

134. Шиллер Фридрих. Заговор Фиеско в Генуе. Республиканская трагедия. — СПб.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1902. 71 с.

26,5 × 18,0

КП-211324

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

135. Шоу Бернард. Полное собрание сочинений. — М.: изд. В. М. Саблина, 1910. Т. III. 267 с.

18,5 × 13,5

КП-211274

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем и заднем форзацах и авантитуле: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На оригинальном переплете: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3.

им. Н. Морозова, прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

136. Шоу Бернард. Профессия госпожи Воррен. Шоколадный солдатик / Полное собрание сочинений. — М.: изд. В. М. Саблина, 1910. Т. IV. 238 с.

18,5 × 13,5

КП-211275

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На переднем и заднем форзацах, на оригинальном переплете: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завкома завода № 6 им. Н. Морозова.

Учебная литература

Физико-математические науки

137. Дзиобек О. Курс аналитической геометрии. Ч. 1. Аналитическая геометрия на плоскости / Перевод с немецкого. — Одесса: изд. «Матезис», 1911. 300 с. + IV–VIII с. + 10 с.

22,3 × 15,5

КП-211290

Переплет жесткий, кожаный, поздний. На корешке золотое тиснение: «Дзиобек. Аналитика. I» и орнамент.

На обложке и титульном листе: овальные штампы Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено». На переднем форзаце надпись карандашом: «Левтонов Владимир. № 22». На обложке надпись чернилами: «Политическому заключенному Владимиру Левтонову от сестры Анны». На титульном листе надпись чернилами и карандашом: «№ 22. Получил от Н. 23. II. 1914 г. Шлиссельб. крепость. Вл. Левтонов».

138. Ковалевский Гергард. Основы дифференциального и интегрального исчисления / Перевод с немецкого. — Одесса: изд. «Матезис», 1911. 503 + 6 с.

22,8 × 15,2

КП-211291

Переплет жесткий, тканевый.

На авантитуле: овальный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено». На титульном листе: треугольный штамп

Московской губернской тюремной инспекции, овальный штамп СПб. Дома предварительного заключения, надпись чернилами: «М. Ц. П. Т. Одиночка № 40» и «№ 12. Баку. 1911 Вл. Левтонов», рисунок карандашом и надпись: «Из книг Вл. Левтонова».

139. Кюрзен М. Б. Систематический курс арифметики для средних учебных заведений. — М.: изд. т-ва И. Д. Сытина, 1914. 442 с. 22,0 × 14,0

б/н

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе, с. 1 и 442: овальные штампы «Просмотрено» Харьковской временной каторжной тюрьмы и Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце надпись карандашом: «Федор Шавишвили. 1914 г.» и надпись чернилами: «“Когда меня перевели из Харьковской каторжной тюрьмы в Шлиссельбургскую тюремщики при обыске шилом прокололи переплет этой книги, проверяя не запрятаны ли там деньги, записки...”» Ф. Шавишвили. Тбилиси. 28 февраля 1974 г.».

140. Морозов Николай. Начала векториальной алгебры в их генезисе из чистой математики. — С.-Петербург: изд. т-ва «Общественная польза», 1909. 178 с., I–VI с. + 2 с.

22,7 × 16,0

КП-211292

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки кожаные; передняя и задняя стороны тканевые. На корешке золотое тиснение: «Морозов. Векториальная алгебра» и орнамент.

На переднем форзаце: овальный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено». На титульном листе надпись чернилами: «№ 19. Вл. Левтонов» и надпись карандашом: «№ 19. Шлиссельбургская крепость. 21/IV–1915 г.».

141. Португалов А. В., Корсуков В. Д. Арифметика для экстернов / Пособие для изучения предмета без помощи учителя. Изд. 2-е. — Киев: изд. И. И. Самоненко, 1916. Ч. II. 206 с.

23,3 × 16,0

б/н

Переплет отсутствует.

На титульном листе: овальный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено».

142. Шуберт Герман, проф. Четырехзначные таблицы и таблицы обратных величин для решения логарифмических и тригонометрических задач / Новое издание проф. университета г. Иены Роберта Хауснера. — Берлин; Лейпциг, 1913. 176 с. + 32 с.

15,8 × 10,5

б/н

Переплет жесткий, тканевый.

На переднем форзаце: овальный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено». На титульном листе надписи карандашом: «Левтонов Вл.» и чернилами: «№ 27. Шлиссельбургская крепость. 15 IV 1914 г. Вл. Левтонов».

Биологические науки

143. Дарвин Чарльз. Насекомоядные растения / Перевод с английского. — СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1900. 252 с. + таблицы I–V.

21,5 × 15,0

КП-211294

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, титульном листе и с. 3, 5: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. 3. им. Н. Морозова.

144. Дарвин Чарльз. Образование растительного слоя деятельностью дождевых червей и наблюдения над образом жизни последних / Перевод с английского. — СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1899. 102 с. + таблицы I–V.

21,5 × 15,0

КП-211295

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе и на обратной стороне таблицы V: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, титульном листе и с. 5: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского

порохового завода. На титульном листе и с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем форзаце и титульном листе: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

145. Дарвин Чарльз. О движениях и повадках лезящих растений / Перевод с английского. — СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1900. 100 с. + таблицы I—III.

21,5 × 15,0

КП-211293

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый, передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе и на с. 1, 3: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем форзаце, на титульном листе, с. 1, 3: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и на с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

146. Дарвин Чарльз. Происхождение видов путем естественного подбора или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь / Перевод с английского. 2-е изд. — СПб.: изд. В. И. Губинского, б. г. 402 с. + 2 с.

25,0 × 16,0

КП-211333

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе, заднем форзаце и с. 402: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На титульном листе и с. 3: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки им. Н. Морозова. На титульном листе и верхнем форзаце: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: надпись карандашом: «Записок на книге не писать».

147. Дарвин Чарльз. Прирученные животные и возделанные растения / Собрание сочинений: в 4 т. / Перевод с английского. — СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1900. Т. III. 572 с.

21,5 × 15,0

КП-211297

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На титульном листе и на с. 17: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы: «Вырвавшие листы и уничтожившие их или всю тетрадь и книгу лишаются права навсегда или на некоторое время получать новую тетрадь для занятий или книгу для чтения», прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На титульном листе и верхнем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

148. Дарвин Чарльз. Приспособления орхидных к оплодотворению насекомыми / Собрание сочинений: в 4 т. / Перевод с английского. — СПб.: изд. О. Н. Поповой, 1901. Т. IV. 152 с. + I—VП с.

21,5 × 15,0

КП-211296

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем форзаце, авантитуле, титульном листе и с. 1, V: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На авантитуле: прямоугольный штамп библиотеки завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

149. Душистые растения и эфирные масла / Составили А. Базаров и Н. Монтеверде. 2-е изд. — СПб., 1899. 320 с.

23,8 × 15,0

КП-211332

Переплет жесткий, составной; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На переднем и заднем форзацах, на титульном листе: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем форзаце: вось-

миугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

150. Мак-Кендрик Д. Г., Снодрас В. Физиология органов чувств / Перевод с английского. — М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1900. 416 с.

19,0 × 12,5

КП-211301

Переплет жесткий, тканевый.

На переднем форзаце: круглая печать Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, штамп «Просмотрено. Нач. Шлисс. кат. тюрьмы», овальный штамп народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода, надпись карандашом: «Алек. Соколов». На авантитule: прямоугольные штампы библиотеки завода № 6 им. Н. Морозова и надпись карандашом: «Алек. Соколов». На переднем форзаце: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

151. Мечников И. И. Этюды о природе человека. — М.: изд. «Научное слово», 1913. 238 с. + I–VIII с.

25,0 × 17,0

КП-211302

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На титульном листе и с. 1: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На с. 4: овальный штамп библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

152. Тимирязев К. Земледелие и физиология растений. Происхождение азота растений. — Москва, 1893. Т. II. 87 с.

17,5 × 13,0

КП-211298

Переплет жесткий, кожаный; на корешке золотое тиснение: «Тимирязев. Земледелие».

На переднем форзаце и титульном листе: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На переднем

и заднем форзацах: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем и заднем форзацах: восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова. На титульном листе: надпись карандашом: «Кашников Александр. № 8».

Техническая литература

153. Буан Э. Гальванопластика / Перевод с французского. — СПб.: изд. В. И. Губинского, б. г. 226 с. + I—III с.

18,0 × 12,0

КП-211303

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок тканевый; передняя и задняя стороны оклеены бумагой. Внутри сохранился оригинальный мягкий переплет.

На мягком переплете, на титульном листе и с. III: овальные штампы библиотеки Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. На мягком переплете, с. 17: прямоугольные штампы библиотеки завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем и заднем форзацах, на мягком переплете и с. 30: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода. На переднем форзаце: восьмиугольный штамп библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

154. Корзухин И. А. Механическая обработка полезных ископаемых.— СПб.: тип. т-ва М. О. Вольф, 1908. 496 с. + I—XIII с.

23,8 × 16,5

КП-211305

Переплет жесткий, составной; корешок и уголки кожаные; передняя и задняя стороны ледериновые. На корешке золотое тиснение: «Механическая обработка полезных ископаемых. Г. А. А.» и орнамент.

На титульном листе: овальный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено». На титульном листе и с. 17: прямоугольный штамп библиотеки завода им. Н. Морозова. На переднем форзаце: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода и восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

155. Шюле В. Техническая термодинамика / Перевод с немецкого. — П.; Киев: изд. «Сотрудник», 1911. 335 с. + I–XIV с.
25,8 × 18,0
КП-211304

Переплет жесткий, составной, поздний; корешок и уголки тканевые; передняя и задняя стороны оклеены бумагой.

На авантитуле: прямоугольный штамп Шлиссельбургской каторжной тюрьмы «Просмотрено» и надписи чернилами: «П. О. Бриен де Ласси» и «№ 129». На титульном листе: прямоугольный штамп библиотеки завода № 6 им. Н. Морозова. На переднем и заднем форзацах, на авантитуле: овальные штампы народной библиотеки-читальни Шлиссельбургского порохового завода и восьмиугольные штампы библиотеки при рабочем клубе им. т. Чекалова Ш. П. З. им. Н. Морозова.

Сведения об авторах

Барабанова Альдина Ивановна (1925–2001)

Историк, старший научный сотрудник ГМИ СПб в 1955–2001 гг.

Тема исследований — история Петербурга и Петропавловской крепости. Автор книг: «Народовольцы в Петербурге» (Л., 1984, в соавторстве), «Тайны русской Бастилии» (СПб., 1996, в соавторстве), «Петропавловская крепость-музей, Петропавловская крепость. Страницы истории» (СПб., 2001, в соавторстве) и ряда научных публикаций в сборниках и журналах. Автор экспозиций «Узники тюрьмы Трубецкого бастиона», «История Петропавловской крепости», «История Петербурга 1703–1825 годов»; выставки «Народовольцы в Петербурге» и др.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Виноградова Тамара Рудольфовна

Научный сотрудник ГМИ СПб. В музее работает с 1999 г. по теме «История Шлиссельбургской крепости XVIII — начала XX века».

Герасимова Наталья Кирилловна

Историк, старший научный сотрудник, заведующая отделом истории города ГМИ СПб в 1979–2003 гг. С 2003 г. — зам. директора мемориального музея «Разночинный Петербург». Тема исследований: история Петербурга, тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Автор концепции и статьи, составитель альбома «Образы Петербурга» (СПб., 2002, в соавторстве); автор публикаций в сборнике «Новое о революции 1905–1907 годов» (ЛГУ, 1989), в Краеведческих записках ГМИ СПб № 1 (1993), № 7 (2000), в журнале «Нева» (№ 10, 2001).

Принимала участие в создании экспозиций и выставок: «История Петербурга 1703–1825 годов» в Комендантском доме, «Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 годов». Работала над мемориальными экспозициями в Юсуповском дворце в Петербурге и в Ливадийском дворце в Ялте.

Гунич Андрей Евгеньевич

Архитектор института «Ленпроектреставрация». Автор проекта реставрации куполов Петропавловского собора, шпица Нарышкина бастиона, проекта реставрации и приспособления Екатерининского придела Петропавловского собора для погребения императора Николая II, членов его семьи и слуг. Автор проектов реставрации и музеефикации ряда фортификационных и общественных сооружений в Петропавловской крепости (Иоанновского рavelина, эскарпового фасада Петровской куртины, Каретного сарая и др.). Автор проекта реставрации шатра башни Головина, руководитель восстановления башни Головина и крепостной стены между башнями Головина и Безымянной в крепости Орешек. Автор частично реализованного проекта реставрации дворца Безбородко на Почтамтской улице в Петербурге, участник разработки проекта реставрации Фермерского дворца в Петергофе, и др. Автор статей по истории архитектуры.

Дьякова Юлия Рудольфовна

Старший научный сотрудник ГМИ СПб. В музее работает с 1998 г. Тема исследований: история Шлиссельбургской крепости XVIII — начала XX века. Автор ряда статей в журналах и сборниках.

Захарова Татьяна Григорьевна

С 1979 г. научный сотрудник, директор мемориального музея Н. А. Морозова (пос. Борок, Ярославской области), с 2000 г. начальник музейного отдела Института биологии внутренних вод РАН, в который входит и музей Н. А. Морозова.

Тема исследований: история усадьбы, семьи, революционной и научной деятельности Н. А. Морозова. Организатор Морозовских чтений в Борке с 1984 г. Автор ряда публикаций.

Игнатьева Галина Петровна

Историк, заведующая научным отделом филиала ГМИ СПб «Шлиссельбургская крепость “Орешек”». В музее работает с 1965 г. Тема исследований: история Шлиссельбургской крепости XVIII — начала XX века. Автор книг «Шлиссельбургская крепость» (Л., 1986, в соавторстве), «Узники Шлиссельбургской крепости» (Л., 1985, в соавторстве) и ряда публикаций в сборниках музея и журналах, а также экспозиций и выставок в крепости-музее Орешек.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Кильдюшевский Владимир Игоревич

Археолог, бывший научный сотрудник ИИМК РАН (ныне пенсионер). Занимается исследованием материальной культуры средневековых городов Руси. Проводил раскопки в крепости Орешек, Пскове, Кингисеппе (крепость Ям), Гдове, Торжке, Твери, Владимире. Автор 58 научных работ.

Левтонова Ольга Владимировна

Музыковед. Член Союза московских композиторов, член Союза театральных деятелей России, заслуженный деятель культуры Польши.

Автор публикаций о советских композиторах, музыкантах-исполнителях, о польском музыкальном искусстве и культуре. Передала в дар ГМИ СПб документы, фотографии своего отца В. Н. Левтонова — узника Шлиссельбургской крепости в 1910–1916 гг.

Селин Адриан Александрович

Историк и археолог. Кандидат исторических наук. Заместитель директора по науке Староладожского музея-заповедника.

Автор многочисленных публикаций по истории, археологии и исторической географии Северо-Запада Новгородской земли, в том числе книг «Ивангородская дорога» (СПб., 1996), «Ладога при Московских царях» (СПб.; Старая Ладога, 2003), «Историческая география Новгородской земли XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины» (СПб., 2003).

Соломко Валентина Степановна (1938–2005)

Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник ГМИ СПб в 1964–2005 гг. Тема исследований: история Петербурга, Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Автор музейных экспозиций по истории Петербурга. Автор статей в энциклопедиях «Три века Петербурга» (СПб, 2001–2006, не окончено), «Санкт-Петербург» (М.: РОССПЭН. 1-е изд. — 2004; 2-е изд. — 2006).

Список сокращений

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИЗ — Государственное издательство
ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ДП — Департамент полиции
ДП ОО — Департамент полиции, особый отдел
ДП-7 — Делопроизводство-7
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских
М. Ц. П. Т. — Московская центральная пересылочная тюрьма
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РДФ — Рукописно-документальный фонд
РНБ — Российская Национальная библиотека
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГА ИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
Ш. П. З. — Шлиссельбургский пороховой завод

Содержание

От составителя.....	5
<i>Кильдюшевский В. И.</i> Крепость Орешек — начало истории.....	7
<i>Селин А. А.</i> Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны.....	34
<i>Дьякова Ю. Р.</i> История церковного строительства в XIV—XIX веках в Шлиссельбургской крепости.....	38
<i>Гунич А. Е.</i> К вопросу о рисунке флюгеров XVI века на шатрах Шлиссельбургской крепости Орешек.....	44
<i>Дьякова Ю. Р.,</i> Виноградова Т. Р. Памятная доска с именами павших воинов при штурме Нотебурга 11 октября 1702 года.....	54
<i>Соломко В. С.</i> Просветитель Н. И. Новиков — узник Шлиссельбургской крепости «Орешек».....	63
<i>Соломко В. С.</i> Герман Александрович Лопатин (1845—1918). 18 лет в Шлиссельбургской крепости.....	73
<i>Дьякова Ю. Р.</i> Узник Шлиссельбурга Валериан Лукасинский.....	82
<i>Захарова Т. Г.</i> Шлиссельбуржец Н. А. Морозов.....	86
<i>Игнатьева Г. П.</i> Женщины — узницы Шлиссельбургской крепости XVIII—XX веков.....	102
<i>Игнатьева Г. П.</i> Пятьдесят шесть минут в ожидании казни (Зинаида Коноплянникова).....	110
<i>Дьякова Ю. Р.</i> Трагическая судьба Софьи Михайловны Гинзбург..	115
<i>Виноградова Т. Р.</i> Людмила Волкенштейн в Шлиссельбургской крепости.....	122
<i>Барabanова А. И.</i> В. Н. Фигнер.....	132
<i>Герасимова Н. К.</i> Узник двух крепостей.....	157
<i>Левтонова О. В.</i> «Последний Шлиссельбург» (1907—1917).....	170
<i>Игнатьева Г. П.</i> Побег из Шлиссельбургской крепости.....	184
<i>Игнатьева Г. П.</i> К истории библиотеки Шлиссельбургской крепости. XIX — начало XX века.....	194
Книги библиотеки Шлиссельбургской крепости (конец XIX века — 1917 год). Каталог. Составитель <i>Г. П. Игнатьева</i> ..	206
Сведения об авторах.....	263
Список сокращений.....	266

Учредитель альманаха «Труды Государственного музея
истории Санкт-Петербурга» — Государственный музей
истории Санкт-Петербурга

Издательский орган — издательский отдел, тел. 498 06 52

**Труды Государственного музея истории
Санкт-Петербурга**

Вып. 12

**Шлиссельбургская крепость Орешек:
исследования и материалы**

Издание подготовлено издательским отделом ГМИ СПб

Редакторы: *Л. Н. Коннова, И. В. Антипов*
Технический редактор: *О. В. Волкова*
Корректор: *О. Е. Юдина*
Оригинал-макет: *М. М. Антонец*

Подписано в печать 02.11.2006. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Уч.-изд. л. 16,75. Тираж 500 экз. Заказ № 591.

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел./факс: (812) 702-75-78, (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

